

ТАЛИЦКІЙ (СЕРГѢЙ ШАРАПОВЪ)

БУМАЖНЫЙ РУБЛЬ

(ЕГО ТЕОРІЯ И ПРАКТИКА)

Научные законы бумаго-денежнаго обращенія въ самодержавномъ государствѣ. — Большая Казна и ея мѣстные органы. — Русская финансовая и народохозяйственная программа. — Мелкій народный кредитъ. — Сельскіе союзы

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, В. Подъяч., 39.

1895

Выгодность для Германіи торговых сношеній съ Россією, чрезвычайно ослабляется принятою въ Россіи системою неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, составляющихъ иногда прямое препятствіе ко ввозу туда нашихъ мануфактурныхъ произведеній. При низкомъ курсѣ рубля, нѣмецкій фабрикантъ, не въ состояніи конкурировать съ русскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же низкій курсъ, создаетъ русскому экспорту крупныя преміи. До возстановленія въ Россіи металлическаго обращенія, страна эта будетъ недоступна для нашихъ правильныхъ и широкыхъ торговыхъ въ ней оборотовъ, а потому, въ интересахъ Германіи всѣми мѣрами способствовать введенію въ Россію металлической валюты и уничтоженію курсовыхъ колебаній.

(Изъ отчета Кенигсбергской торговой палаты).

ОТЪ АВТОРА.

Настоящее изслѣдованіе представляетъ первую попытку связать славянофильское ученіе съ данными экономической науки, освѣтить, съ одной стороны, экономическія явленія съ точки зрѣнія закона свободы человѣческаго духа, съ другой—найти реальную опору славянофильскимъ нравственнымъ и политическимъ воззрѣніямъ.

Я избралъ предметомъ изслѣдованія вопросъ о бумажныхъ деньгахъ потому, что онъ является, такъ сказать, средоточіемъ всей экономической науки. Мнѣ хотѣлось показать, что, оставаясь на почвѣ механическихъ законовъ необходимости, экономика ни къ чему не придетъ и не можетъ придти, развѣ къ удостовѣренію, что у человѣчества нѣтъ иной будущности, кромѣ рабства слабаго у сильнаго, или гибели всего современнаго строя путемъ бунта слабыхъ.

Деньги — вотъ орудіе экономическихъ отношеній лицъ, группъ и странъ. Господствующая на Западѣ денежная система выражаетъ непосредственно безсиліе нынѣшней экономической науки. При всемъ относительномъ совершенствѣ денежнаго обращенія на Западѣ, при безчисленномъ множествѣ всякихъ организацій, формъ, гарантій, союзовъ и соглашеній, довольно немного углубиться въ сущность западныхъ денежныхъ условій, чтобы увидать въ нихъ неизбѣжный зародышъ того же страшнаго разложенія, которое съѣдаетъ западную науку, искусство, религію, философію,

право, государственность, словомъ, всю западную цивилизацію во всемъ ея объемѣ и проявленіяхъ.

Зародышъ этотъ—начало *бездурнаго формализма*, замѣнившаго мало-по-малу всюду идеальное начало *этры*; начало условнаго и относительнаго, замѣнившее мало-по-малу начало абсолютнаго, высшаго и вѣчнаго, высоко вознесшее и разнуздавшее хищное человѣческое я и обратившее всѣ стороны жизни цивилизованнаго человѣчества въ огромную арену безконечной борьбы эгоизмовъ. Эгоизмы эти то топять безжалостно другъ друга, то, уставъ въ борьбѣ и впадая въ отчаяніе, слиятыя путемъ холодной разсудочной спекуляціи придумать такія нормы и рамки, при которыхъ было бы возможно *кое-какъ жить*.

Но не удастся это Западу ни въ какой области. Куда ни взглянешь, повсюду человѣческая мысль упирается въ отчаяніе и небытіе. Религія выродилась въ матеріалистическій атеизмъ, философія—въ пессимизмъ, государственность—въ анархизмъ, этика—въ проповѣдь чистѣйшаго эгоизма, экономика—въ формальное торжество хитрости и силы съ одной стороны, рабства, нищеты и неугасимой ненависти—съ другой.

Безсиліе Западу въ области мысли до того поразительно за послѣднее время, что кромѣ ополченныхъ, износившихся и полныхъ внутреннихъ противорѣчій нѣсколькихъ модныхъ міровоззрѣній не является ничего на смѣну, не блещетъ нигдѣ ни луча надежды. Да и не откуда ему тамъ взяться!...

Славянофильство, скромно стоявшее особнякомъ, въ сторонѣ отъ старыхъ великихъ очаговъ человѣческой мысли, теперь оказывается единственнымъ міровоззрѣніемъ, единственною философіею полною жизни и *этры въ жизнь*. Оклеветанное, осмѣянное, оно вдругъ начинаетъ привлекать къ себѣ взоры и умы. Къ нему начинаютъ прислушиваться, начинаютъ его изучать.

Настоящее изслѣдованіе представляетъ слабую попытку пополнить и развить основныя воззрѣнія славянофильства въ той области, до которой оно почти не касалось ранѣе. Это область экономическая. Думаю, что мнѣ посчастливилось, исходя изъ

основъ этого ученія, данныхъ Кирѣевскимъ, Хомяковымъ, Аксаковымъ, Самаринымъ, Данилевскимъ, и пользуясь строго научными приѣмами, школы, посылно пополнить это ученіе. Я хотѣлъ показать, что и въ экономической области достаточно отвергнуть нѣкоторыя условности и побѣдить застарѣлыя предрасудки, чтобы жизнь тотчасъ предъявила свои права и показала возможность органическаго творчества тамъ, гдѣ до сихъ поръ видѣли лишь стихійную игру слѣпыхъ силъ. Государство, какъ условность, какъ мертвенная форма, олицетворяющая внѣшній порядокъ, не смѣетъ и мечтать ни о какомъ экономическомъ творествѣ. Наоборотъ, государство, какъ живое выраженіе мірскаго, соборнаго начала, олицетворенное въ живомъ полномъ Государѣ, оказывается необычайно творческимъ и могущественнымъ. Деньги — золото, деньги — власть, деньги — темная сила и орудіе рабства слабого у сильнаго, обращаются въ расчетную бумажку, безпритязательнаго объективнаго счетчика, въ орудіе христіанской помощи народному труду, предприимчивости и сбереженію. Выясняется возможность полнаго примиренія и не условнаго только, а прочнаго, истиннаго, враждующихъ человѣческихъ эгоизмовъ путемъ отнятія незаконной *власти* у одного и возвращенія законной *свободы* другому. Тамъ, гдѣ на Западѣ раздается какъ послѣднее слово, слово отчаянія, славянофильство смѣло поднимаетъ свой голосъ надежды и оправданной, уясненной, раскрытой вѣры въ лучшее будущее человѣческаго изобрѣтенія, труда и скромнаго стяжанія. Сущность экономическихъ процессовъ остается та же, отъ вѣка предуставленная Провидѣніемъ, какъ законы движенія и равновѣсія, свѣта и электричества но человѣкъ освобождается отъ власти слѣпыхъ силъ, становится не бездушной пѣшкой въ экономической борьбѣ, какимъ силилась утвердить его западная наука, а живымъ, свободнымъ дѣятелемъ, примѣняющимъ эти законы сознательно, а не только имъ пассивно подчиняющимся. Если будетъ справедливо на весь міръ экономическихъ явленій смотрѣть какъ на «систему человѣческихъ дѣятельностей, обусловливаемыхъ и направляемыхъ поль-

зою», то разница между западными и славянофильскимъ взглядами немедленно обнаруживается. Идея «пользы» тамъ есть самостоятельная, самодовлѣющая сила, ничего выше себя не знающая. Здѣсь ея истинное мѣсто лишь какъ *служебнаго начала* другому высшему нравственному и безсмертному началу. Понятія совершенно перестанавливаются, и человѣкъ изъ покорнаго раба силь экономическихъ становится ихъ господиномъ, обращаясь изъ рабовъ Ротшильда въ «рабы Господни», единственное сладкое рабство, съ коимъ сознательно мирится и въ коемъ воистину освобождается безсмертный духъ человѣка.

И въ этомъ признаніи, въ этой перестановкѣ понятій тотчасъ же раскрывается и истинно великая сила нравственнаго начала, поставленнаго, какъ высшая власть. Экономическое начало пользы злое и бессмысленное, какъ призванное божество новаго Запада, становится творческимъ орудіемъ и послушною силою въ рукахъ государства, построеннаго не на эгоистическомъ началѣ *договора*, а на нравственномъ — *доверія*.

Съ этой точки зрѣнія я и прошу читателя взглянуть на изложенные въ этой книгѣ законы творчества мнимыхъ капиталовъ, регуляторъ денежнаго обращенія въ государствѣ, зависимость постоянства денежной единицы отъ обстановки главнаго народнаго труда, образованіе государственныхъ запасныхъ капиталовъ и пр., и пр. Всѣ эти законы раскрыты только посредствомъ изслѣдованія той денежной формы, которая по существу своему *нравственна* и, какъ таковая, не поддается западной игрѣ эгоизмовъ и западной наукою отвергается.

Важность этихъ законовъ, независимо отъ ихъ вѣрности и научнаго значенія, лежитъ, по моему мнѣнію, еще въ томъ, что, уясняя вопросъ о правильномъ устройствѣ экономической жизни въ государствѣ, они раскрываютъ неизмѣримо далекія перспективы, указывая на второстепенное значеніе экономического міра явленій и вознося передъ государствомъ высшія и величайшія цѣли бытія. Указывая, что вопросъ о «пользѣ» и ея проявленіяхъ въ общежитіи, разрѣшается къ полному удовле-

творенію и благополучію трудящихся, сберегающих и умствующих, не говорят ли повелительно эти же самые законы, что и трудиться, и сберегать, и умствовать возможно лишь во имя иных, вѣчных и высоких цѣлей, возносящихся тѣмъ ярче и виднѣе, чѣмъ лучше, понятнѣе и достижимѣе справедливость и спокойствіе обстановки временной, матеріальной чело-вѣка?

Вотъ съ этой точки зрѣнія я и позволяю себѣ надѣяться, что мой трудъ имѣетъ значеніе въ цѣломъ составѣ славянофильскаго міровоззрѣнія. При всей неполнотѣ, неясности, сбивчивости и плохомъ расположеніи частей моего изслѣдованія, я думаю, что мнѣ удалось выяснитъ и отмѣтитъ по крайней мѣрѣ важнѣйшее, и что тѣ, кому по душѣ придется мой трудъ, не затруднятся его пополнить и исправить, не теряя общей руководящей нити.

Но и кромѣ этого принципиальнаго значенія я хотѣлъ бы надѣяться, что мой трудъ не останется безъ нѣкоторой прямой доли пользы. Въ русскомъ обществѣ не имѣется никакихъ установившихся взглядовъ на финансовыя вопросы. Западныя теоріи, такъ дорого стоившія нашему государственному и народному хозяйству, потеряли кредитъ и въ общественномъ обиходѣ держатся лишь по недоразумѣнію. Между, тѣмъ русской теоріи, русскихъ взглядовъ не выработалось, и потому господствуетъ необычайная пуганица, прямо отражающаяся и на нашей финансовой практикѣ. Наряду съ мѣропріятіями, указывающими на нѣкоторое приближеніе къ пониманію смысла и значенія абсолютныхъ знаковъ въ самодержавномъ государствѣ, возникаютъ и осуществляются проекты и предположенія прямо противоположнаго характера, наносящія нашему бумаго-денежному обращенію серьезный ущербъ. Ни съ того, ни съ сего весь газетный хоръ начинаетъ, на примѣръ, вдругъ славословить золотую валюту, абсолютныя деньги называть «сладкимъ ядомъ» и плакать о прекратившемся полвѣка назадъ металлическомъ у насъ обращеніи.

Вслѣдъ за славословіемъ является неожиданно мѣра, которая

никогда бы не могла получить своего осуществленія, будь въ нашемъ обществѣ и у специалистовъ установившіяся финансовыя воззрѣнія. Между тѣмъ разрѣшеніе сдѣлокъ на золотую валюту, исходя изъ того взгляда, что золото деньги лучше, деньги болѣе вѣрныя, чѣмъ «сладкій ядъ» — кредитные билеты — поражаетъ въ самый корень нашъ абсолютный знакъ, выдвигаетъ вновь вопросы, повидимому исторіею уже порѣшенные...

Въ виду особеннаго значенія этой мѣры и въ предвидѣніи ея печальныхъ послѣдствій, для русскаго общества будетъ особенно важно разобратся въ мотивахъ, ее вызвавшихъ, и оцѣнить, какъ нравственное, такъ и теоретическое значеніе неожиданно выдвинувшейся впередъ идеи о возстановленіи у насъ металлическаго обращенія. Имѣя въ виду эту потребность, я счелъ себя вынужденнымъ измѣнить мое первоначальное намѣреніе — вновь, кореннымъ образомъ переработать помѣщенные въ «Русскомъ Обозрѣніи» 1893 года статьи «Основы русской денежной системы». Я выпускаю ихъ почти въ черновомъ видѣ, безъ всякой обработки, надѣясь на снисхожденіе читателя и припоминая предисловіе Виктора Гюго къ его «Histoire d'un crime»: *Ce livre n'est pas seulement utile, il est urgent — je le publie*.

Часть I.

Теоретическая постановка вопроса об абсолютных (бумажных) деньгахъ.

I.

Въ ряду такъ-называемыхъ гуманитарныхъ наукъ наука о финансахъ занимаетъ положеніе совершенно исключительное. У нея существуетъ обширная литература, представляющая очень подробное и остроумное изслѣдованіе фактовъ, накопившихся цѣлыми столѣтіями. Изъ анализа этихъ фактовъ выведены обобщенія, законы и правила, складывающіеся въ стройныя системы. Самая наука имѣетъ предметомъ явленія, въ значительной степени подлежащія опыту и учету и выражающіяся въ цифрахъ. И именно эта-то наука, какъ оказывается, разошлась съ живою жизнью до такой степени, что становится возможнымъ не въ шутку, а совершенно серьезно поставить такой вопросъ: кто кому долженъ подчиняться — жизнь финансовой наукѣ, или эта наука жизни?

Какъ ни страненъ этотъ вопросъ, но разъ онъ поставленъ, онъ обличаетъ крупное внутреннее недоразумѣніе, въ которомъ необходимо разобраться. До сихъ поръ мы повимали науку вообще, какъ изслѣдованіе и уясненіе тѣхъ законовъ, по которымъ движется жизнь въ ея разнообразнѣйшихъ областяхъ и проявленіяхъ. Какимъ бы методомъ ни было сдѣлано извѣстное обобщеніе, оно, чтобы стать научнымъ закономъ, должно непременно не только выяснять и систематизовать явленія, но и управлять ими, предвидѣть и предсказывать ихъ.

Если мы съ этой точки зрѣнія подойдемъ къ такъ-называемой финансовой наукѣ, то наша вѣра въ нее (если предположить, что та-

ковая была) непременно посрамится. Финансовая наука выдвигает свои законы, а жизнь имъ совершенно противорѣчить. Финансовая наука, на основаніи своихъ умозрѣній, рекомендуетъ тѣ или другія мѣры, жизнь ихъ отвергаетъ. Наконецъ, финансовая наука предсказываетъ явленія, вычисляетъ и соображаетъ, а въ дѣйствительности получается совсѣмъ другое, иногда прямо противоположное.

Про какое-нибудь сравненіе съ точными науками никакой и рѣчи быть не можетъ. Астрономія, напримѣръ, предсказываетъ затменіе на тысячу лѣтъ впередъ, и оно совершается минута въ минуту. Механика вычисляетъ смѣлую арку моста, и мостъ выдерживаетъ какъ-разъ ту тяжесть, какая отъ него требуется. Химія на основаніи извѣстныхъ умозаключеній предсказываетъ, что должно быть открыто такое-то простое тѣло съ такой-то плотностью пара и атомнымъ средствомъ, и тѣло открывается именно такое. Даже медицина, въ общемъ представляющая совершенно невоздѣланное поле, и та въ своемъ экспериментальномъ запасѣ имѣетъ нѣсколько безспорныхъ правилъ и указаній: дайте пациенту въ такомъ-то случаѣ то-то, и получите то-то.

Ничего подобнаго такъ-называемая финансовая наука не имѣетъ и не знаетъ, и всѣ ея построенія по меньшей мѣрѣ спорны, а практическіе совѣты въ большей части никуда не годны.

Если мы попытаемся анализировать происхождение и развитіе западной финансовой науки, мы легко убѣдимся, что, собственно говоря, наука эта тамъ еще и не зарождалась. Для нея не было вовсе почвы. Финансовая наука—законное дитя политической экономіи. А. что представляетъ эта наука? Она, начиная съ Адама Смита, своего основателя, продолжая Жаномъ Баптистомъ Сэемъ и Рикардо, и кончая социалистами, дала цѣлый рядъ школъ и остроумныхъ писателей. Текущія явленія экономической жизни были изучены въ подробностяхъ и подведены подъ извѣстные законы, довольно вѣрно выражающіе высшіе признаки явленій. Адольфъ Вагнеръ посвятилъ специально Россіи огромный трудъ, долгое время считавшійся чѣмъ-то въ родѣ финансоваго у насъ евангелія. Внутренняя, психологическая сущность экономическихъ процессовъ была, однако, изслѣдователями оставлена въ сторонѣ, и на основаніяхъ простой чисто-механической повторяемости, а въ духовномъ отношеніи на основаніи одной идеи *пользы* было признано, что экономическимъ міромъ явленій управляютъ такіе же слѣпые законы необходимости, какіе управляютъ неодушевленной природой. Всякая борьба съ этими законами, или всякое стѣсненіе ихъ свободнаго проявленія является по воззрѣніямъ эконо-

мистовъ нарушеніемъ основнаго принципа *пользы*, который въ своемъ свободномъ видѣ заключаетъ всѣ элементы технического и культурнаго совершенствованія, достаточнаго для человѣчества.

Совершенно въ сторонѣ отъ міроваго научнаго движенія стоитъ гениальный изобрѣтатель бумаго-денежной системы и великій финансистъ-практикъ—Джонъ Ло съ своими плохо прочтенными и теперь позабытыми сочиненіями. Въ сторонѣ же стоитъ и группа такъ-называемыхъ утопистовъ, пытавшаяся посредствомъ крайне остроумныхъ, но разсудочныхъ комбинацій обойти законы органическаго творчества въ мірѣ экономіи и *сочинить* новыя финансовыя системы, оказавшіяся сплошь неудачными. Наконецъ, видѣется Фридрихъ Листъ, впервые признавшій великую роль нравственнаго начала въ экономическомъ мірѣ и совершенно развѣнчавшій матеріалистическое ученіе Адама Смита и Сая. Но этотъ замѣчательный экономистъ высказываетъ лишь самыя общія идеи и почти совсѣмъ не говоритъ о финансахъ. Изъ всей серьезной литературы по этому вопросу, не исключая и твореній Адольфа Вагнера, одно только имя и приходится на Западѣ произнести съ глубокимъ уваженіемъ, это имя Родбертуса, къ сожалѣнію, только намѣтившаго истинныя законы денежнаго обращенія въ своей знаменитой книгѣ «Исслѣдованія въ области національной экономіи классической древности», но отнюдь ихъ не разрѣшившаго.

И сейчасъ, какъ и тридцать лѣтъ назадъ, финансовая наука въ лицѣ ея наиболѣе выдающихся представителей на Западѣ, стоитъ все на томъ же *золотомъ* основаніи. И сейчасъ еще она насквозь матеріалистична, и это лишаетъ ее всякой глубины и всякой основательности. Какъ ни чудовищны практическіе выводы изъ теоретическихъ псевдо-научныхъ построеній, у Запада словно не хватаетъ мужества взглянуть имъ прямо въ глаза.

Управляемый *пользою*, экономическій міръ, по возрѣніямъ занадныхъ экономистовъ, имѣетъ могучимъ орудіемъ борьбу индивидуальныхъ эгоизмовъ между собою. Въ этой борьбѣ, носящей техническое названіе *конкуренціи*, люди сами собою изошряются и придумываютъ все болѣе и болѣе совершенныя орудія борьбы. Для большаго успѣха въ дѣлѣ люди сплачиваются въ группы и союзы, уде-сятеряютъ этимъ свои разрозненныя силы и начинаютъ бороться уже не человекъ съ человекъ, а группа съ группою, общественный классъ съ классомъ, наконецъ народъ съ народомъ.

Положенный такимъ образомъ въ основаніи политической экономіи элементъ борьбы явился въ сущности совсѣмъ не случайно.

Если признавать дѣйствіе данной духовной и исторической среды на формулованіе и направленіе господствующихъ міровоззрѣній, то нельзя не усмотрѣть, что *борьба* лежитъ на Западѣ въ основѣ всего, окрашиваетъ и одухотворяетъ собой все. Въ области вѣры— борьба авторитета и свободы. Въ области права— борьба индивидуума и общества. Въ области государства— борьба власти и автономіи. Наконецъ, даже въ области природы— борьба за существованіе, знаменитая *struggle for life*, увѣчливая и какъ бы оправдывающая весь циклъ борьбы.

Ясно, что умъ мыслителей, окруженный въ жизни, въ вѣрѣ и въ наукѣ одной борьбой, не могъ не перевести ее и въ область экономики, гдѣ борьба совершается вполне открыто на глазахъ зрителя, гдѣ сильный рветъ у слабого, что можетъ, торжествуя и радуясь, что непосредственныя, ближайшія, по крайней мѣрѣ, формы борьбы облечены въ совершенно приличную оболочку, что нѣтъ ни грубаго насилія, ни стоновъ, какъ въ тѣ времена, когда сильный бралъ слабого за горло. Теперь та же, или можетъ быть еще ужаснѣйшая борьба совершается безъ воплей и стоновъ. Утромъ заглянули въ газету, въ полдень написали на бумажкѣ нѣсколько цифръ,—къ вечеру часть имущества, а иногда и все имущество одного самымъ несправедливымъ по существу образомъ перешло къ другому. Жаловаться некому и не на кого. Васъ ограбилъ не Петръ, не Иванъ, не разбойникъ рыцарь, васъ ограбила биржа, ограбилъ неизвѣстно кто, васъ раздавила невидимая рука и притомъ рука, одѣтая въ мягкую перчатку «правоваго порядка».

Въ экономикѣ, основанной на борьбѣ, часть ея, финансовая наука, явилась совершенно послѣдовательно орудіемъ борьбы. Подобно тому, какъ военные техники съ величайшей быстротой изобрѣтали за послѣднее время все ужаснѣйшія орудія разрушенія, западная финансовая наука, развиваясь неумолимо-послѣдовательно въ одну сторону, выковывала наиболѣе совершенное орудіе для экономической борьбы, переводила эту борьбу съ маленькаго единоборства какого-нибудь сапожника съ его потребителемъ, или ростовщика съ должникомъ, на борьбу Ротшильда съ цѣлымъ человѣчествомъ, на борьбу міра англо-саксонскаго съ германскимъ изъ за рынковъ для мануфактуръ, или на борьбу Америки съ Россіей изъ-за золота и шевеницы.

Финансовая наука Запада шла рука объ руку и росла съ уснѣхами такъ-называемой цивилизаціи, то-есть пара и электричества. Не больше, чѣмъ въ какіе-нибудь полвѣка тихое когда-то и почти

невидное въ массѣ прочнаго, спокойнаго труда, биржевое царство разрослось до необъятныхъ размѣровъ и совершенно подчинило себѣ, задавило собою общества, государства и народы. Имѣть столько-то десятковъ милліоновъ золота въ фондѣ—вопросъ жизни и смерти для современныхъ государствъ. Оружіе такъ остро, борьба такъ быстра и удары такъ глубоки, что одна неудачная финансовая операція можетъ бросить, повиднмому, хорошо вооруженнаго и здороваго противника къ ногамъ его врага. И чѣмъ утонченнѣе финансовая система, чѣмъ сложнѣе и огромнѣе торговые и биржевыя обороты въ странѣ, тѣмъ опаснѣе всякій кризисъ. Кто то сказалъ совершенно справедливо, что современная морская артиллерія гораздо опаснѣе для стрѣляющихъ изъ нея, чѣмъ для противниковъ. Совершенно тоже и въ фінансовой области.

Фридрихъ Листъ, излагавшій свои замѣчательныя воззрѣнія на связь мануфактуръ съ земледѣліемъ, на промышленный ростъ и культуру народовъ и столь симпатично рисовавшій картину будущаго братства націй, развившихъ параллельно другъ другу свои силы, повиднмому, и не подозревалъ, до какой степени ненормальная финансовая система, основанная въ конституціонно-парламентарныхъ странахъ на золотѣ и власти биржи, изуродуетъ и перевернетъ это естественное движеніе и во что обратитъ такъ-пазываемый «прогрессъ цивилизаціи» человѣчества. Живи этотъ замѣчательный писатель не въ первой, а во второй половинѣ кончающагося столѣтія, онъ навѣрно не собственно трудовое, промышленное соперничество народовъ выставлялъ бы въ качествѣ главной подлежащей разрѣшенію задачъ, а тотъ печальный биржевый режимъ, который въ наши дни парализовалъ собою все, не только въ экономической, но и въ политической, правовой и нравственной областяхъ. Если европейское человѣчество безъ особаго труда справилось съ промышленной гегемоніей Англіи, если Германія, Австрія, Італія и даже Россія (про Францію и Соединенные Штаты нечего и говорить) освободились отъ мануфактурнаго и денежнаго верховенства Англіи, создали свою промышленность и завоевали самостоятельные вѣтшіе рынки, то та же Европа попала въ полномъ составѣ въ кабалу еще горшую, допустивъ развиваться международной биржевой спекуляціи и возрастивъ, невѣдомыхъ исторіи равнѣ, биржевыхъ царей и первосвященниковъ, изображающихъ въ данную эпоху силу, неизмѣримо болѣе грозную и могущественную, чѣмъ любое изъ европейскихъ правительствъ, ни одно изъ которыхъ, за исключеніемъ русскаго, не смѣетъ и думать о какой либо самостоятельной роли среди своего государства и народа.

Основным и наиболее характерным признаком окончания какого-либо великого исторического периода служит обыкновенно то обстоятельство, что главная, центральная, такъ сказать, историческая идея, отмѣчавшая собою весь періодъ, приходитъ къ очевидному уродству, изживаетъ сама себя. Такою основною идеею европейской цивилизаціи послѣднихъ столѣтій въ области экономической является несомнѣнно *золотая идея*, то-есть идея, что золото—единственный и истинный деньги. Идея эта легла въ основаніе всей банковской и финансовой системы современныхъ государствъ, породила фонды, фондовую биржу и ея спекуляціи, опутала государства сѣтью неоплатныхъ долговъ, создала капиталу политическую власть и преобладаніе въ государствахъ, выдвинула къ международному господству финансовыхъ израильскихъ царей и кончаетъ великимъ политическимъ разратомъ, совершенно одинаковые симптомы коего такъ рѣзко проявились въ послѣдніе годы одновременно во Франціи, Италиі и Германіи, что отдѣльные случаи «хищений» складываются мимовольно въ великую и печальную картину политическаго разложенія современной Европы. Продолжать жить такимъ образомъ невозможно, выхода тоже не оказывается никакого. Перепуганная биржа спѣшитъ потушить одинаково и Панаму и Панамину, зажать ротъ Альвардту, но она не въ силахъ ни вдохнуть вѣру въ себя, ни поднять духъ изнемогающихъ подъ биржевой кабалой народовъ.

Среди этого хаоса мелкая и жалкая финансовая наука Запада едва длепечетъ свои старыя формулы; мы вторимъ ей по старой привычкѣ идти за европейской ученостью, повидимому и не подозревая, что вступаетъ новый историческій періодъ, который въ противность матеріалистическимъ воззрѣніямъ, борьбу, какъ главной движущей силѣ природы и человѣчества, и философскому пессимизму, какъ конечному выводу, вознесетъ передъ нами совѣмъ иную знамена и идею.

Мы не имѣемъ въ виду раздвигать настолько широко программу нашего изслѣдованія. Мы хотѣли указать лишь, что основною чертою этого новаго періода должно явиться преобладаніе духовнаго и нравственнаго начала во всѣхъ областяхъ человѣческаго мышленія и дѣланія, ибо только нравственное начало и способно вывести заблудившійся цивилизованный міръ изъ дебрей матеріализма и бессмысленной животной борьбы. И кто знаетъ, въ этомъ новомъ движеніи не очутятся ли наша тихая и наимедѣ «цивилизованная» по-западному Русь впереди другихъ племенъ и народовъ, какъ сохранившая въ своей непосредственности чистыя нравственныя начала и донесшая ихъ до момента оказавшагося въ нихъ всеобщаго оскуднѣнія?

Въ области финансовъ, по крайней мѣрѣ, намъ это кажется несомнѣннымъ, ибо только одна Россія не допустила биржу создать своихъ Ротшильдовъ и Блейхредеровъ, ибо только у насъ биржа начинается отцвѣтать, не усѣвъ какъ слѣдуетъ зацвѣсть, и ярко опредѣляется нѣкоторое новое теченіе.

II.

Мы уже говорили, что въ западной умственной атмосферѣ чувствовался особый специфическій недостатокъ, словно не позволявшій умамъ мыслителей ориентироваться и найти вѣрный путь для построения истинной финансовой науки. Этотъ своеобразный дальтонизмъ сбивалъ съ дороги даже такихъ выдающихся мыслителей, какъ Прудонъ и Фулье. Про умы меньшаго полета нечего и говорить.

Сдѣлавъ десять шаговъ въ области чистой науки, ученый на одиннадцатомъ шагѣ спотыкался и уходилъ въ условности, не будучи въ состояніи, именно вслѣдствіе этого дальтонизма, ярко, послѣдовательно поднимать финансовые вопросы въ ихъ истинно-научномъ видѣ: онъ уклонялся въ мелкія практическія разсужденія, разрабатывалъ такія частности, какъ моно- и биметаллизмъ, а общую теорію усиливался округлить и обосновать не на безспорныхъ логическихъ выводахъ, а на золотомъ предразсудкѣ, да на *существующемъ* запасѣ фактовъ, освѣщенномъ даннымъ экономическимъ строемъ эпохи. Получалось нѣчто поистинѣ жалкое.

Чтобы уяснить эту мысль, возьмемъ частный случай съ бумажными деньгами. У нѣкоторыхъ западныхъ финансистовъ, пока они разсуждали отвлеченно, логика оказалась достаточно сильною, чтобъ охарактеризовать эти деньги, какъ идеальныя по своему совершенству (не въ смыслѣ суррогата золота, не въ смыслѣ кредитныхъ денегъ, а именно въ смыслѣ денегъ абсолютныхъ). Но ихъ умы не справились и не могли справиться съ первымъ же поставленнымъ экономическою практикою вопросомъ: ну, а что, если государственная власть напечатаетъ этихъ денегъ излишнее количество? Съ точки зрѣнія западнаго человѣка даже нельзя себѣ представить государственной власти, которая *не могла бы* напечатать лишнихъ бумажекъ. Всякая напечатаетъ, одна по нуждѣ, другая по легкомыслію; гарантій никакихъ быть *не можетъ*, а потому, — прочь самая идея объ абсолютныхъ знакахъ! Всѣ разсужденія о нихъ праздно. Будемъ держаться за золото и допустимъ бумажки только въ качествѣ его

замѣстителей. Тутъ будто бы еще возможны нѣкоторыя гарантіи и контроль.

Читатель чувствуетъ полную ненаучность подобнаго приѣма, чувствуетъ, что здѣсь, съ этого именно шага, наука кончилась, и пошли совсѣмъ произвольныя построенія. Вотъ почему и финансовой науки, годной для всѣхъ временъ и народовъ, устанавливающей точныя законы *денежнаго обращенія* (ибо это и есть въ строгомъ смыслѣ предметъ финансовой науки, какъ части политической экономіи), нѣтъ и не было.

Вотъ, по нашему мнѣнію, каковъ долженъ бы быть истинно-научный приѣмъ и какъ могла бы идти дальше финансовая наука:

Идеальная, наилучшая форма денегъ — абсолютный знакъ, единица мѣры отвлеченная, какъ метръ, аршинъ, ведро. Это уже высказано, теоретически обосновано и можно считать безспорнымъ. Но мы не знаемъ (на Западѣ) такой формы государственной власти, которая могла бы оперировать съ такими деньгами, или, по Родбертусу, не имѣемъ соответственныхъ политическихъ и общественныхъ учреждений. *Предположимъ*, однако же, что такая форма возможна. Предположимъ, что государство будетъ выпускать и снимать съ рынка какъ разъ необходимое для жизни количество знаковъ. Разсмотримъ и изучимъ функціи этого абсолютнаго знака.

Въ математикѣ не остановились передъ такою логическою бессмыслицей, какъ мнимая величина. Ввели ея, *предположили, допустили* и построили великую науку. Въ финансахъ этого не сдѣлали, и потому никакой финансовой науки не получилось.

Созданіе финансовой науки на Западѣ было затруднено, между прочимъ, и извѣстною исторіею Джона Ло съ его грандіознымъ государственнымъ банкомъ и не менѣе грандіозными государственнымъ спекуляціями. Это была очень грустная исторія, оставившая неизгладимое впечатлѣніе, во вредъ истинной финансовой наукѣ. Джонъ Ло былъ безспорно гениальный человекъ и за два съ половиною вѣка до нашей поры создалъ и осуществилъ такую денежную систему, которая для насъ сейчасъ еще является почти недосягаемымъ идеаломъ. Не формулируя научно законовъ денежнаго обращенія, онъ угадалъ ихъ вдохновеніемъ генія и безошибочно повялъ ихъ основаніе въ *нравственномъ началѣ* ¹⁾ Но, во-первыхъ, тогдашняя французская абсолютная государственная власть уже находилась на пути полнаго разложенія; она растеряла всѣ свои идеалы и притомъ была настолько

¹⁾ Знаменитое его изреченіе: „государь не нуждается въ кредитѣ, онъ его создаетъ“... *Аом.*

безнравственна, что пустилась на открытый грабежъ, а во-вторыхъ, и самъ Ло вмѣсто того, чтобы удержаться на чистой идеѣ абсолютныхъ знаковъ, ввѣталъ свой банкъ въ неистовую биржевую игру акціями своей злосчастной компаніи и перейдя всѣ границы благоразумія, чуть не разорилъ окончательно Францію. Нравственное начало и государственное творчество въ финансовыхъ вопросахъ были скомпрометтированы больше, чѣмъ на двѣсти лѣтъ, а похоронившая французскую легитимную монархію революція положила по истинѣ надгробный камень надъ нравственнымъ началомъ. Даже серьезные и глубокіе умы не могли отдѣлаться отъ силы новаго потока, увлекшаго Западъ въ рационализмъ, давашаго торжество грубому матеріализму, извратившаго и задержавшаго и истинную культуру, и развитіе финансовой науки.

Когда возникнетъ, да и возникнетъ ли на Западѣ настоящая финансовая наука, неизвѣстно; наше горе въ томъ, что намъ приходится или изучать совершенно неподходящія для насъ системы, чувствуя, какъ ихъ положенія не сходятся съ русскою жизнію, или самимъ создавать настоящую финансовую науку, или наконецъ вести государственное хозяйство безъ всякой науки, на основаніи простаго здраваго смысла, цифръ и опыта.

Попробуемъ разсмотрѣть всѣ три случая.

Финансовыя теоріи Запада (мы говоримъ о господствующей школѣ финансистовъ) пора, наконецъ, бросить; это-то уже по крайней мѣрѣ бесспорно. Если мы бѣдны, если русскій народъ осужденъ полгода сидѣть безъ дѣла, если мы по уши въ долгахъ, если наше земледѣліе гибнетъ, а мануфактурная и иная промышленность развиваются безобразно, то винить за это надо исключительно нашу финансовую учительницу—Европу, благодаря которой наша финансовая политика второй половины XIX вѣка представляла то чистые западные образцы, то робкіе компромиссы между указаніями западныхъ финансистовъ и требованіями русской жизни. Объ этихъ теоріяхъ теперь и говорить уже какъ-то стыдно.

Хозяйничать безъ всякой теоріи, какъ хозяйничали Кольберъ, Канкринъ, бесспорно лучше. Если мы представимъ себѣ очень крупное имѣніе съ огромнымъ и развѣтвленнымъ земледѣльческимъ и фабричнымъ производствомъ, съ многочисленнымъ персоналомъ служащихъ, съ широко развитымъ кредитомъ, то это будетъ государство въ миниатюрѣ. Хозяйничать слѣдуетъ такъ, чтобы дѣло шло прочно, хорошо, чтобы всѣ отрасли преуспѣвали, чтобы имѣніе развивало свои силы. Нужно заемъ, дѣлать заемъ. Можно платить проценты

меньше, дѣлать конверсію долга. Постройка затѣяна,—производить ее подряднымъ, или хозяйственнымъ способомъ, что окажется выгоднѣе...

Да, но такъ можетъ хозяйничать частное имѣніе, крупный заводъ, или, наконецъ, маленькое, несамостоятельное экономически государство, какъ Сербія. У всѣхъ трехъ мѣновое средство, деньги, не свое, а чужое. Всѣ въ тѣсной зависимости отъ сосѣдей, а частное предпріятіе, кромѣ того, отъ государства. Разумѣется, хорошій хозяинъ, здравомыслящій министръ Финансовъ поведетъ этимъ путемъ русское хозяйство ведурно, исполнивъ высказанное противниками финансовыхъ теорій желаніе, «знать свою страну и умѣть во-время проявлять смѣлость и толковость этого знанія».

Но этого все же будетъ недостаточно. Помѣщикъ можетъ быть великолѣпнымъ хозяиномъ, но безъ земледѣльческой химіи ему никакъ не обойтись. Смѣлый здѣсь надѣлаетъ огромныхъ ошибокъ, робкій будетъ вѣчно сомнѣваться. А со знаніемъ земледѣльческой химіи и смѣлый и робкій въ смыслѣ результатовъ до известной степени сравниваются. Какъ ни будь я смѣль, но если я знаю, что на этомъ участкѣ не хватаетъ фосфорной кислоты, я пшеницы сѣять не буду. Какъ ни будь я робокъ, но если я знаю, что урожай клевера утраивается каинитомъ, я не побоюсь затратить деньги на его покупку, если это обѣщаетъ выгоду.

Слѣдуетъ ли говорить, что въ области финансовыхъ мѣропріятій мало смѣлости, мало также и знанія народной жизни, а прежде и важнѣе всего ясное *предвидѣніе результатовъ* данной комбинаціи? Намъ приходится строить желѣзную дорогу. Средства для ея постройки могутъ быть добыты: новымъ налогомъ, внутреннимъ займомъ, или выпускомъ бумажекъ. Чтобы выбрать тотъ или другой способъ, мало знанія народной жизни и смѣлости. Разсужденіе министра финансовъ будетъ примѣрно таково: «налоговъ новыхъ вводить нельзя, бумажекъ, *кажется*, довольно: капиталы на рынкѣ, *кажется*, есть свободные. Сдѣлаемъ заемъ».

Шаткость этого разсужденія бросается въ глаза. Западная доктрина здѣсь только запутаетъ человѣка. Но и безъ здоровой, ясной теоріи дѣло плохо. «*Кажется*»—критеріумъ весьма плохой, а при смѣлости и совсѣмъ нехорошій. Но что же тогда дѣлать?

Теорія безусловно нужна. Нужна истинная финансовая наука, широкая, вѣрная, позволяющая *точно* опредѣлить, заемъ ли дѣлать, или бумажки печатать, и *почему именно?*

Но этой теоріи нѣтъ. Финансовая наука еще не родилась, если

не считать робких намековъ, да такихъ теорій, *не дошедшихъ* до выясненія истины, какъ рентовые билеты Цѣшковскаго, или долговая теорія Маклеода. На Западѣ, повторяемъ, финансовой науки нѣтъ, есть мѣстныя привила, есть финансовыя системы, для Франціи, Англіи, Германіи до извѣстной степени пригодныя. У насъ тоже финансовой науки не создали наши экономисты, ибо до сихъ поръ шли въ хвостъ западной мысли. Но въ русской экономической литературѣ были, по крайней мѣрѣ, ясныя попытки освѣтить, если не научные законы, то практику совершенно инаго денежнаго обращенія, чѣмъ на Западѣ.

III.

Если-бы кто-нибудь вздумалъ попробовать дѣйствительно научнымъ образомъ изложить и освѣтить западныя финансовыя теоріи, онъ убѣдился бы съ перваго же шага, что на Западѣ денежной теоріи *вовсе нѣтъ*, а есть теоретическія разсужденія *о золотѣ какъ деньгахъ, и о замѣняющихъ его суррогатахъ.*

Въ самомъ дѣлѣ, любопытно посмотрѣть, какъ золото стало деньгами и какъ воздѣйствовало на построеніе этихъ своеобразныхъ теорій.

Какъ опредѣляетъ понятіе «деньги» финансовая наука? Она говоритъ: деньги—единица измѣренія цѣнностей, какъ метръ измѣритель длины, граммъ—вѣса, литръ—объема. Опредѣленіе очень точное и научное. Между парой сапогъ и четвертью ржи, для опредѣленія ихъ взаимной цѣнности, необходимо вставить нѣкоторую *условную* и *непремѣнно постоянную* единицу. Мы говоримъ: пара сапогъ стоитъ десять рублей, четверть ржи—восемь. Единица для сравненія—рубли. Совершенно также говоримъ мы: отъ Москвы до Петербурга шестьсотъ верстъ, отъ Петербурга до Колпина восемнадцать. Единица для сравненія—верста.

Казалось бы, что роль и значеніе этихъ единицъ приблизительно одинаковы. Единица мѣры цѣнностей должна бы, научно говоря, имѣть столь же отвлеченный характеръ, какъ и всякая другая единица мѣры. Если угодно придать этимъ единицамъ взаимную связь и постоянный характеръ, достаточно приурочить одну изъ нихъ къ какой-нибудь неизмѣнной величинѣ, а остальные приурочить къ первой.

Метрическая система такъ и сдѣлала. За основаніе взяла земной

меридіанъ и одну сорокамилліонную его часть назвала метромъ. Объемъ кубическаго дециметра назвала литромъ, и получила точную объемную единицу; вѣсъ кубическаго сантиметра чистой воды при извѣстной температурѣ назвала граммомъ и получила точную вѣсовую единицу.

А вотъ на единицѣ цѣнностей наука споткнулась. Отвлеченную единицу цѣнностей установить оказалось невозможнымъ по тѣмъ психическимъ элементамъ, о которыхъ мы говорили выше. Потребовались гарантіи противъ злоупотребленій; нормальный метръ можно было всегда провѣрить. Но удостовѣренію правительства въ томъ, что всѣ метры, выпускаемые съ казеннымъ клеймомъ, точны и свѣрены съ нормальнымъ, провѣрить было можно, какой-нибудь нормальный франкъ или рубль, если это кусочки металла—тоже, но самое измѣрительное ихъ качество, *идею цѣнности*, въ нихъ заключающуюся, провѣрять оказалось невозможнымъ, и наука такъ на этомъ и остановилась.

Съ самыхъ отдаленныхъ временъ, послѣ перехода античнаго міра съ его натуральнымъ хозяйствомъ къ хозяйству денежному, лучшими и почти единственными деньгами считалось золото. Оно дѣйствительно съ большимъ удобствомъ исполняло роль денегъ. Но въ сущности это не были деньги, а былъ «всѣмъ нужный товаръ», раздѣленный на точныя вѣсовыя количества. Понятіе о деньгахъ, совершенно отвлеченное, было привязано, воплощено въ металлическомъ кружкѣ такого-то вѣса. Такимъ оно осталось и въ наши дни: отвязать, освободить его не пыталась вовсе западная финансовая наука ¹⁾. При всѣхъ неудобствахъ золота, при явной кабалѣ, въ которую, *только ради золота*, впадаютъ иногда цѣлыя государства, оно давало единственную, но очень важную гарантію: прибавить по произволу золота было почти нельзя, въ природѣ его немного, наличное все размѣщено въ чью-либо собственность, слѣдовательно, никакое злоумышленіе правительства не можетъ нарушить естественнаго уровня цѣны; наконившій золото всегда богачъ, ибо невѣроятно, чтобы вдругъ были открыты слишкомъ обширныя залежи золота, и оно, сразу прибавившись въ количествѣ, упало бы въ цѣнѣ.

¹⁾ Указаніе на практику англійскихъ *clearing houses* возраженіемъ не будетъ. *Clearing house* есть суррогатъ, обходъ необходимости въ банковыхъ билетахъ, которые сами суррогатъ золота. Но и у этого суррогата основа все та же: *размѣнность билетовъ и золотой фондъ*. Поколеблите этотъ фондъ, и весь англійскій обмѣнъ взлетаетъ на воздухъ. *Авт.*

Все это соображенія очень вѣскія, но съ наукой ничего общаго не имѣющія.

Когда наступили новые вѣка, жизнь и промышленность на Западѣ усложнились, и золота, какъ мѣноваго средства, оказалось слишкомъ мало, чтобъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ; и вотъ, появилась финансовая наука, точнѣе говоря,—были изобрѣтены приемы, посредствомъ коихъ изъ частнаго кредита, извѣстнаго еще въ древности, выросли послѣдовательно кредитъ банковый и государственный.

Писать исторію финансовъ не наша задача, а потому, опуская всѣ длинныя разсужденія о томъ, какъ все это постепенно складывалось, довольно сказать, что для замѣщенія крайне недостаточнаго золота были изобрѣтены его суррогаты въ видѣ банковыхъ билетовъ, которые, — указываемъ на это съ особымъ удареніемъ, — *съ бумажными деньгами, съ деньгами абсолютными*, ни къ какому металлу, ни къ какой реальной стоимости не прикрѣпленными, *ничего общаго не имѣютъ*.

Получилась слѣдующая общепринятая въ Европѣ комбинація: счетъ ведется по-прежнему на золото (не упоминаемъ о серебряной валютѣ въ нѣкоторыхъ государствахъ и вовсе не касаемся моно- и би-металлизма, ибо это только бы усложнило и затемнило вопросъ), у правительствъ по-прежнему связаны руки, но въ большинствѣ государствъ, рядомъ съ правительствомъ, подъ его контролемъ, хотя въ полной отъ него независимости, учрежденъ національный банкъ, выдающій денежнымъ обращеніемъ. Этому банку предоставлено — *въ помощь и въ замѣну курсирующаго золота*—выпускать, подъ его обезпеченіе, *въ строго определенномъ количествѣ*, банковые билеты, размѣнные на золото во всякую минуту.

Эту комбинацію придумала западная практика и вполне одобряетъ западная наука. Но какъ ни старается она связать руки государству и оградить карманы публики отъ финансовыхъ колебаній, въ жизни получается слѣдующее явленіе: для государственнаго хозяйства, или войны, нужны деньги; правительство рѣшается сдѣлать внутренній заемъ и, стягивая въ свои кассы извѣстное количество золота, выпускаетъ безпроцентныя обязательства, свои или банковыя, а чтобы не выпустить изъ своей казны золота, объявляетъ ихъ неразмѣнными и устанавливаетъ принудительный курсъ. Получается какъ бы долгъ государства народу; въ неблагоприятныхъ случаяхъ курсъ этихъ бумажекъ на золото падаетъ, устанавливается лажъ, и

финансовая публика начинает кричать, что она обокрадена, что у нея взяли франкъ, а дають лишь 60 сантимовъ и т. д.

Основною, характерною чертою этого строя является неизбежное экономическое господство одного народа или государства надъ другимъ во высшихъ сношеніяхъ и неизбежное господство денежной биржи внутри государства.

Взглянемъ на отношенія Турціи, Египта, какой-нибудь Аргентины или Сербіи къ ихъ европейскимъ кредиторамъ. Развѣ это не формальная кабала?

А если заглянуть въ царство биржи, то достаточно припомнить исторію различныхъ крупныхъ спекуляцій и краховъ. Дѣятельность гг. Ротшильдовъ, Блейхредеровъ и всего европейскаго еврейства выясняется во всемъ ея величіи. Царство золота послѣдовательно и логически убило истинную финансовую науку, связало всѣ народы и государства міра одною огромною цѣпью и словно рабовъ, повергло ихъ къ стопамъ всемогущаго Израиля.

Достаточно развернуть и прочесть въ русской книгѣ Кауфмана о банкахъ удивительный, невѣроятный, хотя по-своему и поэтичный, гимнъ золоту. Съ первыхъ же строкъ станетъ ясно, что, кромѣ еврея, никто ничего подобнаго написать не могъ. Гимнъ этотъ настолько характеренъ и откровененъ, что мы рѣшаемся сдѣлать небольшую выписку. Вотъ какъ опредѣляетъ г. Кауфманъ драгоценные металлы:

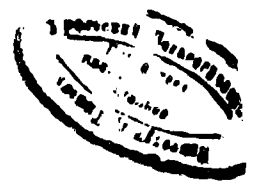
«Богатство, принявшее форму золота и серебра, воплотившееся въ драгоценно-металлическомъ тѣлѣ, можетъ всего болѣе сохраняться, всего менѣе бояться разрушительнаго вліянія времени, всего менѣе ему подчиняться и, напротивъ, само всего болѣе надъ нимъ господствовать. Но золотое и серебряное тѣло сверхъ того имѣетъ то преимущество, что оно одинаково предлагаетъ свои услуги большому и малому богатству: золото и серебро почти до безконечности дѣлимы и потому могутъ въ себѣ воплощать богатства самыхъ разнообразныхъ размѣровъ. Они какъ бы представляютъ цѣль, которая можетъ сокращаться и расширяться, *смотря по силамъ тѣхъ, кто къ ней стремится*. И большая, и малая сила одинаково могутъ ея достигнуть. Вслѣдствіе того, что драгоценные металлы въ маломъ объемѣ могутъ содержать большую цѣнность, сравнительно съ другими цѣнностями, они преимущественно предъ другими годятся, когда имущество должно принять такую форму, въ которой его всего удобнѣе *скрывать отъ чужихъ взоровъ, отъ чужаго нападенія и похищенія*. Золотое и серебряное тѣло представляетъ, такимъ образомъ, наилучшую крѣпость, *за стѣнами которой имущество чувствуетъ себя*

всего безопаснѣе. Но золото и серебро не только всего лучше оберегаютъ имущество въ данномъ мѣстѣ. Съ ними всего легче совершенно *избавить имущество отъ опасностей, которыми ему угрожаетъ данное мѣсто.* Переодѣваясь въ золото и серебро, имуществу всего легче *убѣжать изъ опасной страны:* драгоценные металлы служатъ какъ бы шапкою-невидимкой имуществу. И куда бы съ ними ни явился ихъ обладатель, повсюду онъ встрѣчаетъ спросъ на нихъ, повсюду онъ ихъ можетъ обмѣнять на необходимое. Драгоценные металлы *освобождаютъ его отъ прикрѣпленности къ данному мѣсту и повсюду ему даютъ свободу, пропорціональную ихъ собственному количеству.*

«Какой бы мы ни взяли видъ капитала, кромѣ драгоценно-металлическаго, всякій представляется намъ съ совокупностью особенностей, свойствъ и качествъ, отличающихъ его отъ другихъ видовъ капитала, дѣлающихъ его годнымъ на удовлетвореніе извѣстной, опредѣленной потребности, приравняющихъ его къ достиженію одной какой-либо частной цѣли. Онъ представляетъ собою матеріаль, или орудіе, нужные при заготовленіи того или инаго вида вещи, простой ли необходимости, или характеризующей роскошью; онъ представляетъ собою матеріаль или орудіе, нужные при заготовленіи платья, жплища и т. д. Вообще всякій другой видъ капитала, кромѣ драгоценно-металлическаго, представляетъ всегда какую-либо спеціальную и специфическую полезность. Золото и серебро, вслѣдствіе универсальной общепризнанности ихъ полезности, составляютъ исключеніе. И они только одни составляютъ это исключеніе. Сами по себѣ взятые, они непосредственно весьма не на многое годятся, но ихъ можно обмѣнять *на что угодно, гдѣ угодно и когда угодно.* Кто ими обладаетъ, обладаетъ поэтому *какимъ ему угодно капиталомъ, въ какое ему угодно время и въ какомъ ему угодно мѣстѣ.* То-есть, когда капиталъ принимаетъ форму золота и серебра, онъ освобождается отъ всѣхъ тѣхъ ограниченій, которыми его полезность стѣсняютъ качество, пространство и время. Отъ всего, что стѣсняетъ имущество, что *служиваетъ силу богатства,* что прикрѣпляетъ его къ опредѣленному назначенію, времени или мѣсту, отъ всего этого драгоценно-металлическое тѣло его освобождаетъ. *Въ драгоценно-металлическомъ тѣлѣ капиталъ получаетъ полную и безграничную свободу.* Неудивительно, если многіе утверждали, что *въ этомъ тѣлѣ капиталъ получаетъ душу:* онъ вѣдь свободно можетъ подвигаться, куда ему угодно, а *прочность золота и серебра даетъ ему безсмертіе,* какимъ не можетъ похвалиться человѣческое

тѣло. Англичане это выражаютъ иначе. Они говорятъ, что всякій другой видъ капитала представляетъ только одинъ видъ богатства; золото и серебро, напротивъ, представляютъ отвлеченное богатство (*abstract wealth*) Драгоценные металлы представляютъ собою то, что сосредоточиваетъ въ себѣ весь экономическій міръ, но не въ безтѣлесной, а въ осязательной формѣ. Это—*оживленная отвлеченность*. Несомнѣнно, что самая высокая (во всякомъ смыслѣ) абстракція, какую знаетъ исторія прогресса человѣчества, представляется тою, которая обобщаетъ всѣ проявленія полезной (культурной) человѣческой дѣятельности, что она ни создавала бы, хлѣбъ, платье, обувь, жилище, *тѣсно, военную побѣду, политическій порядокъ* и т. д., какому бы времени, какой бы національности и мѣстности она ни принадлежала, всѣ, словомъ, проявленія дѣятельности обобщаетъ, какъ проявленіе общечеловѣческаго единства. Эта-то наивысшая абстракція имѣетъ практическое реальное значеніе въ той мѣрѣ, въ какой она воплощается въ золото и серебро, представляющихъ *всѣ цѣнности, выработанныя культурой. За золото и серебро отдаются всѣ эти цѣнности.*

«Абстрактное богатство» обладаетъ покупательною силой, подобно всякому другому богатству. Но его покупательная сила отличается своею *чистой* или, вѣрнѣе, своею очищенностью отъ всякихъ иныхъ примѣсей (напримѣръ, отъ нравственнаго закона. *Авт.*). Это значитъ, что насколько драгоценные металлы служатъ не для удовлетворенія одной какой-либо надобности изъ той совокупности ихъ, которая входитъ въ кругъ экономической жизни и въ ней обособляется въ особую группу, насколько, напротивъ, драгоценные металлы представляютъ общую возможность добывать какую угодно изъ отдѣльныхъ вещей и услугъ, нужныхъ для удовлетворенія вообще означенныхъ надобностей,—насколько они выдѣляются изъ общей массы имуществъ и всей массѣ *противупоставляются*, какъ сила противупоставляется разнообразнымъ результатамъ, *которыя она въ состояніи прозвести, какъ центръ противупоставляется периферическимъ пунктамъ окружности, къ которымъ ведутъ радіусы отъ него.* Пока кто-либо имѣетъ драгоценные металлы, онъ обладаетъ *силою, которая его можетъ повести къ какому угодно изъ этихъ пунктовъ и по самому кратчайшему направленію.* Драгоценные металлы ставятъ обладателя ими въ центральное положеніе, равно удаленное отъ всѣхъ тѣхъ пунктовъ, къ которымъ ведетъ экономическое движеніе, и, стало быть, дающее возможность достигнуть ихъ съ наибольшою скоростью. Вотъ почему покупательная сила драгоценныхъ

металловъ даетъ возможность производить обмѣны съ наибольшею скоростью. Всякій, кто обмѣниваетъ свои товары или оказываемыя имъ услуги на драгоцѣнные металлы, становится черезъ то въ центрѣ самаго обширнаго круга, въ которомъ онъ всего скорѣе можетъ достигнуть каждаго изъ его периферическихъ пунктовъ»¹⁾).

Если мы припомнимъ исторію еврейскаго народа послѣ его разсѣянія, его психологію съ основною чертою грубой *утилитарности* и стремленія къ грубому же матеріальному владычеству надъ всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ, мы поймемъ своеобразную поэзію этихъ великолѣпныхъ строкъ.

Вотъ оно, уже не только дѣловое, но чисто философское выясненіе роли и значенія золота. Безграницная свобода и, прибавимъ, безграницная власть капитала,—капитала, не знающаго ни родины, ни нравственныхъ законовъ,—таковъ еврейскій міродержавный идеалъ. И этотъ идеалъ, эта власть, путемъ основанной на золотѣ денежной системы, открыто провозглашены и могущественно легли надъ міромъ.

Какія усилія были употреблены, чтобъ и Россію захлестнуть тою же цѣпью! Но Богъ, видимо, хранитъ насъ. Мы только ослаблены и разорены, но не закабалены никому, да и не случится этого никогда. Насъ спасетъ то, во-первыхъ, что Россія не государство только, а мѣръ, вполне самодовлѣющій и экономически независимый, во-вторыхъ, спасетъ сохранившееся именно въ русскомъ племени отвращеніе къ грубой матеріальной силѣ въ качествѣ идеала, спасетъ, наконецъ, истинная финансовая наука, которая должна же когда-нибудь явиться.

Handwritten initials or a signature on the left margin, possibly reading 'С. В. 112'.

IV.

Первымъ шагомъ на пути созданія истинной финансовой науки должна быть побѣда именно надъ этимъ золотымъ предрассудкомъ, полное отрѣшеніе отъ того взгляда, по которому драгоцѣнные металлы отождествляются съ деньгами.

Какъ только этотъ шагъ сдѣланъ и, хотя бы только въ нашемъ представленіи, явились деньги, лишенные всякаго вещнаго, товарнаго значенія, деньги—знаки, деньги - измѣритель и орудіе разсчета и учета, деньги, наконецъ — представитель не реальной цѣнности, а

¹⁾ И. Кауфманъ. «Кредитъ, банки и денежное обращеніе». Слб. 1873.

нѣкоторой идеи, уже мы будемъ въ состояніи тотчасъ же приступить къ изученію работы этихъ знаковъ и ихъ роли въ народной и государственной экономіи.

Это, повторяемъ, единственно научный путь, и для его освѣщенія у насъ есть наша собственная долгодѣтельная финансовая практика. Многіе и не подозреваютъ у насъ, что въ дѣйствительности Россія съ перерывами, но уже второе столѣтіе живетъ на совершенно абсолютныхъ деньгахъ, что золото и серебро давно перестали быть русскими деньгами, и то, что считается какой-то экономической болѣзью, какимъ-то несчастіемъ, есть въ сущности историческій хозяйственный процессъ, далеко выдвигающій нашу родину впереди другихъ цивилизованныхъ народовъ.

Ставъ на эту точку зрѣнія, мы попытаемся уяснить законы денежнаго обращенія, пока только по русскимъ даннымъ и примѣнительно къ Россіи, обладающей, если не вполне реально, то, несомнѣнно, потенциально, тѣми государственными и общественными условіями, необходимость коихъ чувствовалъ Родбертусъ. Расширить рамки нашего изслѣдованія и примѣнить къ этимъ законамъ данныя и явленія чужой жизни будетъ всегда возможно.

Въ нашихъ предъидущихъ сочиненіяхъ мы уже обрисовали при близительно эти законы, вытекающіе изъ давнихъ русской практики. Поэтому теперь мы выставимъ ихъ въ качествѣ ряда положеній, которыя и попытаемся посильно выяснить и доказать.

Положенія эти слѣдующія:

1) Мѣнною, денежною единицею въ Россіи есть и долженъ быть рубль, представляющій собою нѣкоторую постоянную, совершенно отвлеченную цѣнность.

2) Эта единица на практикѣ изображается бумажнымъ знакомъ, выпускъ и истребленіе коего принадлежитъ государственной власти.

3) Золото есть товаръ такой же, какъ и всѣ остальные металлы, но, въ виду того, что этотъ товаръ системою сосѣднихъ государствъ принятъ за монетную, денежную единицу, намъ въ нашей международной торговлѣ и сдѣланныхъ ранѣе государственныхъ долгахъ, счета приходится вести на него.

4) Бумажный рубль, не зависящій отъ золота и выпускаемый по мѣрѣ необходимости, позволяетъ, при правильной организаціи кредитныхъ учрежденій, оживлять и оплодотворять народный трудъ и его производительность какъ-разъ до предѣла, до котораго въ данное время дѣйствуетъ трудолюбіе народа, его предприимчивость и техни-

ческія познанія. Онъ является *милымъ капиталомъ* и дѣйствуетъ совершенно такъ же, какъ и капиталъ реальный.

5) Существуетъ весьма простой регуляторъ, указывающій, во всякую минуту, центральному кредитному учрежденію, много или мало денегъ въ странѣ, и позволяющій, съ величайшею точностью, сжимать и расширять наличное количество знаковъ.

6) При системѣ фивансовъ, основанной на абсолютныхъ деньгахъ, находящихся вполнѣ въ распоряженіи центрального *государственнаго* учрежденія, господство биржи въ странѣ становится совершенно невозможнымъ, и безвозвратно гибнетъ всякая спекуляція и ростовщичество.

7) Мѣсто хищныхъ биржевыхъ инстинктовъ заступаетъ государственная экономическая политика, сама становящаяся добросовѣстнымъ и безкорыстнымъ посредникомъ между трудомъ, знаніемъ и капиталомъ.

8) При бумажныхъ абсолютныхъ деньгахъ является возможность истиннаго государственнаго творчества и образованія всенародныхъ, мірскихъ или государственныхъ запасныхъ капиталовъ.

9) При бумажныхъ абсолютныхъ деньгахъ роль частнаго капитала измѣняется въ смыслѣ отнятія у него захватываемой имъ въ государствахъ биржево-золотыхъ *власти*.

10) При государственномъ творествѣ и запасахъ является совершенно иной взглядъ какъ на налоги, такъ и на систему таможенную.

Наконецъ:

11) Осуществленіе въ полномъ видѣ системы финансовъ, основанной на абсолютныхъ знакахъ, измѣнитъ самый характеръ современнаго русскаго государственнаго строя, совершенно освободивъ отъ постороннихъ вліяній, усилить его нравственную сторону бытія и давъ возможность проведенія свободной христіанской политики.

Еслибы намъ удалось доказать эти положенія и обратить ихъ въ законы, ихъ, надѣемся, было бы достаточно, чтобы предлагаемой теоріи придать истинно научный характеръ.

Думаемъ, что это совершенно возможно. Доказательства наши могутъ быть, конечно, только логическія и историческія, и они облегчаются тѣмъ, что въ зародышѣ все это у насъ уже есть или было, и что всѣ наши экономическія и финансовыя затрудненія только тѣмъ и обуславливаются, что мы даже практически, *уже почти придя къ прекрасной денежной системѣ*, все еще не рѣшаемся открыто ее признать, все еще оглядываемся на старые учебники.

Исторія нашихъ финансовъ, начиналъ съ графа Канкрина, полна оправданія самаго яснаго всему изложенному выше. Къ ней мы обратимся поздвѣе, а пока рассмотримъ выставленные тезисы.

V.

Наше первое положеніе, то-есть, что *денежная единица* должна представлять нѣкоторую *постоянную, совершенно отвлеченную мѣру цѣнностей* (у насъ въ Россіи бумажный рубль), доказывать теоретически едва-ли нужно. Западная наука и нѣкоторые изъ выдающихся ея представителей у насъ, какъ на примѣръ, Н. Х. Бунге, не отвергаютъ, что эта форма денегъ теоретически наилучшая, но она, по мнѣнію правовѣрныхъ финансистовъ, неосуществима.

А между тѣмъ, наша русская практика показываетъ, что она не только осуществима, но фактически существуетъ. Неужели же серьезно можно сказать, что нашъ бумажный рубль соответствуетъ такому-то количеству золота или серебра, если тридцать или сорокъ лѣтъ подрядъ за этотъ рубль даютъ не то количество металла, которое на немъ прописано, а то, которое устанавливаетъ на каждый курсовой день биржа? Мало того: за эти сорокъ лѣтъ два раза пыталось правительство возстановить размѣнъ, то-есть привести бумажки въ точное соотвѣтствіе съ металломъ, и что же? Дѣло кончалось каждый разъ огромными убытками, рубль шелъ своей дорогой, а золото своей.

Намъ говорятъ: рубль бумажный есть долгъ казны предъявителю. Казна *взяла въ долгъ* золото и дало бумажку—вексель, по которой въ любую минуту можно золото получить обратно. Рубль ходитъ, какъ деньги, *только потому* будто бы, что на осуществленіе рано или поздно этого обѣщанія всѣ надѣются. Но какъ же надѣяться на это обѣщаніе, если тридцать или сорокъ лѣтъ подрядъ казна совсѣмъ не платитъ по этимъ мнимымъ своимъ векселямъ и, увѣрены, никогда платитъ не будетъ? Еслибы бумажные рубли ходили только въ силу подобныхъ надеждъ и простаго торговаго довѣрія, ясное дѣло, что послѣ первой же приостановки размѣна довѣріе къ нимъ совершенно исчезло бы и за нихъ никто не далъ бы ни копѣйки. Не правильнѣе ли заключеніе, вытекающее отсюда, что рубли, внутри страны, ходятъ только потому, что это настоящія абсолютныя деньги, а не по гарантіи ихъ какимъ-то золотомъ, котораго никому не выдаютъ? Не ясно ли также, что и для иностранцевъ, торгующихъ съ нами, это

обезпеченіе не имѣетъ никакого значенія, а важна покупная цѣнность рубля внутри Россіи?

Иностранцу нуженъ, положимъ, лень. Въ Россіи пудъ его стодитъ пять рублей, заплатитъ за него иностранецъ можетъ на золото, допустимъ, десять марокъ. Ясно, что эти десять марокъ обмѣняются на пять рублей. Это наиболѣе простой случай, который мы приводимъ собственно за тѣмъ, чтобы показать, что золотое обезпеченіе, или эта магическая надпись на рублѣ, никакого практическаго значенія ни для насъ, ни для иностранцевъ не имѣетъ. Чтобы совершенно уяснить абсолютный характеръ русскихъ бумажекъ, достаточно себя представить, что завтра, на примѣръ, правительство выпуститъ новаго образца билеты, на которыхъ вмѣсто обычной надписи будетъ стоять: «Государственный денежный знакъ. Размѣнивается по предъявленію въ каждомъ казначействѣ на знаки меньшаго достоинства, или на мелкую монету». Полагаютъ ли гг. финансисты, что русская публика и иностранцы, прочтя подобную надпись, придутъ въ ужасъ и перестанутъ брать новыя бумажки? Не думаетъ! Иностранцу будетъ это рѣшительно все равно, лишь бы рубль сохранилъ въ Россіи свою покупную силу, а русская публика навѣрно будетъ довольна, ибо не можетъ русскій человѣкъ мириться даже съ такимъ наивнымъ самообманомъ, жутко, неловко ему...

Когда графъ Канкринъ выпустилъ вмѣсто прежнихъ ассигнацій новыя «кредитныя билеты», онъ въ сущности совершенно произвольно приурочилъ нашъ рубль къ французскимъ четыремъ франкамъ. Тогда Россія обмѣнивалась съ иностранцами правильно, въ долги не залѣзала, путешественники не везли русскаго достоянія проматывать за границу, тогда въ заключеніе международнаго обмѣна почти каждый годъ приходилось не намъ добавлять золота въ пользу иностранцевъ, а обратно; золото это накоплялось въ Россіи и ходило въ публикѣ не только рядомъ съ бумажками, но было часто даже нѣсколько дешевле ихъ, курсъ вѣнскій былъ очень устойчивъ и благоприятенъ. Послѣ Крымской войны нашъ международный расчетъ совершенно измѣнился. Золото изъ Россіи ушло, приплачивать иностранцамъ стали мы, а потому залѣзли въ долги и обезцѣнили на вѣнскихъ рынкахъ наши бумажки; но внутри Россіи рубль остался все тѣми же царскими деньгами, хотя за него иностранные купцы и перестали выдавать четыре золотыхъ франка.

Не ясно ли, что, какъ ни хлопотать, а рубль стремится въ Россію занять положеніе независимое отъ золота? Не ясно ли, что къ золоту его не привяжешь? Да и незачѣмъ привязывать. Это деньги

совершенно абсолютныя, ставшія таковыми уже въ силу простой давности, и сокрушаться объ этомъ нѣтъ никакихъ резоновъ.

Нѣкоторый, небольшой правда, даже на бумажки — лучшее доказательство того, что бумажный и металлическій рубль величины *всегда несоизмѣримыя*. Когда у насъ скоплялось иностранное золото и серебро и выпускалось правительствомъ въ публику, какъ русская монета, она не дешевѣла значительно только потому, что имѣла въ сущности такой же принудительный курсъ, какъ и бумажки, то есть служила законнымъ платежнымъ средствомъ. Небольшой лажъ выражалъ лишь сравнительное удобство бумажныхъ денегъ. Но еслибы правительство разъ навсегда признало единственнымъ законнымъ платежнымъ средствомъ внутри страны бумажки и отказалось бы отъ чеканки монеты, цѣна на золото и при большомъ его избыткѣ въ странѣ установилась бы только, какъ на товаръ. Право чеканки монеты потому и есть правительственная регалія, что даетъ казнѣ всю разницу отъ удешевленія металла. Наглядное тому доказательство — мѣдь, изъ пуда коей стоющаго 14 — 17 рублей бьется монеты на 50 рублей. Какъ только товарная стоимость мѣди превыситъ эту цифру, обязательный курсъ падеть самъ собой, мѣдь переплавятъ въ издѣлія, и мѣдная монета исчезнетъ изъ обращенія.

Сокрушаясь о низкомъ курсѣ, упрекая государство въ томъ, что за нашъ рубль даютъ всего 65 коп. золотомъ, мы высказываемъ положительную неблагодарность нашимъ прекраснымъ абсолютнымъ деньгамъ. Въ книгѣ: «Деревенскія мысли о нашемъ государственномъ хозяйствѣ» мы старались доказать, что этотъ низкій курсъ былъ для Россіи поистинѣ благодѣтелемъ, отстоявъ въ самую критическую минуту ея экономическую независимость, а теперь позволяемъ себѣ думать, что первое положеніе совершенно доказано: *мы уже имѣемъ въ бумажномъ рублѣ цѣновую единицу, совершенно отдѣлившуюся отъ металлической своей валюты и ставшую абсолютными деньгами. Мы сжались съ ними, и намъ остается лишь ихъ открыто признать и провозгласить.*

Второй законъ самъ собою заключается въ первомъ и доказательствъ не требуетъ, а потому переходимъ къ третьему, который былъ нами формулованъ такъ:

«Золото есть товаръ, такой же, какъ и всѣ остальные металлы, но, въ виду того, что этотъ товаръ системой сосѣднихъ государствъ принятъ за монетную денежную единицу, намъ въ нашей международной торговлѣ и сдѣланныхъ ранѣе государственныхъ долгахъ счета приходится вести на него».

И это положеніе требуетъ для своего доказательства только справки съ текущею дѣйствительностію, такъ какъ прямо вытекаетъ изъ принятаго опредѣленія бумажнаго рубля. Если этотъ рубль—деньги абсолютныя, то золото ничѣмъ инымъ, кромѣ товара, быть не можетъ.

Справка въ области нашей финансовой практики укажетъ съ полною очевидностію, что золото у насъ именно есть товаръ.

Мы выпускаемъ монету, на которой написано «пять рублей», но эта монета вовсе не обращается внутри страны. ⁹⁰/₁₀₀ русскаго населенія ни разу во всю жизнь не произвели на нее ни одной сдѣлки, а ¹⁰/₁₀₀ навѣрно ни разу и не видали. Видятъ ее только заграничные путешественники, да и то рѣдко, а главнымъ образомъ столичные жители на выставкахъ мѣняльныхъ лавокъ. И вотъ, до какой степени это не деньги для Россіи, что правительство особую русскую золотую монету даже *вовсе уничтожило*. Нашъ прежній полумперіаль былъ нѣсколько больше 20 франковъ. Недавно введенъ новый, совершенно равноцѣнный 20 единичной монетѣ, принятой латинскимъ монетнымъ союзомъ, равный 20 франкамъ, левамъ, динарамъ, драхамъ и пр. Это настоящая латинская монета, снабженная лишь профилемъ Русскаго Государя и надписью «пять рублей». Впрочемъ, эта надпись также мало соотвѣтствуетъ пяти рублямъ, какъ и надпись на кредитныхъ билетахъ: «предъявитель сего» и т. д. И вотъ, наши новые полумперіалы прекрасно обращаются, какъ монета, какъ деньги, за границей, а у насъ, въ Россіи, еслибъ у кого и оказались, то прежде чѣмъ ихъ употреблять, было бы необходимо предварительно *продать* ихъ, размѣнять ихъ *по курсу* на русскія деньги совершенно такъ же, какъ золото въ слиткѣ или любую иностранную монету.

И здѣсь фактъ на-лицо, и его требуется лишь узаконить, провозгласить. Для этого достаточно было бы не писать на полумперіалѣ «5 руб.», а поставить вразумительно: «россійская для внѣшнихъ платежей монета. Двадцать...» существительное подберите, какое угодно, но никакъ не рублей, чтобы не было путаницы.

Но какая же надобность выпускать эту особую монету? Не гораздо ли проще расплачиваться готовою монетою латинскаго союза? Отвѣтъ на это самый простой: добываемое у насъ золото, при обращеніи въ монету, даетъ казѣ извѣстный доходъ. Доходъ этотъ небольшой, но зачѣмъ же имъ пренебрегать?

Намъ могутъ возразить, что по закону у насъ валюта не золотая, а серебряная, и что наша монетная единица не золотой, а

серебряный рубль. Да, мы пытались это сдѣлать, и въ некоторое время серебряные рубли у насъ ходили. Но когда послѣдовало перемѣщеніе относительныхъ цѣнностей золота и серебра, послѣднее вовсе вышло изъ употребленія и осталось лишь въ качествѣ мелкой размѣнной монеты, да и то низкопробной, чтобы не было выгодно переплавлять. Рубли бьются на нашемъ монетномъ дворѣ и сейчасъ, во идущемъ, какъ кажется, исключительно на Востокъ, въ Турцію, Персію и проч. Въ Россіи они совсѣмъ не ходятъ, и сдѣлки на серебряную валюту вовсе не совершаются ни во внутреннихъ, ни въ международныхъ сношеніяхъ. А если мы пишемъ «сто рублей серебромъ», то пишемъ это по старой памяти, подразумѣвая, въ дѣйствительности, «сто рублей бумажныхъ». Никому въ голову не придетъ требовать уплаты серебряными рублями, ибо и на нихъ есть особый курсъ, и «сто рублей серебромъ» вовсе неравноцѣнны ста серебрянымъ рублямъ ¹⁾).

Наша низкопробная размѣнная монета—лучшее доказательство. Раньше была у насъ монета полноцѣнная, строго соответствовавшая принятой единицѣ — серебряному рублю. Когда бумажный рубль отдѣлился отъ металлическаго и золото потекло за границу, потекло за нимъ и серебро. Мы рисковали совсѣмъ остаться безъ билоннаго (размѣннаго) средства, и волей-неволей пришлось выпустить серебряныя деньги съ большимъ количествомъ лигатуры, переплавлять которыя на серебро не было бы выгодно.

Полагаемъ, что послѣ всего сказаннаго не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что золото и серебро въ нашемъ внутреннемъ хозяйствѣ *не деньги, а товаръ*, въ торговлѣ же нашей съ иностранцами—*чужія деньги*, хотя частію и заготовленные на нашемъ монетномъ дворѣ, но *приравненные не къ русскимъ, а къ литинскимъ деньгамъ*.

Переходимъ къ четвертому и пятому положеніямъ. Здѣсь придется, ради ихъ научнаго обоснованія, предпослать нѣсколько словъ о внутренней цѣнности или, точнѣе, о покупной силѣ бумажнаго рубля сравнительно съ таковою же силой золота.

¹⁾ Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, цѣна на серебро настолько упала, что серебряный рубль сталъ дешевле кредитнаго и самъ собою вышелъ изъ своей роли законной денежной единицы. Рубля въ полноцѣнной монетѣ не принимаютъ вовсе, а между тѣмъ низкопробные пять двугривенныхъ, гдѣ серебра една будетъ на 40 коп., ходятъ паравнѣ съ бумажнымъ рублемъ. Не ясно ли, что серебро—товаръ, а серебряная размѣнная монета тоже своего рода абсолютный знакъ, въ родѣ „жѣдкихъ ассигнацій“ царя Алексѣя Михайловича?

Чѣмъ обусловливается покупная сила золота, это уже мы видѣли. Золото никогда замѣтно не подешевѣетъ, ибо его не можетъ вдругъ появиться слишкомъ много. Покупная сила золота, его внутренняя цѣнность пропадаетъ лишь при совершенно исключительныхъ условіяхъ, напримѣръ на кораблѣ, на которомъ среди открытаго океана, кончилась провизія, или въ осажденномъ городѣ, отрѣзанномъ отъ сообщеній со страной. Въ остальныхъ случаяхъ, въ зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, могутъ быть колебанія въ ту или другую сторону. Но большаго обезцѣненія золота при сколько-нибудь нормальномъ порядкѣ быть не можетъ

Суррогатъ золота—банковые билеты гарантируются отъ обезцѣненія положительными уставами банковъ, обусловливающими постоянную ихъ размѣнность и невозможность ихъ выпуска въ количествахъ произвольныхъ. Злоупотребленія здѣсь крайне опасны и приводятъ прямо къ государственному банкротству; страны же, правительства коихъ не въ силахъ восстановить правильныхъ международныхъ расчетовъ, запутываются въ долгахъ и фактически теряютъ свою самостоятельность (Египетъ, Турція).

Чѣмъ же обусловливается внутренняя цѣнность, или покупная сила абсолютныхъ денегъ, не имѣющихъ никакого отношенія ни къ какому металлу и выпускаемыхъ государственною властью въ Россіи исполнѣ свободно?

VI.

Мы видимъ въ жизни явленіе, съ точки зрѣнія западныхъ финансовъ почти необъяснимое: русскій рубль, величина совершенно отвлеченная, на дѣлѣ изображаемая бумажкой, не имѣющей сама по себѣ никакой цѣнности, ибо потребовать законной валюты за прекращеніемъ размѣна нельзя и не у кого, отлично ходитъ и обладаетъ замѣчательной внутренней устойчивостью. Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумажъ тутъ же въ распоряженіи министра Финансовъ. Печь—кѣтка во дворѣ Государственнаго Банка. Никакихъ точныхъ приѣмовъ для исчисленія количества потребныхъ въ каждую минуту для страны кредитныхъ билетовъ дѣйствующая система не знаетъ, а потому выпускъ и уничтоженіе знаковъ исполнѣ произвольны. Завтра можетъ быть подписанъ указъ министру Финансовъ о выпускѣ хотя бы двухъ, или трехъ миллиардовъ знаковъ. Послѣ завтра можетъ быть подписанъ противоположный указъ, по

которому Верховная Власть, согласившись на представление слѣдующаго министра Финансовъ, что знаковъ слишкомъ много, прикажетъ консолидировать ихъ въ процентныя бумаги, то-есть выпустить государственныя облигаціи, а «лишнія» бумажки снять съ рынка и истребить. Никакихъ формальныхъ гарантій нѣтъ и быть не можетъ. Между тѣмъ, даже незначительныя колебанія мѣноваго средства производятъ огромныя перемѣщенія въ экономической области, отражаются на всѣхъ цѣнахъ, на всякой работѣ, на всѣхъ предприятияхъ. Выпускъ, или уничтоженіе бумажекъ, производимыя искусственно, а не по законамъ денежнаго обращенія, могутъ совершенно измѣнить расположеніе производительныхъ силъ страны. По западному взгляду, въ такой странѣ жить нельзя, какъ нельзя жить въ странѣ, гдѣ не обезпечены жизнь, честь, собственность.

А мы живемъ, и если намъ приходится иногда плохо, то по причинамъ совершенно противоположнымъ, чѣмъ на Западѣ. Западъ все ищетъ гарантій противъ возможныхъ злоупотребленій верховной власти, находитъ эти гарантіи въ золотѣ и акціонерныхъ національныхъ банкахъ и попадаетъ въ безъисходную кабалу къ биржѣ и ея царямъ. Россія добивается только одного: полной и настоящей свободы для своей единоличной верховной власти, твердо вѣруя, что эта власть абсолютно нравственна и доброжелательна и что всѣ экономическія бѣдствія и неурядицы происходятъ отъ недоразумѣній или злоупотребленій исполнителей царской воли, умѣвшихъ такъ или иначе уйти отъ контроля и вызвать верховную власть на несвободное рѣшеніе.

Пояснимъ это на примѣрѣ выпуска денежныхъ знаковъ.

Огромность и разносторонность государственной работы въ такой колоссальной странѣ, какъ Россія, таковы, что русскому Государю нѣтъ ни малѣйшей возможности быть специалистомъ ни въ какой области государственнаго управленія. Его специальность — видѣть передъ собою непрерывно общую картину Россіи въ самыхъ магистральныхъ ея линіяхъ, смотрѣть на русскую жизнь съ самой высшей точки зрѣнія. Детали если ему и доступны, то не иначе, какъ въ видѣ частныхъ примѣровъ, объясняющихъ направленіе магистралей.

Отъ самодержавнаго Государя повтому мы можемъ ожидать личной инициативы лишь постольку, поскольку то касается образа цѣлой Россіи, напр. въ дѣлахъ политическихъ. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ ему достаточно дать свое свободное и окончательное рѣшеніе по выслушаніи по меньшей мѣрѣ двухъ противоположныхъ

мнѣній, подготовляющихъ и освѣщающихъ для него тотъ или другой вопросъ.

Министръ Финансовъ находить, что для потребностей промышленности и торговли наличнаго количества денежныхъ знаковъ мало и необходимъ ихъ новый выпускъ. На Западѣ ничего не стоитъ подготовить въ желательномъ смыслѣ парламентское голосованіе, а потому тамъ спѣшатъ оградить страну отъ самой возможности выпуска, вырывая у правительства Національный банкъ — экономическое сердце страны, создавая послѣднему независимое положеніе и обуславливая золотое обезпеченіе для банковыхъ билетовъ.

Въ Россіи, наоборотъ, всѣ убѣждены, что Государь никогда не подпишетъ указа о новомъ выпускѣ денегъ, пока не будетъ совершенно убѣжденъ въ цѣлесообразности этой мѣры, и всѣ жаждутъ только того, чтобы Государю была полная возможность не *дозваться* лишь той или другой личности, но *дѣйствительно убѣдиться*, свѣривъ доводы за и противъ мѣропріятія.

Таковъ русскій народный идеалъ, столь глубоко вкоренившійся въ русскихъ умахъ и сердцахъ, что Россія безропотно переживаетъ тяжелую и долгую полосу финансовой политики, явно нарушающей этотъ идеалъ, въ надеждѣ, что рано или поздно установится у насъ настоящая, ясная и всѣмъ понятная финансовая система, при которой Государь, подписывая тотъ или другой указъ, не будетъ болѣть сердцемъ отъ неувѣренности и сомнѣній, правъ или не правъ его министръ, авторъ даннаго мѣропріятія.

И вотъ, пока въ области денежнаго обращенія господствуютъ западныя воззрѣнія, пока искусство министра Финансовъ является чѣмъ-то таинственнымъ, на подобіе колдовства, или чернокнижія, мы видимъ пока одно явленіе: цѣлый рядъ русскихъ Самодержцевъ, считая выпуски денежныхъ знаковъ вообще дѣломъ весьма рискованнымъ, прибѣгалъ къ нимъ лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, охотно конвертируя, или уничтожая денежные знаки и съ крайней осторожностью разрѣшая выпускать новые.

Еслибы существовала истинная финансовая наука, еслибы государямъ, начиная съ Александра II, не приходилось довѣряться искусству выдвинутыхъ общественнымъ мнѣніемъ, или случаемъ, лицъ, призванныхъ къ завѣдыванію государственнымъ хозяйствомъ, можно бы смѣло быть увѣреннымъ, что такая же мудрая осторожность была бы проявлена и въ остальныхъ отрасляхъ финансоваго дѣла. Не было бы произведено ни безполезной ломки старыхъ кредитныхъ учрежденій, были бы найдены нѣвыя финансовыя основанія для ве-

ликой реформы 1861 года, иначе были бы выстроены русскія желѣзныя дороги, не было бы сдѣлано столькожъ угнетающихъ Россію вѣшнихъ и внутреннихъ займовъ. Но финансовою науки не было, были теоретики-доктринеры, рядившіеся въ западную ученость. Верховная власть волей-неволей санкціонировала *на отру* рядъ мѣропріятій, объема и сущности коихъ не понимали даже сами ихъ авторы, одинъ за другимъ сходящіе со сцены, навтвора бѣдъ Россіи.

Вотъ почему здоровая и ясная финансовая теорія, не чужая, не заимствованная, а своя, оригинальная, построенная на тѣхъ же началахъ, на коихъ зиждется и наша государственность, — такъ необходима для насъ. До сихъ поръ разработкѣ этой теоріи, возникновенію истинной финансовой науки мѣшала нашъ безсознательный европеизмъ, отвергавшій самую ея начала. Но его пора проходить.

Эти начала, утраченные Западомъ, во безъ коихъ вся западная культура лишается своего фундамента и вырождается въ лѣчто, постепенно теряющее даже образъ человѣческій—*любовь и довѣріе*, составляющія въ своемъ цѣломъ единое *нравственное начало*, западную финансовую науку совершенно игнорируемое. Наша верховная власть есть порожденіе и представитель именно нравственного начала, начала полного довѣрія и любви и полной свободы дѣйствій. Да, верховная власть безъ всякаго протеста и противодѣйствій, безъ всякаго парламентскаго вѣтума *отрасть* завтра же выпустить или сжечь сколько угодно знаковь, мало того, вправѣ объявить самую печальную войну, заключить самый невыгодный для Россіи трактатъ... Но то, что она *отрасть*, еще не значитъ, что она *сдѣлаетъ*, а если случайно и *сдѣлаетъ*, то не иначе, какъ по недоразумѣнію, съ самымъ искреннимъ желаніемъ добра странѣ, или поддавшись ловко проведенному обману, предупреждать и охранять Государя отъ котораго, есть первый и священнѣйшій долгъ вѣрно-подданнаго. Наша сила, наши гарантіи лежать въ томъ, что исторія создала и поставила нашу самодержавную государственную власть въ положеніе ежеминутной отвѣтственности передъ Богомъ и собой, создала ей условія полнѣйшаго безкорыстія и безпристрастія, окружила ее живой народной совѣстью и живымъ же народнымъ мнѣніемъ. При правильномъ дѣйствіи указанныхъ условій, при самодержавіи истинномъ и свободномъ, безъ всякихъ формальныхъ ограниченій, не можетъ не получиться самаго осторожнаго, самаго консервативнаго правительства въ мірѣ. Нравственная сила—такая великая сила, что наша верховная власть, даже среди обстановки, сильно уклонившейся отъ идеаловъ старой до-петровской Руси, въ

вопросахъ экономическихъ чаще ошибается въ смыслъ чрезмѣрной осторожности, чѣмъ риска. Вѣчный недостатокъ у насъ свободныхъ бумажныхъ знаковъ лучшее тому доказательство.

Эту аргументацію мы считаемъ совершенно научною, ибо нравственное начало есть вполнѣ положительная величина, долженствующая имѣть въ финансовой наукѣ строго опредѣленное значеніе. Введя ее въ разсужденіе, мы можемъ точно, *научно* опредѣлить внутреннюю стоимость бумажнаго рубля.

Внутренняя стоимость, покупная сила бумажнаго рубля основывается на нравственномъ началѣ всенароднаго довѣрія къ единой, сильной и свободной верховной власти, въ рукахъ коей находится управленіе денежнымъ обращеніемъ.

Это нравственное начало дѣйствуетъ въ томъ направленіи, что всѣ несовершенства существующей денежной системы сводятъ къ простымъ ошибкамъ и недоразумѣніямъ, совершенно устраняя всякіе иные дурные элементы, коль скоро опредѣлилось убѣжденіе верховной власти въ ихъ вредности.

Это совсѣмъ не то, что на Западѣ, гдѣ добивающаяся власти партія, или даже династія, жертвуетъ сознательно великими интересами родины, ради своего господства, и гдѣ сама власть бессильна бороться съ колоссальными хищными эгоизмами биржевыхъ владыкъ, въ рукахъ коихъ находится экономическое сердце страны. Ниже эта разница будетъ указана въ болѣе полномъ видѣ.

Въ противоположность исторіи Запада вся наша исторія съ глубокой древности, съ призванія Варяговъ, основана на довѣрїи, и вотъ почему, между прочимъ, именно намъ суждено было изобрѣсти первыя въ мірѣ государственныя абсолютныя деньги (Рошеръ). Какъ жаль, что наши историки совсѣмъ почти не касались экономическихъ отправленій древней Руси и едва-едва изслѣдовали княжескія кожаныя деньги. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти деньги (кусочки кожи съ княжеской печатью) имѣли характеръ настоящихъ абсолютныхъ знаковъ (а не банковыхъ билетовъ). Они оказали могущественное содѣйствіе русской культурѣ и вышли изъ употребленія (при Дмитріи Донскомъ), когда, благодаря выгодной торговлѣ съ иностранцами, въ Россіи стало въ большихъ количествахъ накапливаться золото и серебро. Правительственная власть начала чеканить монету, и въ Россіи явилось металлическое денежное обращеніе. Тогда оно было совершенно естественно, ибо если въ странѣ накапливается золото, то оно само собою стремится обратиться въ деньги и замѣстить другіе знаки. Но когда наличное количество золота въ мірѣ

перестало соответствовать потребности въ немъ, когда выковалось острое оружіе международной борьбы въ видѣ западныхъ банковыхъ системъ и когда, вслѣдствіе этого, удержаніе металлическаго обращенія въ странѣ съ плохимъ международнымъ балансомъ, или отставшей въ своемъ промышленномъ развитіи, равносильно ея разоренію и кабаль у евреевъ—королей биржи, счастлива та страна, которая, опираясь на свое государственное устройство, на силу и свободу своей верховной власти, порожденной нравственнымъ началомъ, имѣетъ возможность перейти къ деньгамъ абсолютнымъ и отречься отъ золота!

VII.

Ниже мы надѣемся съ полной убѣдительностью доказать, что полнотѣнность во внутреннемъ обращеніи денежнаго абсолютнаго знака находится въ прямомъ соотношеніи съ весьма несложными законами денежнаго обращенія, стоящими въ свою очередь въ непосредственной и тѣсной зависимости отъ нравственнаго начала, положеннаго въ основаніе государственнаго строя. Пока укажемъ лишь, что поскольку это нравственное начало чисто и дѣйственно, оно почти безсознательно приводитъ государственную власть къ соблюденію законовъ денежнаго обращенія. Какъ ни парадоксальнымъ можетъ показаться подобное утвержденіе, но въ немъ заключается глубокой смыслъ.

Если взглянуть на бумажный рубль, какъ на простое расчетное средство, какъ на учетную квитанцію, выдаваемую третьимъ лицомъ, посредникомъ между двумя лицами или группами, вступающими въ сдѣлку, тотчасъ же станетъ ясно, что свобода, обеспеченность и вѣрность учета сдѣлки станутъ въ прямую зависимость отъ степени довѣрія контрагентовъ къ ихъ посреднику, отъ вѣры въ его безкорыстіе и безпристрастіе. Съ другой стороны, именно на этихъ принципахъ полного безкорыстія и безпристрастія и стоитъ русская верховная власть.

Пояснимъ это на частномъ примѣрѣ. Для выясненія сложныхъ и запутанныхъ расчетовъ между двумя взаимно-кредитующими другъ-друга предпріятіями, владѣльцы коихъ сами разсчестся не могутъ, приглашается бухгалтеръ; провѣрить его расчетовъ контрагенты не могутъ, но, въ виду его завѣдомаго безпристрастія и добросовѣстности, заранѣе принимаютъ его учетъ, какъ вѣрный и справедливый.

Бумажный рубль есть этотъ бухгалтеръ, непрерывно учитываю-

цій сдѣлки. Точность расчетовъ его зависитъ отъ его безпристрастїа, или отъ постоянства его внутренней цѣнности. Это постоянство, эта вѣрность его, какъ единицы мѣры, является вполне элементомъ нравственнымъ, ибо зависитъ прежде всего отъ нравственныхъ побужденій выпускающей рубли въ обращеніе власти. А такъ какъ нравственныя побужденія самодержавной власти заранее принимаются вами, какъ безусловныя, то совершенство или несовершенство бумажнаго рубля, какъ счетчика, зависитъ только отъ тѣхъ ошибокъ, которыя могутъ быть допущены при выпускѣ и изыятїи знаковъ, которыя во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ неизбѣжны и которыя будутъ необходимо устраняться по мѣрѣ обоснованїа и развитїа истинной финансовой науки, то-есть по мѣрѣ раскрытїа законовъ работы абсолютныхъ знаковъ.

Если мы спросимъ себя: чтó же такое бумажный рубль? Наша практика отвѣтитъ намъ: это отвлеченная денежная единица, которую когда-то хотѣли прикрѣпить къ извѣстному количеству металла, но которую жизнь съ этимъ металломъ безповоротно раскрышила. Это *идейная единица мѣры цѣнностей*, выражающая собою *только актъ посредничества* верховной государственной власти въ нашихъ хозяйственныхъ сдѣлкахъ. Посредничество это абсолютно безпристрастно, нравственно и благожелательно, но, въ виду невыясненности законовъ денежнаго обращенїа и несовершенства денежной нашей системы, грѣшитъ *чрезмѣрной осторожностью въ выпускъ знаковъ* и потому пока *придаетъ рублю большую внутреннюю стоимость, чѣмъ была бы его истинная*. Другими словами, во имя этой осторожности у насъ денегъ въ обращенїи мало, и потому деньги дороги.

Еще пятьдесятъ лѣтъ назадъ Цѣшковскїй давалъ слѣдующую характеристику. Что такое золото? Самое вѣрное *обезпеченїе* цѣнности, но весьма плохой ея *измѣритель*. Что такое бумажныя деньги? Самый лучший *измѣритель* и самое плохое *обезпеченїе*. Необходимо, слѣдовательно, отыскать такую денежную систему, которая бы имѣла монетную единицу, совмѣщающую въ полной степени какъ *обезпеченность* золота, такъ и *измѣрительную способность* бумажки.

Разумѣется, эта задача Цѣшковскаго разрѣшима вполне только при принятомъ нами условїи обезпеченїа въ видѣ нравственнаго начала, лежащаго въ основѣ самодержавнаго государства. Это есть наилучшее *обезпеченїе* какъ постоянства денежной единицы, такъ и ея обращаемости, такъ, слѣдовательно, и ея внутренней полноцѣнности для гражданъ данной страны.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, внутреннюю стоимость, внутрен-

нюю покупную силу бумажнаго рубля, рассмотримъ теперь, чѣмъ же обусловливается его внѣшняя покупная сила, его постоянно колебательное отношеніе къ международнымъ деньгамъ, золоту? Что такое бумажный рубль для иностранцевъ?

Абсолютныя деньги чужой страны, нечего и говорить, не представляютъ для иностранца сами по себѣ никакой цѣнности. Для нѣмца, не имѣющаго дѣла съ Россіей, русскій рубль есть пестрая бумажка и только. Она *что-то* стоитъ, потому что за нее дадутъ въ мѣняльной лавкѣ нѣкоторое количество золота тѣ, кому она нужна. Кому же она нужна? Людямъ, которымъ приходится платить за русскій товаръ. Но какъ же эта бумажка попала въ Германію? Эти бумажки привезены изъ Россіи, гдѣ ихъ промѣняли на золото. Зачѣмъ ихъ мѣняли? Потому что русскимъ нужно золото: платить за иностранный товаръ, платить свои металлическіе долги, проживать за границей.

Прослѣдимъ этотъ кругъ, и мы увидимъ, что бумажка зарождается въ Россіи, попадаетъ къ русскому А. Тотъ мѣняетъ ее на золото у банкира Б. для закупки заграничнаго товара. Банкиръ Б. еще разъ мѣняетъ ее на золото и передаетъ иностранцу В., которому нужно платить за русскій товаръ. Бумажка вернулась въ Россію, золото вернулось за границу. Товаръ помѣнялся на товаръ. Деньги вернулись въ каждую область свои. Цѣнность русской бумажки для иностранца такимъ образомъ опредѣляется тѣмъ, что за эту бумажку можно купить въ Россіи. Если эта бумажка полноцѣнна и, такъ сказать, *полновѣрна* внутри Россіи, то и для него она полноцѣнна и *полновѣрна*, *поскольку ему нуженъ русскій товаръ*.

Представимъ себѣ, что между нами и иностранцами навсегда прервались всякія торговыя сношенія. Никакого обмѣна, никакихъ расчетовъ нѣтъ. Золота за оставшуюся за границей случайно русскую бумажку никто не дастъ, ибо за нее *нидѣ нечего купить*. Ясно, что ея курсъ, ея внѣшняя цѣнность равна нулю, хотя внутри страны, въ Россіи, эта же бумажка будетъ вполне полноцѣнна.

Невольно улыбаешься, когда говорятъ: кредитные билеты обезпечиваются такимъ-то фондомъ и серьезно везутъ этотъ фондъ изъ одной кладовой въ другую. Говорятъ, это нужно для иностранцевъ, а то курсъ упадетъ, довѣрія не будетъ. Но неужели же иностранецъ такъ наивенъ, что пойдетъ мѣнять бумажку въ этотъ фондъ? Онъ вѣдь знаетъ не хуже насъ, что ему тамъ ни рубля не размѣняютъ. Онъ купилъ эту бумажку за 2^{1/4} или за 2^{1/2} франка и будетъ ждать, что ему дадутъ изъ фонда 4? Совсѣмъ не потому онъ далъ *только* 2^{1/2} франка, что на остальные 1^{1/2} *пошатнулось его довѣріе* къ рус-

скимъ финансамъ. Онъ имъ вѣрить не хуже нашего. Онъ знаетъ, что русскій рубль не потеряетъ ничуть своей стоимости *въ Россіи*, пока онъ, иностранецъ, закончитъ хотя бы и долгую торговую операцію. Онъ далъ 2½ франка, потому, что для него, для иностранца, на золото бумажка *больше не стоитъ*, потому, что такая цѣна строго *отродьмилась на международномъ рынкѣ*, въ зависимости отъ нашего торговаго обмѣна съ иностранцами (не упминаемъ про биржевыя махинаціи и жульничество понижателей и повышателей, которое только усложняетъ и *нѣсколько* измѣняетъ здоровую, нормальную, торговую цѣбу рубля на золото или золота на рубль).

Когда золото и серебро перестали быть русскими деньгами (а онъ перестали ими быть, когда ушли изъ Россіи и на нихъ установился курсъ, какъ на товаръ), нашъ международный обмѣнъ сталъ простымъ обмѣномъ товара на товаръ. Будемъ вести счетъ на бумажную нашу валюту или на золото, результатъ будетъ одинъ и тотъ же.

Вотъ обращекъ:

Платежи наши иностранцамъ, скажемъ, въ такомъ то году (за все, что мы отъ нихъ беремъ, считая здѣсь и проценты по нашимъ имъ долгамъ). 100 руб. (золотомъ).

Платежи иностранцевъ намъ (за все ими у насъ взятое)	90 »
	Разница	10 руб.

Эти десять рублей (такъ-называемыхъ рублей) золотомъ мы должны имъ въ такомъ-то году приплатить, безъ чего балансъ не сойдется. Мы не доплачиваемъ. Представимъ себѣ, что при началѣ года золото и бумажки стояли *at par*, то-есть 100 руб. золотомъ равнялись 100 р. бумажнымъ. Что случилось? Или мы задолжали 10 рублей золотомъ и выдали на себя металлическое обязательство, или за границей очутились лишніе 10 руб. бумажныхъ, не имѣющихъ ровно никакой цѣны потому, что за нихъ не то, что нельзя, а *не нужно* ничего покупать. Что сдѣлалось съ этими бумажками? Ихъ вернули въ Россію вмѣстѣ съ прочими 90 рублями, сочтя 100 руб. за девяносто, то-есть понизивъ нашъ курсъ или стоимость нашего рубля на золото на 10 проц. Бумажный рубль уже не равенъ рублю золотому, какъ было въ началѣ года, а стоитъ всего 90 коп., или не 4 франка, а 3 ф. 60 с.

Но здѣсь вмѣшивается государство. Ему кажется это «паденіе рубля» опаснымъ. Оно хочетъ удержать *ари*. Оно выдаетъ метал-

лическое обязательство на 10 руб. и платить за него проценты. На потомство ложится долгъ, но за то курсъ держится твердо.

Но вотъ наши платежи за границу растутъ противъ платежей намъ непомерно. Проценты все увеличиваются. Наконецъ, правительство видитъ, что поддерживать искусственно курсъ—значитъ разоряться. Оно предоставляетъ дѣло рынку. Рубль бумажный, конечно, сразу падаетъ. Курсъ начинаетъ колебаться и, наконецъ, устанавливается на каждый срокъ какъ-разъ въ соответствии съ международными нашими расчетами и слѣдуетъ за ними шагъ за шагомъ. Уменьшается иностранный ввозъ, увеличивается нашъ вывозъ—курсъ повышается. Обратное—понижается.

Вотъ другой образчикъ расчета на бумажную валюту въ другомъ году. Для простоты возьмемъ въ началѣ года курсъ рубля въ 2 марки.

Платежъ нашъ иностранцамъ:

За все взятое.	100 р.=200 мар.
Проценты по долгамъ	50 » =100 »
Итого.	150 р.=300 »
Платежъ иностранцевъ намъ	150 р.=300 »

Балансъ сведенъ, товары и долги покрыты нашими товарами; ясно, что рубль какъ былъ, такъ и остался на курсѣ 2 марокъ.

Представимъ себѣ теперь, что мы уплатили иностранцамъ по расчету не 150 бумажныхъ рублей, а 200, а у нихъ взяли столько же, сколько сказано, т. е. на 150 р. (300 марокъ), курсъ упадетъ и вычислить это паденіе не трудно. Тѣ же 300 марокъ будутъ равны 200 р. или рубль вмѣсто 2, всего $1\frac{1}{2}$ маркамъ.

Обратно, предположимъ, что иностранцы уплатили намъ на 100 марокъ больше. Ясно что тѣ же 150 рублей будутъ теперь не 300, а 400 марокъ, то-есть рубль будетъ стоить не 2 марки, а $\frac{400}{150} = 2,66$.

Эта простѣйшая схема такъ ясна, что позволитъ употребить чисто математическій приемъ доказательства для установки настоящаго закона, опредѣляющаго взаимный курсъ золота и абсолютныхъ знаковь.

Внутренняя стоимость рубля, его покупная сила, обуславливается только его постоянствомъ, какъ единицы мѣры, то-есть благонадежностію его выпусковъ верховною властію, только въ мѣру дѣйствительной потребности народа въ расчетномъ и платежномъ средствѣ.

Вѣшняя его стоимость обусловливается его покупною силой внутри Россіи и состояніемъ международнаго рынка, то-есть нашими денежными расчетами съ иностранцами.

Исключая постоянный элементъ, то-есть благонадежность внутри Россіи и слѣдовательно неизмѣнную внутреннюю покупную силу рубля, его вѣшняя стоимость или курсъ выразится въ видѣ слѣдующаго финансово-научнаго закона (частнаго, для Россіи, конечно).

Курсъ рубля или отношеніе его къ золоту находится въ зависимости исключительно отъ международнаго баланса. Количество знаковъ, обращающихся въ Россіи, никакъй здѣсь роли не играетъ.

VIII.

Этотъ ясный и простой законъ былъ превосходно освѣщенъ покойнымъ Н. Я. Данилевскимъ въ его статьяхъ, озаглавленныхъ «Нѣсколько мыслей по поводу упадка цѣнности кредитнаго рубля, торговаго баланса и покровительства промышленности» и помѣщенныхъ въ *Торговомъ Сборникѣ* за 1867 годъ.

Приводимый имъ примѣръ представляетъ чисто-научное упрощеніе нашего международнаго обмѣна и значенія бумажныхъ и металлическихъ денегъ. Мы приведемъ въ извлеченіи эту художественную и правдивую фантазію о деньгахъ Атлантиды:

«Предположимъ, говоритъ Данилевскій, что среди океана существуетъ островъ - назовемъ его хоть Атлантидой—который не имѣетъ никакихъ сношеній съ остальнымъ міромъ, и жители котораго думаютъ о себѣ, что они единственные разумныя существа во вселенной. Благопріятствуемые климатомъ, почвою и природными способностями, атлантидцы собственнымъ трудомъ вышли изъ состоянія грубости и достигли извѣстной степени цивилизаціи. Условія жизни ихъ до того усложнились, что они не могутъ болѣе довольствоваться простою мѣною своихъ произведеній. Скоть, соль, раковины не удовлетворяютъ уже потребности ихъ въ томъ средствѣ, которое мы называемъ деньгами. Драгоцѣнные металлы на островѣ есть, но островитяне еще не открыли ихъ. Мудрецъ, жившій въ то время между Атлантидцами, сталъ разсуждать, какъ бы помочь горю, и вотъ, приблизительно, ходъ его разсужденій. Искомое средство должно имѣть такія свойства, чтобы его можно было промѣнивать на каждый товаръ и на каждое количество товара. Такъ какъ всѣ товары дѣлимы, то и наше искомое должно имѣть соотвѣтственную дѣли-

мость. Бараны и быки для этого не годятся. Соль и раковины, пожалуй, удовлетворяют этому требованію, потому что, назначивъ, что раковина соотвѣтствуетъ самому малому количеству самаго дешеваго вещества, можно достигнуть того же, какъ еслибъ онѣ были дѣльными. Далѣе, необходимо, чтобы средство всеобщей мѣны долго сохранялось, не уничтожался и не портился. Соль для этого рѣшительно не годится, раковины же, хотя съ грѣхомъ пополамъ, удовлетворяютъ и этому требованію. Но и этого еще мало: надо, чтобы нельзя было или, по крайней мѣрѣ, очень трудно было поддѣлывать наше общемѣновое средство; а то всѣ, вмѣсто того чтобы настоящее дѣло дѣлать, стануть запыматься его поддѣлкою, и никогда нельзя будетъ быть увѣреннымъ, что его не слишкомъ много надѣлали. Раковины и въ этомъ отношеніи, пожалуй, годятся. Надо, наконецъ, чтобы вещество, которое употребимъ на общемѣновое средство, было достаточно рѣдко, для того чтобы каждый не могъ увеличивать по произволу количества его. Мудрецъ пришелъ къ тому заключенію, что ни одно изъ извѣстныхъ ему произведеній острова не годилось для желаемой цѣли. Но почему бы, подумалъ онъ, не придать требуемыхъ качествъ какому-либо веществу искусственно? Возьмемъ, на примѣръ, хоть кусокъ бумаги. Разною величиною или формою кусковъ можемъ удовлетворить требованію дѣлимости; труднымъ рисункомъ, котораго секретъ будетъ извѣстенъ лишь правительству, предупредимъ поддѣлку; промѣномъ старыхъ, износившихся бумажекъ на новыя придадимъ имъ неуничтожимость; наконецъ, ограничивъ количество ихъ выпуска единственно потребностію торговли и промышленности, предупредимъ излишнее ихъ накопленіе. Конечно, думалъ онъ, странно, какимъ образомъ вещь сама собою ни на что не пригодная будетъ вымѣниваться на всякій дѣйствительно-полезный предметъ; но вѣдь цѣнность вещь основывается на ея пригодности для какого-либо употребленія; быть же орудіемъ мѣны есть употребленіе весьма важное, и какъ только мои бумажки стануть на это употребляться, то тѣмъ самымъ пріобрѣтуть онѣ и цѣнность. Не то ли же самое со всякимъ предметомъ, пока не придумаютъ ему употребленія? Бѣлая глина, которой у насъ такъ много, не имѣла никакой цѣны, пока не придумали дѣлать изъ нея фарфоровыхъ сосудовъ, и съ тѣхъ поръ глина стала цѣнна: почему же и бумажки, когда онѣ примѣняются къ своему назначенію посредствомъ извѣстнаго приготовленія, а главное посредствомъ строго-соблюдаемыхъ условій ихъ выпуска, также точно не получаютъ цѣнности, весьма хорошо удовлетворяя своему назначенію? Проектъ былъ приведенъ въ испол-

неніе. Сначала опредѣлили условно, что бумажная денежная единица соотвѣтствуетъ такому-то количеству необходимѣйшаго вещества, на примѣръ хлѣба, и въ такомъ лишь случаѣ прибавляли число денежныхъ знаковъ, когда постоянный лажъ удостовѣрялъ, что оне не достаточно для нуждъ промышленности и торговли. Такимъ образомъ утвердилась въ Атлантидѣ полная довѣренность къ искусственному средству облегченія мѣны. Это былъ *первый періодъ денежнаго обращенія* въ Атлантидѣ.

«Черезъ нѣсколько столѣтій островъ былъ открытъ и вступилъ въ торговля и нынѣ сношенія съ иностранцами. Конечно, иностранцы не захотѣли принимать атлантидскихъ бумажныхъ денегъ, но изъ этого затрудненія вывернулись счастливымъ открытіемъ на островѣ золота и серебра. Атлантидцы такъ привыкли къ своимъ деньгамъ, что не хотѣли перемѣнить ихъ на золотыя и серебряныя, а согласились на слѣдующую сдѣлку. Золото и серебро было собрано въ особое хранилище, и установлена соотвѣтственность бумажной денежной единицы извѣстному вѣсу этихъ металловъ. Торговля стала производиться слѣдующимъ образомъ. Атлантидцы пріѣзжали въ иностранныя земли и покупали на свои бумажныя деньги тамошніе продукты. Иностранцы съ этими деньгами пріѣзжали въ Атлантиду, вымѣнивали ихъ на золото въ размѣнной палатѣ и потомъ за это покупали атлантидскіе товары. Получившіе золото атлантидцы спѣшили въ размѣнную палату и возвращали себѣ за золото свои любимыя бумажки. Это былъ *второй періодъ атлантидской торговли*, совершавшейся посредствомъ размѣна билетовъ на золото и золота на билеты.

«Вскорѣ обѣ торгующія стороны замѣтили, что онѣ совершенно напрасно затрудняютъ себя излишнею процедурою двукратнаго размѣна, и стали поступать такъ: иностранцы, получивъ атлантидскіе билеты, прямо покупали на нихъ атлантидскіе товары. Размѣнная палата опустѣла и чуть не была совершенно забыта. Своихъ товаровъ отпускали атлантидцы какъ разъ на столько, на сколько покупали иностранныхъ, и потому иностранные купцы брали бумажки, какъ еслибъ онѣ были чистымъ золотомъ, зналъ, что вѣдь нужно же будетъ имъ покупать атлантидскіе товары, а на нихъ и уйдутъ бумажки; развѣ цѣнили ихъ немного дешевле за то, что, въ промежутокъ времени между полученіемъ бумажекъ и покупкою на нихъ товаровъ, они не имѣли для нихъ употребленія; но такъ какъ торговля шла непрерывно, то эта причина не могла оказывать сильнаго дѣйствія. Это былъ *третій періодъ въ развитіи атлантидской*

тисюми, въ которой размѣнъ на драгоцѣнные металлы подразумѣвался, и, вмѣсто прямого существовалъ, такъ-сказать, косвенный размѣнъ. Цѣна бумажекъ и тутъ не падала, и невозможно вообразить никакой причины, почему бы ей было пасть.

«Но вотъ атлантидцы развратились, забыли староотеческіе обычаи и преданія, пристрастились къ разнымъ удобствамъ жизни, приняли разныя чужеземныя привычки, которымъ могли удовлетворять лишь иностранными продуктами, и стали ихъ закупать въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ отпускали своихъ собственныхъ товаровъ. Очевидно, что, при такомъ порядкѣ вещей, нѣкоторое количество атлантидскихъ бумажекъ должно было оставаться въ рукахъ иностранцевъ, и когда ихъ порядочно накопилось, иностранцы, конечно, не знали, что съ ними дѣлать. Къ счастью, вспомнили про размѣнную палату. Она снова была открыта, и золото потекло изъ нея рѣкою за границу. Атлантидцы вовсе объ этомъ не беспокоились, такъ какъ не были заражены меркантилизмомъ. Таковъ былъ *четвертый періодъ въ ходѣ торговли и въ судьбѣ бумажныхъ атлантидскихъ денегъ*.

«Періодъ этотъ, конечно, не могъ быть продолжителенъ, и однажды иностранные купцы, явившись промѣнивать оставшіяся у нихъ излишекъ бумажекъ, услышали горестную вѣсть, что промѣнивать ихъ не на что. То, что они считали деньгами, и что было таковымъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, обратилось въ простыя бумажки. Они было хотѣли прекратить всякія сношенія съ Атлантидцами, но тѣ стали ихъ успокаивать: «чего вы опасаетесь? Вѣдь не нынче мы начали, не нынче и перестанемъ торговать съ вами. Мы признаемъ за бумажками полную ихъ цѣну; отдайте ихъ намъ, а мы доставимъ вамъ на слѣдующій годъ товаровъ на всю ихъ стоимость, да еще проценты за то, что вы намъ раньше срока деньги въ руки дадите»— «Хорошо, отвѣчали иностранцы, но вы не берете въ расчетъ, что на будущій годъ опять пріѣдете къ намъ закупать наши товары въ такомъ же количествѣ, какъ и за прошлый, а пожалуй, и еще того больше, и захотите платить тѣми же бумажками, тогда какъ значительную долю вашихъ товаровъ должны вы будете отпустить намъ за тѣ же уже бумажки, которыя мы вамъ теперь отдадимъ, да за проценты на нихъ: такимъ образомъ вы, наконецъ, должны будете отпускать все потребное для насъ количество вашихъ товаровъ за старыя долги, а на что будете вновь покупать? Такъ нельзя, а послушайте вотъ что. Вы покупали у насъ въ послѣдніе годы товаровъ на 150 милліоновъ, мы же вашихъ—только на 100 милліоновъ; слѣдо-

вательно, 100 миллионъ вашихъ билетовъ имѣютъ и для насъ полную цѣнность, остальные же 50, съ тѣхъ поръ, какъ нельзя промѣнять ихъ на золото, все равно, что клочки тряпья. Такъ какъ однако на вашихъ билетахъ не написано, которые изъ нихъ принадлежатъ къ первой сотнѣ, и которые ко второй полусотнѣ миллионъ, то мы можемъ и будемъ принимать ихъ вообще лишь за двѣ трети ихъ цѣны, а тамъ что будетъ, то будетъ». Такъ и рѣшили, что внутри Атлантиды билеты будутъ по-прежнему въ полной ихъ цѣнѣ, а по вѣншней торговлѣ будутъ приниматься лишь въ двѣ трети ихъ номинальной стоимости. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Всякій торговецъ туземными произведеніями внутри острова сталъ разсуждать, что можетъ, вѣдь, случиться, что на вырученные деньги придется ему покупать иностранные товары, по отношенію къ которымъ бумажки стоятъ всего $\frac{2}{3}$ своей цѣны, да если и не придется этого ему самому, то пожалуй вздумаетъ разсуждать такимъ образомъ тотъ продавецъ, у котораго онъ будетъ покупать внутренніе продукты; слѣдовательно, противъ такого риска надо себя обезпечить, и нельзя принимать билетовъ въ полной ихъ цѣнѣ. Наоборотъ, иностранные купцы стали думать, каждый съ своей стороны: положимъ, атлантическіе билеты стоятъ у насъ лишь $\frac{2}{3}$ ихъ номинальной цѣны; но вѣдь Атлантическіе товары остались въ прежней своей цѣнѣ, и я смѣло могу разсчитывать, что сколько бы ни закупилъ ихъ, все сбуду. Если, поэтому, стану принимать билеты не въ $\frac{2}{3}$, а въ $\frac{3}{4}$, или $\frac{4}{5}$ ихъ цѣны, то мнѣ охотнѣе будутъ продавать, а закуплю больше, чѣмъ другіе, и увеличу свои обороты. Такимъ образомъ убѣдились, что билеты или вообще деньги имѣютъ характеръ жидкости, то-есть, что цѣна ихъ стремится придти къ одному уровню. Однакоже, какъ и жидкости вполнѣ этого не достигаютъ, если изъ двухъ дѣйствующихъ причинъ одна стремится возвысить или удержать жидкость на известной высотѣ, а другая стремится ее понизить,—убѣдились, что и тутъ, по мѣрѣ удаленія дѣйствующей причины, дѣйствіе ея ослабляется въ нѣкоторой степени, почему рѣзкія и крутыя разности въ цѣнѣ, какъ полноцѣнность на внутреннемъ и $\frac{2}{3}$ цѣны на вѣншнемъ рынкѣ, рядомъ существовать не могутъ; и что, хотя на внутреннемъ рынкѣ цѣнность билетовъ будетъ стоять выше, чѣмъ на вѣншнемъ, переходъ между этими двумя уровнями будетъ однакоже постепененъ, и разница между ними не такъ велика. Тѣмъ не менѣе, пониженіе цѣны билетовъ очень всѣхъ изумило; говорили: «кажется, условія, предписанныя древнимъ мудрецомъ, исполняли мы въ точности, лишнихъ билетовъ не выпускалось, были мы въ этомъ отношеніи скорѣе скупы,

чѣмъ щедры, — и однакоже билеты упали». Имя виновника столькихъ бѣдствій готовы были предать проклятію, пока слѣдующія соображенія не привели атлантидцевъ къ болѣе справедливому образу мыслей: «вѣдь мудрецъ, рекомендовавшій употребленіе бумажныхъ денегъ, подѣ единственнымъ условіемъ благоразумнаго и умѣреннаго выпуска ихъ, жилъ въ то время, когда мы думали, что кромѣ насъ на свѣтѣ никого нѣтъ; когда, слѣдовательно, атлантидская цѣнность и всемірная цѣнность были выраженіями тождественными. Онъ говорилъ, что бумажныя деньги могутъ служить, при извѣстныхъ условіяхъ, представителями атлантидскихъ цѣнностей, и онѣ служили ими вполне; мало того, дальнѣйшая судьба ихъ показала, что посредствомъ косвеннаго размѣна могутъ онѣ служить отчасти и представителями иностранныхъ цѣнностей, именно такой доли ихъ, которая равняется цѣнности нашего отпуска. Его ли вина, если мы захотѣли, чтобы наши билеты сдѣлались представителями не только нашихъ, но и вообще всемірныхъ цѣнностей, безъ всякаго ограниченія?»

«Какова была дальнѣйшая судьба атлантидскихъ бумажныхъ денегъ, мнѣ неизвѣстно. Но изъ участи ихъ доселѣ оказывается несомнѣннымъ, *что цѣнность бумажныхъ денегъ не зависитъ исключительно отъ того, соответствуетъ ли ихъ количество внутренней потребности въ этихъ деньгахъ, а зависитъ также и отъ хода внешней торговли.* Конечно, въ дѣйствительности торговля сношенія происходятъ не такъ, какъ въ нашемъ примѣрѣ; но всѣ различія въ этомъ отношеніи усложняютъ только процессъ, висколько не измѣняя его сущности; и, такъ какъ, думаю я, нельзя указать на какую-либо ошибку въ изложенномъ ходѣ торговыхъ сношеній и въ ихъ вліяніи на цѣнность билетовъ, то и должно признать, что торговый балансъ можетъ оказывать вліяніе на цѣнность бумажныхъ денегъ».

IX.

Когда такимъ образомъ установленъ законъ *независимости нашего внешнего курса ни отъ фонда, ни отъ количества рублей внутри Россіи*, при условіи ихъ въ ней полноцѣнности и полновѣрности (а это въ свою очередь обусловлено всенароднымъ довѣріемъ къ верховной власти), необходимо для обоснованія и доказательства слѣдующихъ двухъ законовъ поставить и изслѣдовать вопросъ: *сколько же должно быть въ обращеніи у насъ знаковъ?* Въ чемъ выражается ихъ недостатокъ? Гдѣ предѣлъ потребности въ нихъ? На-

чиная съ какого момента, знаки становятся излишними, и ихъ покупная сила, ихъ внутренняя стоимость ослабѣваетъ?

Если мы изъ огромнаго окружающаго насъ моря экономическихъ явленій возьмемъ наиболѣе типичныя для характеристики недостатка въ знакахъ, то увидимъ слѣдующее.

Я землевладѣлецъ. Чувствую, что мое хозяйство идетъ очень плохо. Исполная система никуда не годится. Рядомъ хозяйство многопольное съ винокуреннымъ заводомъ, съ клеверомъ, съ хорошимъ скотомъ. Пора бы перейти и мнѣ на такое же. Но я не могу. Денегъ нѣтъ. Чтобы завести такое хозяйство, при моей поверхности землевладѣнія, у меня долженъ оборачиваться капиталъ въ 10—15 тысячъ рублей. Имѣние мое стоитъ 30 тыс. по банковской оцѣнкѣ; 60 проц. то-есть 18 тыс. руб., я получилъ и уплатилъ старые долги. Подъ вторую закладную мнѣ дадутъ 8 тыс., но возьмутъ съ меня въ годъ *минимумъ* 960 р. процентовъ. Этого мнѣ не хватитъ, и подобнаго процента я платить не могу. Соло-векселя? Въ отдѣленіи Государственнаго Банка рассмотрѣли мое нынѣшнее хозяйство и посулили мнѣ только 1.800 руб., ибо мой нынѣшній оборотъ 3.000. Есть возможность получить кредитъ отъ 3 до 5 тыс. руб. въ мѣстномъ взаимномъ кредитѣ за 9—10 проц. годовыхъ. Наконецъ, есть возможность учесть векселекъ-другой въ частныхъ рукахъ за копѣйку въ мѣсяць. Нѣтъ, ужъ придется оставаться при старомъ положеніи. Получаю я въ годъ 1.200 руб. дохода, могъ бы получать тысячь пять, ничего не подѣлаешь!

Мы должны согласиться, что для Россіи это не средній, а много «выше средняго» случай. Сидитъ этотъ землевладѣлецъ прочно, не дожидаетъ и жалуется *только* на то, что вмѣсто 5.000 выработываетъ 1.200 руб. Нечего и говорить, что огромное большинство не имѣютъ и этого, бьются, вуждаются и смотрятъ на подобнаго счастливца съ завистью.

Поищемъ опредѣленныхъ *признаковъ* недостатка знаковъ, такъ какъ ясно, что *самый недостатокъ* на лицо.

Соло-векселя оставимъ въ сторонѣ. Это кредитъ, во-первыхъ, почти филантропическій, а во-вторыхъ, совершенно недостаточный (ибо дается не на будущій *большой* оборотъ, а на настоящій *малый*). И при этомъ, кажется, сдѣлано недавно распоряженіе (секретное) не давать никому полной нормы; но крайней мѣрѣ, кому слѣдуетъ 1.000 р., тому открываютъ кредитъ только на 500 ¹⁾.

¹⁾ Такъ дѣлалъ, напр., еще недавно въ Смоленскомъ отдѣленіи Государственнаго Банка.

Разсмотримъ обыкновенный, нормальный кредитъ.

Замѣтимъ, что *личнаго* земледѣльческаго кредита почти нѣтъ, а есть лишь подъ обезпеченіе свободною стоимостью имѣнія. Землевладелецъ можетъ получить деньги:

Подъ вторую закладную за 10—12 проц.

Изъ мѣстнаго общества взаимнаго кредита за 9—10 проц.

Подъ вексель отъ частнаго лица за 12—18 проц.

И при этомъ во всѣхъ случаяхъ кредитъ крайне ограниченный. Большой суммы денегъ достать невозможно. Ограничиваютъ потому, что свободныхъ денегъ нѣтъ.

Въ лучшемъ случаѣ хозяйство можетъ дать 6—7 проц. при огромномъ личномъ трудѣ и при большомъ рискѣ, или жизни впроголодь. Спрашивается: можно ли брать деньги при этихъ условіяхъ? Ясно, что хозяйство будетъ вестись по-прежнему, и вмѣсто полной продуктивности, таковая будетъ въ $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{4}$ нормальной, или будетъ расхищаться капиталъ, то-есть опустошаться земля.

Нужно ли говорить про крестьянина? Хорошій, зажиточный мужикъ для покупки, напримѣръ, лошади вмѣсто павшей, или для уплаты податей (не во-время) закладываетъ сѣменной хлѣбъ, холсты, инструменты, одѣжу за 5 коп. $\frac{0}{10}$ въ мѣсяцъ. Въ уѣздныхъ городахъ цѣлыя улицы застроены амбарами, исключительно ростовщическими, гдѣ хранятся полушубки, шерсть, кудель, нитки, сарафаны и пр. и пр. *Пять* коп. въ мѣсяцъ, или 60 проц. въ годъ, еще это *сможно*. Бѣдняки безъ залога и за этотъ процентъ не получаютъ ссуды. Для тѣхъ существуетъ такой кредитъ:

Въ апрѣлѣ беретъ въ долгъ четверть ржи
цѣною въ 7 руб.
За проц. убираетъ въ іюлѣ $\frac{1}{2}$ дес. луга . . . 4 »
Въ августѣ отдаетъ четверть ржи . . . 6 »
Или же за взятые на 4 мѣсяца 7 рублей
платить 3 рубля процентовъ, то-есть въ
годъ 12 рублей, или 158 проц.

И эти оба вида кредита не самые плохіе, а только средніе, или пожалуй выше средняго. А напримѣръ, такой случай, лично видѣнный нами. Приходитъ баба просить почтовую марку. Денегъ нѣтъ. Письмо нужно отправить экстренно. За одолженіе 7 коп. на недѣлю баба полода $\frac{1}{2}$ дня, и была очень довольна. Знаете, изъ какихъ это процентовъ получился кредитъ? Считайте день бабы только въ 35 коп. (лѣтній), и окажется, что за недѣлю она заплатитъ 250 проц. или въ годъ *тринадцать тысячъ на сто*.

Это. разумеется, курьезъ, хотя и математически точный.

Фабрикантъ платить: крупный, имѣющій учетъ въ Государственномъ и большихъ банкахъ, 6—7—8 проц., маленькій, кредитующійся кое-гдѣ, 9 и 10 проц. За ограниченностью банковаго кредита, всѣ, даже очень крупныя фирмы, при хорошихъ дѣлахъ тихонько бѣгаютъ къ дисконтерамъ и платятъ 10 и 12 проц.

Полагаемъ, расиространяться дальше не стоить. *Признаки* недостатка знаковъ на-лицо: 1) *высота процента за наемъ денегъ*, 2) *обезцѣненіе труда*.

Оба эти признака тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собой: вслѣдствіе недостатка денегъ, процентъ или плата за ихъ наемъ становится непомернымъ, и параллельно съ этимъ, трудъ, постепенно дешевѣя, совершенно обезцѣняется.

Баба, очевидно, ровно ни во что не считавшая свой полудневный трудъ—примѣръ очень яркій. Но не менѣе яркій примѣръ и такой: очень добросовѣстный арендаторъ даетъ за имѣніе 1.000 руб. аренды. Владѣлецъ не соглашается и, начавъ работать самъ, выработываетъ 1.200 руб. Другими словами, за свой годовой, поистинѣ каторжный, трудъ онъ выработалъ 200 рублей или, откинувъ проценты на (мысленное) страхованіе отъ рисковъ, напримѣръ 100 руб., получилъ всего 100 руб., то-есть меньше, чѣмъ жалованье самаго убогаго волостнаго писаря. Положимъ, что въ этомъ трудѣ было наслажденіе, то есть нѣкоторый нравственный элементъ. Но нѣдѣ *денежно*-то этотъ трудъ вполне обезцѣненъ?

Политическая экономія опредѣляетъ капиталъ, какъ концентрированный прежній трудъ, являющійся орудіемъ новому труду. *Недостатокъ денежныхъ знаковъ, возвышая плату за наемъ капитала*, отдѣляетъ, *отрываетъ его отъ труда* будущаго, *обезцѣняетъ*, парализуетъ этотъ трудъ, отдаетъ его въ кабалу и становится *элементы праздные — въ положеніе, господствующее въ странѣ, элементы трудовые — въ рабство имъ*.

Примѣрѣя эти соображенія къ жизни, легко понять, что это не про Америку говорится, а про матушку Россію, гдѣ только благодаря западной финансовою доктринѣ, отводившей глаза русскому финансовому вѣдомству за послѣднюю четверть вѣка, вмѣсто стараго добродушнаго крѣпостнаго права юридическаго, создалось новое, въ тысячу разъ тягчайшее, крѣпостное право экономическое.

Господа: биржевики, дисконтеры, спекулянты, рантьеры, чиновники.

Рабы: землевладѣльцы, земледѣльцы, промышленники, рабочіе.

Вотъ прямыя послѣдствія *недостатка денежныхъ знаковъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ его точные признаки.

Но возвращаемся къ основному разсужденію и ставимъ второй вопросъ: гдѣ предѣлъ потребности жизни въ денежныхъ знакахъ? Есть ли такой предѣлъ?

Несомнѣнно есть, и его можно выразить въ формѣ слѣдующаго закона, который мы и постараемся доказать:

Увеличеніе числа знаковъ необходимо и полезно до тѣхъ поръ, пока новыя, добавочно выпускаемая ихъ количества вызываютъ и свой, не производившійся дотолъ трудъ, или возвышаютъ производительность и результаты труда прежняго.

Что такое отпечатанная въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ бумажка до момента ея выпуска въ публику? Это не что иное, какъ *ассиновка на трудъ*, расчетный знакъ, ожидающей сдѣлки, которую онъ учтетъ. Пока этотъ трудъ не произведенъ, пока сдѣлка не совершена, знакъ этотъ никакой цѣны не имѣетъ. Это не та засаленная и пропотѣлая бумажка, которая вернулась въ казначейство, и только удобства ради мѣняется на чистенькую, свѣженькую бумажку. То деньги настоящія, полноцѣнные деньги, уже работающія, уже государству какъ бы не принадлежащія. Мы говоримъ про новенькую, новорожденную бумажку, идущую не въ обмѣнъ на другую, а вполне независимую, самостоятельную.

Представимъ себѣ простѣйшую схему: сидитъ въ деревнѣ уволенный въ запасъ солдатъ Иванъ Сидоровъ. Выучился онъ, скажемъ, въ крѣпости кирпичъ обжигать. Завелъ бы маленькій кирпичный заводикъ и работалъ бы самъ, да съ нимъ односельцы въ свободное время, — нельзя; нужно 300 руб. на дрова, на постройку, на расплату за сырецъ, на инструментъ. Заложить нечего, кредита даже за 60 проц. въ годъ нѣтъ. Ну, значить, и сиди, праздно, или ходи на поденщину за 30 коп., да и то, когда экономія позоветъ, потому что и тамъ, по безденежью, всѣ работы сокращены. Ни труда, ни производства нѣтъ, люди просидѣли праздно, Иванъ Сидоровъ отъ скуки только пьянствовалъ. Заработаетъ что-нибудь урывкомъ — не стоитъ беречь, не накопишь 300 рублей, взялъ да и пропилъ.

Представьте, что какимъ-нибудь чудомъ этотъ Иванъ Сидоровъ получилъ вотъ эти 300 новорожденныхъ бумажекъ на десять лѣтъ, на разсрочку изъ 5 проц. Онъ построилъ заводикъ и началъ работать. Платить свои взносы очень аккуратно, такъ какъ дѣло идетъ хорошо и платежъ льготный. 45 рублей вернулись въ казначейство въ первый же годъ. Они состоятъ изъ двухъ величинъ: 30 руб. возврата

ссуды и 15 руб. чистаго дохода казны, потому что операція не стоила ей ничего. Что такое эти 30 руб.? Теперь это уже не бумажка, а измѣритель дѣйствительныхъ цѣнностей, необходимый для обращенія, ибо гдѣ-то въ Царевкококшайскѣ, или подь Сырзяню идетъ новое дѣло, кипитъ новый, *раньше ставшій* трудъ, и вокругъ кирпича совершается безчисленное количество новыхъ оборотовъ. Сидоровъ шилъ себѣ полушубокъ (а то бы еще годъ ходить въ старомъ), Матрена работница купила два платка и скормила семьѣ семь пудовъ лишней ржи (безъ работы ѣли меньше). Кромѣ того, пили чай. Всѣ заработали, всѣ *увеличили потребление*, всѣ поправились, и эта поправка въ микроскопической, правда, долѣ, но отразилась и на доставкѣ чая добровольнымъ флотомъ, и на кievскомъ сахарномъ рынкѣ, и на ивановской набивной фабрикѣ. Увеличились всѣ обороты, 300 рублей влились словно керосинъ въ гаснущую лампу. Спрашивается, что должно сдѣлать правительство съ возвращенными ему 30-ю рублями? Сжечь ихъ, какъ свободные и ненужные? Нельзя, это явно стѣснить промышленность, ибо обороты расширились, а мѣновое средство не увеличилось. Нельзя ихъ сжечь — ихъ пускать, немедленно дальше пускать надо! Безчисленное множество этихъ Сидоровыхъ протягиваютъ руки за ними. И они сидятъ безъ работы, и они могли бы работать, да нечѣмъ, инструмента нѣтъ...

Х.

Мысль о прямой творческой способности бумажныхъ знаковъ, правда, не въ видѣ знаковъ абсолютныхъ, а только замѣстителей золота, высказывалась, хотя и туманно, западными финансистами, и составляетъ часть известной теоріи кредита. Но изъ всѣхъ западныхъ построеній нѣтъ никакой возможности придти къ *теоріи минимыхъ капиталовъ*, которую я изложу ниже и которая ближайшимъ образомъ истекаетъ изъ существа абсолютныхъ денегъ. На это ихъ свойство намекалъ покойный Н. Я. Данилевскій въ своихъ, къ сожалѣнію, немногочисленныхъ экономическихъ работахъ. Яснѣе говорили объ этомъ русскіе практики и представители здравой русской мысли, покойные Шиповъ и Кокоревъ. Она ярко просвѣчиваетъ въ посмертномъ трудѣ Н. П. Гилярова-Платова «Основы экономіи». Затѣмъ, по этому поводу, впервые были высказаны нами въ «Русскомъ Дѣлѣ» слѣдующія соображенія по вопросу о постройкѣ Сибирской желѣзной дороги, соображенія, сполна принятыя и осуществленныя правительствомъ позднѣе.

Вотъ, что говорится въ передовой статьѣ № 3 «Русскаго Дѣла» за 1888 годъ:

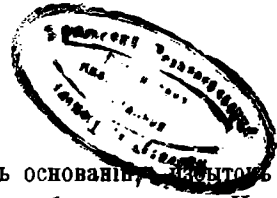
«Неужели нужно, для постройки желѣзной дороги средствами государства, непременно занимать деньги, отыскивать чужой капиталъ и только обращать его въ недвижимость, рискуя доплачивать огромныя суммы, если эта недвижимость не дастъ условленныхъ четырехъ или пяти процентовъ владѣльцу капитала? Не проще ли создать эту недвижимость изъ непроезжато лежащихъ: труда и естественныхъ богатствъ?

«Предположимъ, что государство рѣшаетъ строить Сибирскую дорогу по частямъ, расходуя въ годъ, наприимѣръ, 50 милліоновъ рублей и производить специально для этого соотвѣтственный выпускъ кредитныхъ билетовъ. Эта сумма, при денежномъ обращеніи въ 1.100 милліоновъ, не повліяетъ замѣтнымъ образомъ на нашъ денежный рынокъ и тѣмъ болѣе не уронитъ нашего курса. Она вся цѣликомъ распредѣлится среди рабочаго люда и промышленниковъ, которые получаютъ заработокъ по дорогѣ. Каждый изъ участниковъ этой работы исполнитъ трудъ, котораго онъ иначе бы не сдѣлалъ, и вслѣдствіе этого увеличитъ свое потребленіе: крестьянинъ купить больше хлѣба и мануфактурнаго товара. Инженеръ, администраторъ, писецъ, бухгалтеръ, сторожъ, всѣ увеличатъ свое потребленіе; заводы и ихъ рабочіе, увеличивъ свою работу, увеличатъ потребленіе въ равной мѣрѣ. Вся сумма въ 50 милліоновъ пока чисто фиктивныхъ знаковъ, каковыми несомнѣнно будутъ выпущенныя бумажки, пойдетъ въ народное обращеніе и при каждой сдѣлкѣ, при каждой передачѣ, вызоветъ явкоторый новый трудъ, *который иначе не былъ бы совершено*.

«Увеличеніе труда, сбыта, потребленія почувствуетъ немедленно вся безъ исключенія промышленность. За границу изъ всей этой массы труда не будетъ уступлено ничего, ибо все нужное можетъ и должно быть сдѣлано дома.

«Таковъ первый моментъ. Результата труда мы еще не касались. Отиѣтимъ пока это оживленіе и припомнимъ, что совершенно такое же и тѣмъ же путемъ было достигнуто во время послѣдней войны. Вся Россія усиленно работала на выпущенныя бумажки. Приливъ средствъ чувствовала вся промышленность, и въ это время она сдѣлала громадныя успѣхи.

«Но отсюда начинается разниа. Въ результатѣ войны получился въ матеріальномъ отношеніи, даромъ затраченный трудъ,—вся сумма его пропала,—въ нравственномъ... позоръ! Усиленная работа кончилась, спросъ и трудъ сократились, духъ поникъ. Доктринеры при-

знали, хотя къ тому и не было никакихъ основаній, чтобы кредитныхъ билетовъ и конвертировали его въ бумагу-товарь. Начался рядъ кризисовъ, продолжающихся и до сего дня.

«Результатомъ выпуска пятидесяти милліоновъ бумажныхъ рублей для постройки желѣзной дороги будетъ то, что увеличившаяся во время постройки покупная и потребительная сила народа увеличится еще по ея окончаніи. Такая желѣзная дорога, какъ Сибирская, по достройкѣ хотя бы только перваго участка, уже вызоветъ цѣлый рядъ новыхъ, до сихъ поръ не производящихся оборотовъ и промышленныхъ предпріятій. Выпущенные совершенно фиктивно по началу знаки—не только не окажутся лишними, но вызовутъ потребность въ еще новыхъ количествахъ знаковъ, ибо, если отъ 50 милліоновъ лишнихъ рублей наше денежное обращеніе увеличится на 1/2, то отъ постройки перваго участка Сибирской дороги и при самой этой постройкѣ количество сдѣлокъ и оборотовъ въ Россіи возрастеть на величину еще большую.

«Если посмотрѣть на вопросъ съ другой стороны, то окажется, что государство сдѣлало слѣдующее: оно выдало впередъ ассигновку на трудъ. Этотъ трудъ совершился, дорога создалась, такъ-сказать, изъ ничего (такъ какъ безъ этой ассигновки трудъ этотъ не былъ бы совершенъ и пропалъ бы даромъ), ассигновка обратилась въ нѣчто реальное, въ недвижимость, изображаемую новою желѣзною дорогой, а главное, въ новый рядъ непрерывно идущихъ сдѣлокъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ государство получило ее даромъ, такъ какъ выпущенные знаки брать назадъ не приходится. Это ужъ не тѣ фиктивные знаки, которые были выпущены, это уже оплодотворенныя народнымъ трудомъ, совершенно реальныя *денги*, орудіе извѣстныхъ торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ, которыхъ бы безъ этой новой дороги не было».

Это и есть въ своемъ первоначальномъ видѣ *теорія мнимаго капитала*, совершенно замѣняющаго капиталъ реальный, заключающійся въ выраженныхъ золотомъ, или иными цѣнностями сбереженіяхъ. Разумѣется, эти мнимые капиталы работаютъ съ полною силой только въ рукахъ центральной государственной власти, (Мальцовскія деньги показываютъ, что тоже возможно и въ частныхъ рукахъ, но это государство въ государствѣ) оживляютъ и вызываютъ народный трудъ только тогда, когда вызвать этотъ трудъ возможно, то-есть, когда его элементы уже есть на лицо, въ видѣ матеріаловъ, рабочихъ рукъ и умственныхъ силъ.

XI.

Чтобы уяснить себѣ практическія условія приложенія къ жизни теоріи мнимыхъ капиталовъ, необходимо разсмотрѣть ея предѣлы, то есть, условія, опредѣляющія *излишекъ и недостатокъ* денежныхъ знаковъ въ государствахъ.

Признаки недостатка въ знакахъ совершенно, думается вамъ, могутъ быть уяснены на приведенныхъ двухъ примѣрахъ.

Эти же примѣры въ обратномъ видѣ могутъ отлично послужить для уясненія признаковъ какъ нормальнаго количества мѣноваго средства, такъ и *избытка въ знакахъ*.

Представимъ себѣ, что правительство, слѣдуя этой системѣ, начнетъ пускать въ оборотъ все большія и большія количества денежныхъ знаковъ. Предположимъ далѣе, что ни одного изъ нихъ не употребляется на текущіе государственные расходы, а всѣ идутъ только на оживленіе народнаго труда. Строятся желѣзныя дороги, элеваторы, порты, производятся обширныя работы по орошенію, лѣсоразведенію. Расширяется помощь фабрикамъ, заводамъ, сельскимъ хозяевамъ. Щедрою рукою кредитуются Иваны Сидоровы черезъ посредство ли земствъ, или артельнымъ порядкомъ, за круговой отвѣтственностью. Трудъ растетъ гигантскими шагами. Оживляется потребленіе, а слѣдовательно множество побочныхъ промышленностей. Трудящійся человѣкъ поднимается въ цѣнѣ, ибо ему не только создается работа *вообще, какая-нибудь*, но у него является уже *выборъ работы*. На фабрикахъ платятъ дорого, въ экономіяхъ тоже, самъ затѣетъ что-нибудь—заработаетъ еще больше. На встрѣчу этому росту вознагражденія труда понижаются постепенно цѣны на предметы жизни, вслѣдствіе большаго и выгоднѣйшаго ихъ производства. Человѣкъ труда растетъ, ростовщикъ и туенядецъ хирѣютъ. Что дѣлать дисконтеру, когда, благодаря изобилію денежнаго средства въ странѣ, торговля деньгами становится совсѣмъ безвыгодною? Процентъ за заемъ капитала понижается, ростовщики и равтеры сами начинаютъ бѣгать, искать помѣщенія для своихъ денегъ. Основываютъ акціонерныя общества, придумываютъ новыя предпріятія и сами *работаютъ въ нихъ*.

Наконецъ, наступаетъ моментъ *насыщенія*. Новыхъ знаковъ не нужно, употребить ихъ производительно *н-куда*. Можно бы и еще построить желѣзныхъ дорогъ, необходимо подождать: инженеры, землекопы всѣ заняты, а такъ какъ рвутъ въ разныя мѣста, то они слишкомъ подняли цѣны на свои услуги. Можно бы заняться съ выгодой

каменными постройками—опять надо обождать: всё каменщики заняты, потому что постройка идет повсюду. Можно бы расширить заправки, замѣнивъ челоѣка машинами? Трудно, хлѣбъ подешевѣлъ. Основывать еще фабрики? Трудно, подешевѣли сукна, ситцы, машинны, мебель, *подешевѣло все, гдѣ челоѣкъ играетъ роль второстепенную, вздорожало все, гдѣ нуженъ личный трудъ, личное искусство челоѣка.*

А главное, за деньгами никто не бѣгаетъ, никто ихъ не ищетъ, никто изъ-за нихъ не кланяется. Процентъ, получаемый лежа на боку, такъ низокъ, что *деньги бѣгаютъ за челоѣкомъ*, деньги служатъ челоѣку. У насъ изобрѣтатель — синонимъ челоѣка голодающаго. При тѣхъ условіяхъ, изобрѣтатель—владыка. Да такъ и быть должно, ибо изобрѣтатель изображаетъ цвѣтъ лучшей формы челоѣческаго труда—труда умственнаго.

Итакъ, вотъ признаки надлежащаго количества знаковъ:

Удешевленіе денегъ, какъ предъидущаго капитала производства.

Удешевленіе денегъ, какъ знаковъ, какъ оборотнаго средства, то-есть пониженіе процентовъ.

Удешевленіе всѣхъ машинныхъ производствъ.

Удешевленіе жизненныхъ припасовъ и обстановки жизни.

Вздорожаніе личнаго труда.

Торжество и огромная оплата труда творческаго и, вообще, умственнаго.

Читатель чувствуетъ, что это уже не про матушку Россію идетъ рѣчь? Это уже Америка живьемъ, представляющая на лицо большую часть указанныхъ элементовъ. Тутъ и рабочій, два раза въ недѣлю мѣняющій бѣлье и спящій на пружинномъ матрацѣ. Тутъ и деньги, которыхъ дѣвать некуда. Тутъ и Эдисонъ, полубогъ промышленности, и двадцатипятиэтажные дома, и всѣ чудеса Новаго Свѣта.

Намъ могутъ возразить, однако, что въ Америкѣ металлическое обращеніе. Въ Америкѣ золотыя деньги. Америка задыхается отъ избытка золота.

Совершенно вѣрно. Все это возможно и при золотѣ, какъ деньгахъ. Разница будетъ лишь та, что, во-первыхъ, при золотѣ все подобное можетъ быть достигнуто лишь хищнымъ путемъ, на чей-либо счетъ. Америка втянула въ себя половину міроваго золота путемъ прямой обиды для остальнаго челоѣчества. Во-вторыхъ, какъ ни высока въ Америкѣ промышленность и какъ ни развита банковая система, во каждую минуту промышленность не обезпечена отъ потрясающихъ кризисовъ, въ родѣ разыгравшагося лѣтомъ 1893 года и вызваннаго только тѣмъ обстоятельствомъ, что золото и серебро, бу-

дучи деньгами, являются одновременно и товаромъ, и, какъ таковыя, подлежатъ дѣйствию тѣхъ *стихійныхъ* силъ, отъ которыхъ абсолютныя деньги, товарнаго качества не имѣющія, могутъ быть совершенно изъяты. Самостоятельная экономическая страна, какъ, напримеръ, Россія, достигнетъ при системѣ абсолютныхъ знаковъ того же необъятнаго экономическаго развитія, не отнявъ ни у кого ни куска хлѣба и не рискуя ровно никакими кризисами.

Да наконецъ, вѣдь и Америка развилась только при помощи своихъ *гринбековъ*, бывшихъ въ свое время почти абсолютными знаками. Разница была лишь въ томъ, что эти деньги выпускались не центральной властью, а каждымъ штатомъ, источникомъ ихъ было не *единодержавіе*, форма русская, а *федерацин*. При помощи гринбековъ Америка оплодотворила свой народный трудъ, затѣмъ запретительными тарифами изолировала себя отъ потребленія продуктовъ чужаго труда, *но сама свой трудъ умѣла навязать иностранцамъ*. Ей приплачивали золотомъ всѣ, съ кѣмъ она ни торговала, золото накопилось и замѣнило гринбека. Мало того: его накопилось такъ много, что оно начало обезцѣниваться такъ же точно, какъ будутъ обезцѣниваться бумажки, когда ихъ количество превзойдетъ здоровую въ нихъ потребность, *когда дѣлать съ ними будетъ болѣе нечего*. Затѣмъ неожиданно обезцѣнилось серебро, рѣзко нарушилось его давно установившееся отношеніе къ золоту и, такъ какъ серебряный долларъ есть не только *de jure*, но и *de facto* монетная единица, то понятно, что наступило жестокое потрясеніе всей американской промышленности, конецъ котораго пока трудно даже предугадать.

Наступившее, начиная съ Америки, всеобщее паденіе серебра отразилось и у насъ, и дало новое, великолѣпное доказательство превосходства нашей абсолютной денежной системы. У насъ, какъ извѣстно, «непремѣняемая и законная единица» всѣхъ денегъ, обращающихся въ государствѣ—серебряный рубль такого-то вѣса. Пока золото и серебро были твердо связаны между собою, изъ Россіи оба металла ушли одновременно. Чтобы не остаться совсѣмъ безъ мелкой размѣнной монеты, было необходимо выпустить низкопробную, такъ называемую билонную монету, имѣющую значеніе не монеты, но тѣхъ же почти ассигнацій. Въ пяти двугривенныхъ серебра было значительно меньше, чѣмъ въ полноцѣнномъ рублѣ, но даже въ полтинникѣ.

Наступаетъ обезцѣненіе серебра. Сначала серебряный рубль, ставшій такимъ же товаромъ, какъ и полуимперіаль, цѣнился ниже рубля золотаго, но выше рубля кредитнаго. Затѣмъ на минуту онъ срав-

нялся съ кредитнымъ, и рубли появились у насъ въ обращеніи, но отнюдь не въ качествѣ «законной и непремѣняемой» монеты, а просто какъ новинка, какъ курьезъ.

Прошло всего мѣсяца три. Затѣмъ серебро подешевѣло еще, и полноцѣнный серебряный рубль, законная монета, сталъ дешевле рубля кредитнаго. И вотъ, эту нашу законную основную единицу перестали принимать частные люди, затѣмъ и казенныя учрежденія. Правительство сначала перестало чеканить рубли, затѣмъ начало отказывать въ передѣлкѣ на монету частнаго серебра (ибо это могло вызвать великія злоупотребленія: вы принесли серебро, купленное вами за 80 рублей на вѣсъ и должны получить монеты на 100 рублей!) и наконецъ распорядилось исключить серебро повсе изъ размѣннаго фовда. Серебряный рубль, еще стоящій въ сводѣ законовъ, какъ основная ваша единица, фактически исчезъ, не произведя ни малѣйшаго потрясенія, и самый фактъ былъ совершенно незамѣченъ народомъ. Дивились только одному курьезу: за полноцѣнный серебряный рубль даютъ только четыре, а затѣмъ и три двугривенныхъ, заключающихъ серебра не болѣе чѣмъ на 30 копѣекъ. Серебряный рубль самъ собою обратился въ товаръ, размѣнная монета—въ маленькія металлическія ассигнаціи.

Въ это же время всѣ цивилизованныя страны съ двойнымъ металлическимъ обращеніемъ переживали жестокой кризисъ, а страны съ серебряною валютой подошли чуть не къ банкротству.

Исторію и обстоятельный анализъ финансоваго возрожденія Сѣверной Америки читатель найдетъ въ любопытной книгѣ А. А. Кра-силыникова: *Объясненіе причинъ успѣха Америки и неуспѣха Рос-сіи въ возстановленіи металлическаго обращенія*. Эта превосходная книга была у насъ замолчана, какъ замалчивается обыкновенно все умное, дѣльное, самобытное.

Послѣдній экономическій моментъ—*излишекъ свободныхъ денеж-ныхъ знаковъ*, мы полагаемъ, послѣ всего сказаннаго не стоить и разбирать: признаки его ясны. За невозможностью основывать новыя серьезныя дѣла, развивается промышленная спекуляція, появляются *дутья* или завѣдомо неблагонадежныя предпріятія, руководимыя за неимѣніемъ специалистовъ, невѣжественными людьми. Рискъ растетъ, ибо владѣлецъ капитала для сохраненія его цѣнности вынужденъ рисковать. Цѣны, сначала перемѣстившись правильно, начинаютъ перемѣщаться уродливо. Денежная единица начинаетъ вещь обезцѣниваться, то-есть дешевѣть, ея покульная сила ослабѣваетъ, иными

словами, все дорожаетъ. Прежніе капиталы въ опасности. Ихъ владѣльцы несправедливо страдаютъ.

Такой моментъ былъ у насъ вскорѣ послѣ двѣнадцатаго года. Верховная власть, только что сознавшая весь вредъ чрезмѣрныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ и твердо рѣшившаяся привести въ порядокъ русскую денежную систему, въ виду крайней государственной опасности, вынуждена была выпустить въ тогдашней патриархальной и очень мало промышленной Россіи непомѣрно огромное количество ассигнацій. Рядомъ съ ними обращалось невѣдомое количество фальшивыхъ, пущенныхъ Наполеономъ, которыя тѣмъ не менѣе приходилось принимать и оплачивать. Внутренняя покупательная стоимость рубля въ тогдашней крѣпостной и совершенно непромышленной Россіи пала. Рубль дошелъ до четвертака.

Любопытно, что по поводу выпусковъ ассигнацій въ 1809—15 годахъ даже завзятые доктринеры не рѣшаются говорить о вредѣ бумажныхъ денегъ. Между тѣмъ, даже и здѣсь абсолютные знаки въ видѣ ассигнацій, которыя съ болью сердца выпускалъ Александръ I, принесли отнюдь не вредъ, а *явную и несомнѣнную пользу*.

Чтобы это понять, достаточно мысленно отдѣлать причину отъ слѣдствія и взглянуть на *ассигнации*, какъ на *показатель* народныхъ жертвъ и напряженія народныхъ силъ для спасенія Россіи и Европы въ 1812—15 годахъ.

Въ 1807 году ассигнаціонный рубль стоилъ на серебро около 50 коп., въ 1813—25. Другими словами, его вѣшняя стоимость понизилась за шесть лѣтъ на половину. Предположимъ (хотя это и не такъ), что и внутренняя его стоимость упала также на 50%. Кто въ 1807 году имѣлъ 1.000 р., тотъ фактически въ 1813 имѣлъ 500, а въ 1815 еще меньше, другими словами, потерялъ половину своего имущества. Относится это только къ лицамъ, державшимъ деньги *на складахъ* въ казенныхъ банкахъ, но отнюдь не къ землевладѣльцамъ и промышленникамъ, ибо земли соотвѣтственно увеличивались въ цѣнности, а промышленники подняли цѣны на свои произведенія. Пострадали, конечно, и они, какъ и вообще все населеніе, но ихъ убытки вознаградились широко увеличившимся трудомъ, а убытки непосредственно разоренныхъ Наполеономъ — правительственною помощью.

Въ результатъ: нашествіе непріятеля отражено, хозяйство въ огромной полосѣ, опустошенной войной, возобновлено, Москва отстроена, русскія войска прошли въ Парижъ и спасли всю Европу. Расходы на все это покрылись ассигнаціями, которыя вызвали при-

ные убытки для группы рантьеоровъ, косвенные убытки для всѣхъ и напряженіе силъ для классовъ трудящихся. Всего черезъ годъ послѣ Вѣнскаго конгресса рубль уже поднялся съ своей наимнзшей цѣны въ 1815 году, доходившей до 20 к. за рубль, на 5%; это указывало прямо, что народный трудъ сталъ самостоятельно залѣчивать раны, нанесенныя войною.

Утверждаемъ съ полнымъ правомъ, что эти излишнія въ мирное время ассигнаціи явились въ великую войну 1812 года не только *показателемъ* принесенныхъ Россією жертвъ, но и драгоцѣннѣйшимъ *орудіемъ*, посредствомъ котораго въ огромной степени были облегчены самыя жертвы и народная тягота разложилаь и распредѣлилась наиболѣе равномѣрнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе легкимъ способомъ.

ХІІ.

Итакъ, нижеслѣдующій тезисъ можемъ считать доказаннымъ:

Абсолютныя дѣлги, независимыя отъ золота, позволяютъ оживать и оплодотворять народный трудъ до предѣла, до котораго въ данное время достигаетъ трудолюбіе народа, его предприимчивость и техническія познанія.

Но изъ этого же положенія, какъ выводъ, слѣдуетъ и обратное: подъ вліяніемъ промышленнаго оживленія и улучшеннхъ условій народнаго труда развиваются и трудолюбіе народа, и его предприимчивость, и его техническія познанія. Въ самомъ дѣлѣ, въ приведенномъ выше примѣрѣ, при опредѣленіи момента полнаго насыщенія страны знаками, мы видѣли, что, напримѣръ, новую желѣзную дорогу приходится отложить за недостаткомъ свободныхъ инженеровъ, которые свои услуги стали цѣнить крайне высоко. Не ясно ли, что въ обществѣ должно явиться усиленное стремленіе къ инженерному и вообще техническому образованію, и, подъ воздѣйствіемъ этого толчка, число инженеровъ и техниковъ станетъ быстро возрастать? Лучшее вознагражденіе и постоянное торжество труда должно могущественно подѣйствовать на трудолюбіе народа и усилить его, равно какъ и техническія познанія. Для предприимчивости являются также прекрасныя примѣры, а потому должна развиваться и она.

Съ другой стороны не трудно видѣть, что при условіи обезцѣненія всякаго рода труда, кромѣ чиновничьяго, независимаго отъ положенія промышленности и равно оплачиваемаго при ея процвѣта-

ни или гибели, лица, получившія техническое образованіе, не смотря на ихъ крайне ограниченное даже количество, могутъ оказаться лишними? Мы видимъ, что бѣдствуютъ, или идутъ на самыя низшія канцелярскія должности агрономы, техники, врачи. Не ясно ли, что парализованная промышленность въ нихъ не нуждается и не можетъ оплатить ихъ труда? Врачъ, желающій практиковать въ деревнѣ, долженъ или получать жалованье отъ земства, или питаться чуть не Христовымъ именемъ, собирая съ нищаго населенія яйца, полотенца и т. п.

Изъ всего сказаннаго до сихъ поръ о бумажныхъ деньгахъ въ странѣ, экономически независимой, то есть могущей самой удовлетворить всѣ свои потребности, казалось бы, прямой выводъ слѣдующій: печатать бумажки, пускать ихъ въ обращеніе, оплодотворять народный трудъ и приостановить дальнѣйшіе выпуски лишь тогда, когда жизнь, посредствомъ указанныхъ выше признаковъ, дастъ понять, что знаковъ довольно, что новые бесполезны, или вредны.

Да, можно утверждать совершенно положительно: еслибы мы только знали *эти* признаки, еслибы никакихъ *болѣе точныхъ* *пріемовъ* къ урегулированію денежнаго обращенія наука дать не могла, даже и въ этомъ случаѣ можно было бы смѣло просить верховную власть печатать и выпускать въ народное обращеніе бумажки. Зло, могущее произойти отъ нѣсколько неумѣреннаго ихъ выпуска, *пустяки* въ сравненіи со страшнымъ зломъ, обусловливаемымъ ихъ завѣдомымъ недостаткомъ или великими кризисами или разоревіями, вызываемыми особыми свойствами металлическаго обращенія.

Начало обезцѣненія внутренней стоимости бумажной единицы, какъ уже было указано выше, подиѣтить легко. Это всеобщее вздорожаніе продуктовъ труда и главнымъ образомъ, первой необходимости. Однако, основываться только на этихъ признакахъ нельзя.

Промышленное развитіе страны вещь слишкомъ сложная, и разнообразныя кризисы наступаютъ совершенно непредвидѣнно. Эти кризисы особенно вредны при промышленности молодой, еще не установившейся, еще не владѣющей запасными средствами.

Представимъ себѣ, что вдругъ одинъ изъ такихъ кризисовъ, разразившись надъ одной крупной отраслью народнаго труда, парализуетъ и остальные. Народный трудъ сокращается, и тотчасъ же оказывается, что значительная часть абсолютныхъ знаковъ является излишвеею. Излишніе знаки роняютъ тотчасъ же цѣнность остальныхъ и важнѣйшее условіе нормальной промышленной жизни—устойчивость денежной единицы, ставится въ опасность. Ясно, что *эти из-*

быточные знаки должны быть немедленно сняты съ рынка, извлечены изъ обращенія. Легко можетъ быть, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ эти знаки, или еще большее ихъ количество понадобится снова, но въ мигъ кризиса они должны быть удалены, иначе народный трудъ потерпитъ огромный ущербъ. Другими словами, денежное обращеніе должно быть эластичнымъ.

Мы подошли какъ-разъ къ тому регулятору, о которомъ было упомянуто въ началѣ. Этотъ регуляторъ можетъ дѣйствовать почти автоматически, и совершенно: облегчить, какъ практическіе приемы учрежденія, выдающаго денежнымъ обращеніемъ, такъ и тяжкую нравственную отвѣтственность главы государства. *Онъ устраняетъ изъ финансовыхъ мѣропріятій правительства все неточное, гадательное произвольное и создаетъ совершенно ясныя условія выпуска и погашенія денежныхъ знаковъ.*

Представимъ себѣ слѣдующую схему.

Я веду промышленное дѣло. Обороты и производство временно сократились,—на рукахъ у меня остались свободные знаки, дѣвать которые некуда. Рядомъ умеръ мой товарищъ. Вдова ликвидировала дѣло. И у нея на рукахъ свободныя деньги. Если этимъ деньгамъ не дать естественнаго убѣжища, онѣ неминуемо будутъ угнетать промышленность, ибо ихъ владѣльцы будутъ искать имъ помѣщенія, будутъ другъ передъ другомъ ронять услуги капитала.

Представимъ себѣ, что государство входитъ въ роль посредника по помѣщенію этихъ денегъ. Оно открываетъ специальную кассу, куда всякій желающій приносить излишніе у него денежныя знаки. Касса выдаетъ ему *вкладной билетъ*, приносящій небольшой процентъ. Деньги эти накаплиются.

Что можетъ и должно государство дѣлать съ этими деньгами и откуда будетъ оно платить проценты по вкладамъ?

Если мы припомнимъ выдачу Ивану Сидорову 300 рублей изъ пяти процентовъ, мы сразу поймемъ, что эти 300 рублей могутъ быть прямо взяты изъ вкладовъ, а проценты будутъ уплачены изъ взятыхъ съ Ивана Сидорова процентовъ. Иванъ Сидоровъ платитъ за ссуду пять проц., государство даетъ вкладчику 4, 1 проц. идетъ на расходы по организаціи дѣла и въ доходъ государства.

Если мы заглянемъ назадъ въ исторію русскихъ финансовъ, мы найдемъ приблизительно эту схему, проведенную довольно строго системою старыхъ банковыхъ учрежденій, сохранными казнами, приказами общественнаго призрѣнія, ассигнаціоннымъ, коммерческимъ, заемными и ссудными банками. Система эта оказала огромныя бла-

годънія старой, дореформенной Руси, хотя самый кредитъ и былъ довольно одностороннимъ, направляясь почти исключительно въ землю, въ видѣ долгосрочныхъ ссудъ дворянству. И тѣмъ не менѣе, теперь трудно даже себѣ представить, какъ при тогдашней несвободѣ труда, при отсутствіи почти всякой предпріимчивости въ средѣ помѣстнаго класса, при гораздо меньшемъ населеніи, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ ¹⁾ и страшной медленности оборотовъ, при двадцати милліонахъ бесплатныхъ рабочихъ денегъ почти не выдававшихся, могла Россія вмѣщать такое огромное количество золотыхъ и бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Россія, при всемъ ея патріархальномъ характерѣ, при отсутствіи фабрикъ и заводовъ, при натуральномъ обмѣнѣ, была очень богата. Едва въ сорокъ лѣтъ успѣли мы расточить накопленное дѣдами, да и то послѣ бѣшенной оргіи. Теперь мы дѣйствительно обдѣнѣли, мы убили и закабалили трудъ, а главное, мы безопадно опустошили землю хищническимъ хозяйствомъ. Но довольно вернуться намъ къ здоровой, самой исторіей оправданной, финансовой системѣ, довольно ввести настоящее абсолютное денежное обращеніе и правильно организовать народный кредитъ, чтобы въ нѣсколько лѣтъ всѣ грѣхи были поправлены и Россія снова разбогатѣла.

Какъ это ни странно, но мы сами, собственными руками разломали и растоптали очень вѣрную научно, и очень удобную практически денежную систему. Наканунѣ самаго освобожденія крестьянъ, когда предстояла вопіющая необходимость обновить нашу старую финансовую систему, оживить, расширить кредитъ, удвоить или утроить количество денежныхъ знаковъ, соотвѣтственно ожидаемому увеличенію сдѣлокъ и потребности въ деньгахъ при вольнонаемномъ трудѣ, пришла группа «молодыхъ финансистовъ» съ Евгеніемъ Ивановичемъ Ламанскимъ и Владиміромъ Павловичемъ Безобразовымъ, въ качествѣ дельфійскихъ оракуловъ и главныхъ инициаторовъ реформъ во главѣ, захватила руководство російскими финансами, въ нѣсколько лѣтъ изломала и исковеркала все и, послѣ тридцатилѣтняго владычества, сдала Россію въ томъ ужасномъ видѣ, въ которомъ она теперь находится.

Читатель, интересующійся подробностями этого, по истинѣ, ва-

¹⁾ По недавно сдѣланному разсчету одно несовершенство организаціи железнодорожныхъ разчетовъ связывало, то-есть извлекало изъ обращенія нѣсколько десятковъ милліоновъ руб. знаковъ. Теперь это зло устранено системой взаимнаго разчета дорогъ при посредствѣ Государственнаго Банка. *Авт.*

шествiя на Россiю «молодыхъ финансистовъ», найдеть всѣ данныя въ нашей книгѣ *Деревенскiя мысли о нашемъ государственномъ хозяйствѣ*, въ главѣ «Какъ разоряются государства?». Здѣсь мы отмѣтимъ лишь главныя основанiя такъ-называемыхъ финансовыхъ «реформъ» 1856—1864 года.

Послѣ Крымской войны, вслѣдствiе либеральнаго тарифа, курсъ рубля на золото немного упалъ. Было призвано, что виною этому *изобилiе бумажныхъ денегъ*.

Чтобъ ихъ уничтожить, признано было необходимымъ ихъ консолидировать, то-есть вывести изъ обращенiя, превратить въ процентныя бумаги. Были выпущены процентныя займы. Явился на рынкѣ избытокъ бумаги-товара.

Россiя брать этого товара не желала даже по 70 коп. за рубль. Она хотѣла трудиться. Лишнiя деньги, по-прежнему, не хотѣли прятаться въ бумагу-товаръ, а шли *во вклады* въ старыя банки, гдѣ вкладные билеты мѣнялись во всякое время.

Повизили платимый за вклады процентъ до 2, чтобы выгнать эти вклады и силой вогнать ихъ въ бумагу-товаръ или въ акцiи множества основанныхъ въ это время, иногда совершенно неслѣпыхъ дѣлъ.

Процентныя бумаги все-таки не шли.

Тогда разгромили старыя банки, создали Государственный Банкъ и конвертировали вклады *насильно*.

Бумагу-товаръ, въ видѣ выкупныхъ свидѣтельствъ, выдали по-мѣстному классу, до того нуждавшемуся въ знакахъ, что эти выкупныя свидѣтельства, *обеспечивавшия пять процентовъ дохода, отдавали по 65 коп. за рубль*.

Уничтожили старыя ипотечно-кредитныя учрежденiя. Помѣстный классъ лишили всякаго оборотнаго средства и затѣмъ сдали въ жидовскую эксплуатацiю частнымъ банкамъ.

Четверть вѣка подъ-рядъ дѣлала огромные долги, чтобы возстановить металлическое обращенiе, и кончили полнымъ крушенiемъ международной цѣнности рубля.

Все это совершалось самымъ добросовѣстнымъ образомъ, согласно послѣднему слову западной финансовой науки. Въ результатѣ оказалось:

Четыре миллiарда бесполезнаго долга, въ томъ числѣ около половины на золото.

Огромныя бюджетныя назначенiя на уплату процентовъ.

Широко развитая за нашъ счетъ германская желѣзная промышленность и машиностроеніе.

Огромный ввозъ иностранныхъ товаровъ въ Россію.

Сѣть желѣзныхъ дорогъ, обремененная неоплатнымъ почти долгомъ иностранцамъ и не вырабатывающая процентовъ.

Раззореніе помѣстного и земледѣльческаго классовъ.

Биржевая игра русскими фондами.

Ограбленіе и истощеніе земли и сведеніе лѣсовъ по нуждѣ, ради самосохраненія.

Униженіе труда, отсюда торжество всякой наживы, спекуляціи и хищничества.

Пониженіе нравственнаго уровня. Отчаяніе безвыходности, безплодіе честности и высокихъ нравственныхъ доблестей. Нигилизмъ. Анархисты...

Пусть не смущается читатель, что мы вводимъ сюда эти чисто нравственныя величины. Зависимость труда отъ денежной системы мы, надѣмся, доказали. Зависимость нравственной атмосферы страны отъ формъ и положенія труда въ ней, мы полагаемъ, нечего и доказывать.

Вотъ что дало намъ тридцатилѣтнее господство чужихъ финансовыхъ доктринъ. Теперь это минувшій тяжелый сонъ. Но, не смотря на полное крушеніе доктрины, хвалиться еще намъ нечѣмъ. Доктрина исчезла, однако биржевый періодъ государственнаго хозяйства не только не закончился, а принимаетъ формы самыя нежелательныя...

XIII.

Регуляторами денежнаго обращенія въ Россіи были: Ассигнаціонный Банкъ, учрежденіе исключительно эмиссіонное, Коммерческій и Заемный банки для кредита торговаго и земельнаго, сохранныя казны и приказы общественнаго призрѣнія, служившіе съ одной стороны учрежденіями земельного кредита, съ другой агентствами, принимавшими на вклады свободныя средства публики. Реформаторы, «молодые финансисты» объединили управленіе денежнымъ обращеніемъ въ построенномъ на совершенно иныхъ началахъ Государственномъ Банкѣ и его отдѣленіяхъ.

Противъ самой идеи объединенія всѣхъ народно-хозяйственныхъ денежныхъ операцій въ одномъ учрежденіи и выдѣленія отсюда хозяйства собственно государственнаго (что осталось за Государствен-

нымъ Казначействомъ) возразить ничего нельзя. Это двѣ области совершенно различныя. Управленіе денежнымъ обращеніемъ не должно и не можетъ имѣть ничего общаго съ управленіемъ государственною росписью, съ государственнымъ хозяйствомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, хотя кассоводство можетъ и должно быть общее.

Въ прежнихъ учрежденіяхъ, при всѣхъ ихъ практическихъ отличныхъ качествахъ, не было строгой системы, не было надлежащаго единства. Но этотъ недостатокъ съ избыткомъ вознаграждался простотою и цѣлесообразностью ихъ дѣйствій. Процентныхъ бумагъ и акцій вовсе почти не было, а слѣдовательно, не было ни фондовой игры, ни биржевой горячки со всѣмъ ея безобразіемъ, ни уллаты государствомъ пенсій огромному классу тунейдцевъ.

У васъ были лишнія или свободныя деньги. Вы ихъ несли на вкладъ въ сохраняющую казну или приказъ общественнаго призрѣнія. По этому вкладу вамъ платили проценты, но въ эти проценты не шло ни одной котышки изъ государственнаго бюджета, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда заемщикомъ являлось само государство. Платили тѣ, кто, при посредствѣ казны, ванималъ вашъ капиталъ, пользовался его услугами. Правительство одною рукою брало, другою выдавало. Брало наличныя деньги на вклады, выдавало ссуды землевладѣльцамъ (долгосрочныя, подъ залогъ имѣній), промышленникамъ и купцамъ. Участіе собственно государственнаго хозяйства въ этихъ операціяхъ заключалось въ томъ, что государство въ трудныя для казначейства минуты дѣлало позаймствованія изъ свободной наличности, причемъ иногда стѣснялся нѣсколько частный кредитъ, лишь бы избѣжать новыхъ выпусковъ денежныхъ знаковъ; впрочемъ, это неудобство парализовалось постояннымъ избыткомъ ввоза драгоценныхъ металловъ надъ ихъ вывозомъ во все время управленія гр. Канкринна.

Превосходнымъ регуляторомъ, дѣйствовавшимъ автоматически, эти старыя учрежденія были потому, что по движенію вкладовъ можно было всегда съ большою точностью судить о состояніи промышленности и торговой дѣятельности въ странѣ. Число вкладовъ увеличивалось, и росли ихъ суммы. Это показывало, что промышленность въ застоѣ, что деньги ищутъ помѣщенія. Увеличивалось количество требованій,—это указывало прямо на оживленіе торговыхъ дѣлъ, то-есть на нужду страны въ знакахъ. Центральному народо-хозяйственному учрежденію указывался самъ собою путь, и представлялась полная возможность разумно воздѣйствовать на денежное обращеніе, то расширяя, то суживая объ свои двери. Вклады чрезвычайно приливаютъ. Промышленность въ застоѣ, чѣмъ ее оживить?

Удешевить вѣсколько наемъ капитала. Достаточно немного повизить платимый по вкладамъ процентъ и равномерно понизить же и процентъ по ссудамъ. Обратное: вклады уходятъ, чувствуется чрезмѣрное, можетъ-быть, даже нездоровое оживленіе промышленности. Чѣмъ его остудить? Удорожить вѣсколько капиталъ, дать поощреніе *снискостию* въ ущербъ *предпримчивости*, поднять процентъ и по вкладамъ и по ссудамъ. Но это оказывается не горячка, а здоровое развитіе промышленности? Признакомъ будетъ подъемъ цѣны на услуги частныхъ капиталовъ. Производство, или торговля, сулятъ такія выгоды, что при затрудненномъ казенномъ кредитѣ *стѣдѣтъ* заплатить и большой процентъ частному владѣльцу капитала. Но у этого частного владѣльца капитала въ тѣхъ же вкладныхъ билетахъ. Поощряемый преміей отъ заемщика, онъ идетъ ихъ мѣнять, несмотря на то, что платимый ему процентъ повышеяъ. Ясно, что потребность въ деньгахъ возросла, а признакъ тому самый точный на лицо: *возвышеніе процента по вкладамъ* (умѣренное, конечно) *не останавливаетъ отлива вкладовъ, возвышеніе процента по ссудамъ не останавливаетъ требованія ссудъ.*

Тогда выпускаются бумажки и путемъ ссудъ или возврата вкладовъ идутъ въ народное обращеніе.

Не будемъ забывать, что при системѣ безсрочныхъ вкладовъ вкладной билетъ на предъявителя, свободно переходящій изъ рукъ въ руки, есть въ сущности рентовый билетъ Цѣшковскаго, *тѣ же деньги*, и потому потребность страны въ новыхъ знакахъ въ Канкриновское время выражалась почти исключительно болѣе быстрымъ или медленнымъ обращеніемъ вкладныхъ билетовъ.

Обратно: повивженіе процента по вкладамъ, удешевленіе ссудъ, не останавливаетъ вкладчиковъ и не поощряетъ берушихъ ссуды. Бумажки накопляются въ кассахъ. Что съ ними дѣлать? Онѣ лишнія. Хотите—жгите, хотите—заприте и поберегите, если онѣ еще не очень истрепались и могутъ идти вновь въ случаѣ нужды. Хотите, наконецъ, усиливайте промышленность искусственно, или начинайте государственныя предпріятія въ родѣ Сибирской желѣзной дороги.

Разумѣется, мы далеки отъ того, чтобы идеализовать чрезмѣрно эту нашу старую денежную систему. Въ ней были крупныя недостатки, поскольку именно она не была свободна отъ металлическаго предразсудка, положеннаго гр. Канкринымъ въ основу его реформы 1839 года, и поскольку существовавшее въ полномъ расцвѣтѣ своемъ крѣпостное право искусственно задерживало переходъ Россіи изъ

страны чисто-земледѣльской въ страну земледѣльски-мануфактурную.

Важно лишь то, что всѣ задатки для превосходной абсолютно-денежной системы были у насъ самобытно выработаны исторіей; всѣ старыя, нестройныя и неловкія, быть можетъ, государственно-кредитныя учрежденія не были *придуманы* въ кабинетахъ ученыхъ теоретиковъ, а были выработаны здравомыслящими государственнымъ *практиками* въ отвѣтъ на требованія жизни, а не по книжному рецепту. Еслибъ среди водоворота новыхъ идей мы оказались немного менѣе легкомысленными, еслибъ въ насъ было чуть крѣпче уваженіе къ своей исторіи и ея двигателямъ, мы вмѣсто того, чтобы злобно топтать въ грязь *все*, что было связано съ пережитой тяжелой эпохой, сохранили и развили бы то цѣнное, что въ ней было, мы уже имѣли бы теперь настоящую, отвѣчающую и наукѣ и нашимъ нуждамъ денежную систему. Но пусть хоть тяжелый сорокалѣтній опытъ послужитъ намъ на пользу.

XIV.

Вся задача денежной системы, основанной на ссудахъ и вкладахъ, движущихся автоматически, заключается въ постоянномъ присутствіи въ обращеніи такого количества денежныхъ знаковъ, которое точно соотвѣтствуетъ нуждамъ рынка, т.-е. размѣру совершающихся сдѣлокъ. Система будетъ правильно дѣйствовать очевидно, лишь тогда, когда ея автоматическій регуляторъ будетъ *держатъ покупательную силу, внутреннюю стоимость рубля, на одномъ постоянномъ уровнѣ.*

Для достиженія этого идеальнаго качества денегъ, которымъ, очевидно, не обладаетъ ни золото, ни серебро, представляющія товаръ, никакого другаго пути нѣтъ, кромѣ присканія нѣкоторой совершенно отвлеченной денежной единицы. Въ области измѣреній цѣновыхъ, величина измѣрителя не можетъ быть подогнана ни къ какимъ постояннымъ вещественнымъ величинамъ. Метръ, какъ длина одной сорока-миллионной окружности меридіана, ярдъ, какъ длина секунднаго маятника въ Гринвичѣ, звѣздныя сутки, какъ время прохождения землею ¹зъ земной орбиты, опираются на постоянныя величины. Въ области цѣнъ такихъ постоянныхъ *реальныхъ* величинъ нѣтъ и быть не можетъ. Все волнуется и колеблется вокругъ денежной единицы. Приравнять ее нельзя ни къ чему. Цѣна есть соотношеніе нѣкоторыхъ *идей*, единица цѣнностей есть поэтому *идейная единица*

и ея *постоянство* (въ данномъ случаѣ покупная сила) соотвѣтствуетъ не произвольно избранной реальной величинѣ, а *нѣкоторой равнодѣйствующей опредѣленнымъ экономическимъ условіямъ*.

Единица мѣры цѣнностей не можетъ опираться ни на какую другую, измѣряемую ею цѣну, ибо всѣ цѣны колеблются и часто въ полной независимости одна отъ другой. Стрыжи Америку—подешевѣло золото. Ввели въ Индію и Австралію обширные посѣвы пшеницы,—пали цѣны на хлѣбъ. Изобрѣтены новые способы добычи или выдѣлки тѣхъ или другихъ металловъ, или издѣлій—цѣны рѣзко перемѣстились. Мѣняются цѣны на землю, на трудъ, на все. *Отыскать что-либо реальное, имѣющее постоянную цѣнность, невозможно*. Принять что-либо за эту постоянную цѣнность *условно*, въ родѣ известнаго труда, въ формѣ рабочихъ часовъ или иной, какъ этого добивались «утописты»,—безполезно. В. Бѣлинскій, въ своей замѣчательной статьѣ въ *Русскомъ Дѣлѣ* о переустройствѣ нашей денежной системы, рекомендовалъ принять въ основаніе денежной единицы сумму всего достоянія Русскаго государства и ея известную долю назвать рублемъ. Но эта условность, не принося ни малѣйшей пользы, лишаетъ бумажныя деньги ихъ главнаго качества—*постоянной внутренней стоимости*. Въ самомъ дѣлѣ: если принять сумму достоянія государства за величину постоянную, то и количество рублей должно быть постояннымъ, а мы видѣли уже, что таковымъ оно быть не можетъ. При постоянномъ количествѣ знаковъ будетъ именно непрерывно измѣняться ихъ внутренняя стоимость, ибо она обусловлена не абсолютнымъ ихъ количествомъ, а *потребностью въ нихъ, ихъ движеніемъ*.

Мѣриломъ, слѣдовательно, постоянства денежной единицы можетъ служить нѣчто иное, *лежащее внѣ области собственно цѣны*. Сдѣлаемъ попытку принять за такое мѣрило *отношеніе главнаго народного труда въ странѣ къ его вознагражденію и окружающей трудящихся обстановкѣ*. Я попытаюсь сейчасъ это доказать.

Возьмемъ нашъ главный народный трудъ—земледѣліе. Для государственной и народной жизни въ Россіи онъ первѣе и важнѣе всего. Къ нему должны прилаживаться и на него оглядываться *всѣ другіе виды русскаго труда*. Пусть цвѣтутъ, какъ угодно, фабрики, пусть развиваются всѣ виды внѣ-деревенскаго труда, но разъ земледѣліе зачахнетъ, благосостояніе иныхъ формъ производительности будетъ подорвано. Итакъ, корень въ землѣ и земледѣльцѣ, въ его трудѣ, въ его потребленіи. Если этотъ трудъ хорошо вознаграждается, если, съ одной стороны, отъ земли не бѣгутъ, а съ другой—ею не спеку-

лируютъ и за нее не грызутся, если земледѣлецъ живетъ сыто и спокойно, то-есть является потребителемъ и притомъ нормальнымъ, и фабричнаго, и всякаго инаго, въ томъ числѣ и умственнаго труда, то это прямо указываетъ, что въ странѣ (земледѣльческой понятно, въ данномъ случаѣ рѣчь о Россіи) денежная система хороша, а главный признакъ хорошей денежной системы — *постоянство ея денежной единицы*.

Мысль объ этомъ соотношеніи между постоянствомъ денежной единицы и обстановкою главнаго труда въ странѣ была впервые высказана Мальтусомъ, но въ формѣ, довольно туманной, ибо и этотъ экономистъ не былъ свободенъ отъ золотаго предразсудка. Развить это положеніе и доказать его особенныхъ трудностей не представляеть.

Попробуемъ прослѣдить за такимъ разсужденіемъ:

Денежная единица *должна* имѣть столь же отвлеченный и постоянный характеръ, какъ и другія единицы мѣры, то-есть ее *нужно* приурочить къ постоянной величинѣ. Такой величины нѣтъ, но *предположимъ*, что мы ее отыскали, къ ней нашу единицу приурочили и взяли нѣкоторую отвлеченную цѣнность, ну, хоть тотъ же бумажный рубль. Его цѣнность, основанная на довѣрїи къ верховной власти и на соответствїи количества знаковъ съ нуждами народнаго обращенія, измѣняется непрерывно по отношенію ко всѣмъ другимъ цѣностямъ. На золото онъ сегодня 65, завтра—68 к.: на хлѣбъ, сахаръ, землю, рабочую плату и т. д. онъ также сегодня одно, завтра—другое. Является вопросъ: чья собственно цѣнность мѣняется? Самого ли рубля, или товаровъ, издѣлій, заработныхъ платъ вокругъ него? Какъ этотъ вопросъ разрѣшить? Изучая вздорожаніе и удешевленіе разныхъ предметовъ, мы находимъ, что каждая изъ цѣнъ устанавливается независимо отъ денежной единицы, *если она постоянна* (а это, не будемъ забывать, у насъ *предположено*) и независимо другъ отъ друга (сахаръ можетъ вздорожать, миткаль подешевѣть, золото вздорожать, хлѣбъ подешевѣть и т. д.). Ясно, что въ области цѣнностей реальныхъ искать постояннаго основанія для денежной единицы бесполезно, и на поставленный вопросъ: рубль ли мѣняется въ своей цѣнѣ или предметы вокругъ него,—отвѣта здѣсь мы не найдемъ. Но намъ необходима постоянная единица мѣры цѣнностей. Намъ нужно *знать, убедиться*, что предположенное постоянство рубля не предположеніе, а *фактъ*. Значить, нужно искать постороннихъ *признаковъ* постоянства. Является такой силлогизмъ:

1) Денежная система въ странѣ можетъ быть совершенной лишь

тогда, *когда ея денежная единица* (отвлеченная или реальная) *постоянна*.

Золото этою постоянною единицей быть не можетъ, ибо его собственная цѣнность безпрерывно колеблется: 1) вслѣдствіе измѣняющагося его количества въ мірѣ не пропорціонально измѣненіямъ въ промышленности, въ торговыхъ оборотахъ; 2) вслѣдствіе различныхъ международно-торговыхъ комбинацій. Въ одной странѣ, выгодно торгующей (Франція, Америка), золото можетъ скопляться и обезцѣниваться, въ другой (Россія, Австрія)—дорожать. Во Франціи можетъ быть лажъ на банковые билеты, въ Россіи—на золото.

2) Денежная система можетъ быть тогда названа совершенной, когда совершаемыя сдѣлки учитываются и ликвидируются вполнѣ правильно, то-есть, когда главный народный трудъ находится, при данныхъ законодательныхъ и иныхъ условіяхъ, въ самой лучшей обстановкѣ, то-есть: а) когда за денежнымъ средствомъ (знаками) нѣтъ и не можетъ быть остановки; б) когда цѣны на трудъ и на продукты устанавливаются естественно, то-есть по внутреннимъ условіямъ народнаго быта и труда, а не подъ давленіемъ денежнаго рынка (напримѣръ, я продалъ ленъ дешево *только* потому, что его большой урожай, а не потому, что былъ вынужденъ продать за недостаткомъ кредита. Обратнo: рабочій взялъ съ меня 15 рублей въ мѣсяцъ потому, что ему выгодно служить у меня, а не потому, что я закабалить его предыдущемою зимой). Говоримъ *главный трудъ* потому, что главный трудъ является и главнымъ потребителемъ, то-есть прямо обусловливаетъ *всѣ* остальные виды труда.

Слѣдовательно, предположенное нами постоянство цѣнности рубля, какъ денежной единицы, станетъ фактомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, теоретически докажется тогда, когда основанная на этомъ денежная система создастъ наилучшую качественную обстановку для главнаго вида народнаго труда (въ Россіи—земледѣліе).

Просимъ непредубѣжденнаго читателя вникнуть поглубже въ нашъ *пріемъ* доказательства. А вотъ я провѣрка въ обратномъ направленіи.

Количество рублей будетъ измѣняться, всѣ цѣны — тоже. Но человекъ, имѣющій 1.000 рублей, будетъ знать, что онъ имѣетъ нѣчто тожественное и сегодня, и завтра, и черезъ годъ. Подешевѣтъ квартира, вздорожаетъ прислуга, подешевѣтъ хлѣбъ, газеты, фрукты, вздорожаетъ мясо, подешевѣтъ платье, поѣздки, вздорожаютъ уроки и т. д. Но *средняя, равнодѣйствующая*, будетъ одна и та же; другими словами, трудъ, освобожденный отъ искусственнаго давленія

денежного рынка, будетъ учитываться свободнѣе, а слѣдовательно, справедливѣе. Не будемъ забывать основной идеи денегъ: облегчить расчеты, отнять у денегъ ихъ *собственное самостоятельное значеніе*, устранить тѣ замѣшательства, которыя вносятъ въ жизнь несовершенство денежной системы, помочь свободной установкѣ цѣнъ, свободному взаимодействию труда, знанія и капитала. Идеаль денегъ — *вполнѣ обремененный учетъ работы этихъ трехъ элементовъ, свободный отъ всякаго вліянія самихъ знаковъ*. Знаки должны быть нейтральны, безразличны, и, *слѣдовательно*, постоянны. Гдѣ же можетъ быть провѣрка этого постоянства? Въ этомъ безразличіи. А провѣрка безразличія? Въ свободѣ и доброй обстановкѣ главнаго труда. Практически это постоянство заключается именно въ томъ, что государство, путемъ вкладовъ и ссудъ, можетъ держать въ обращеніи какъ-разъ потребное число знаковъ. Практика и теорія здѣсь вполнѣ сходятся. Центральное государственное кредитное учрежденіе является сердцемъ, вклады и ссуды — кровообращеніемъ. Постоянство денежной единицы — равностью пульса.

Итакъ, вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, ключъ къ чрезвычайно важному закону денежнаго обращенія, опредѣляющему постоянство абсолютно-денежной единицы. Формулировать этотъ законъ можно такъ:

Постоянство денежной единицы, то-есть неизмѣнность ея внутренней цѣнности, или покупной силы, зависитъ не отъ количества обращающихся знаковъ, а отъ соответствія этого количества съ потребностями въ каждую данную минуту народной производительности. Соответствіе это опредѣляется качествомъ обстановки, въ коей находится, при данныхъ внешнихъ условіяхъ, главный видъ труда въ странѣ.

Надѣмся, что послѣ сказаннаго не можетъ быть никакихъ недоразумѣній для практическаго приложенія этого закона.

Система вкладовъ и ссудъ при добавкѣ, по мѣрѣ надобности, съвѣсныхъ количествъ знаковъ, — вотъ настоящій, почти автоматическій регуляторъ денежнаго обращенія.

Внимательная, добросовѣстная оцѣнка условий сельской жизни и земледѣлія — вотъ его превосходный нравственный контроль. За все остальное бояться нечего. Давнымъ давно сказано: сытъ мужикъ, сытъ баринъ, сытъ фабрикантъ, сытъ чиновникъ, сытъ учевый, богато и сильно государство, богаты и славятъ монархъ. И, наоборотъ: раучге раузап, — раучге гоі, а если бѣдность на обоихъ этихъ концахъ, то не можетъ быть благоденствія и посрединѣ.

XV.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнiю роли и значенiя въ нашей денежной системѣ *процентныхъ бумагъ* и къ провѣркѣ этой роли съ научной стороны.

Господа «молодые финансисты», приступивъ къ разрушенiю старой нашей системы финансовыхъ учрежденiй, прежде всего постарались ввести вмѣсто вкладовъ, *не допускавшихъ биржевой игры* — процентныя бумаги или *бумагу-товаръ*. Сдѣлано ли это было по крайнему легкомыслию, въ угоду европейской доктринѣ, или лежало въ основанiи нѣчто другое, называющееся совсѣмъ иначе, но въ результатѣ получилось вотъ что:

Государство добровольно само себѣ связало руки и фактически отреклось отъ управленiя денежнымъ обращенiемъ.

Свободныя капиталы были изъяты изъ народнаго обращенiя и скрыты въ бумагу-товаръ.

Положено было прочное начало тунеядству на государственный счетъ и широкой биржевой игрѣ.

Земледѣлие и промышленность были лишены орудiя обращенiя — денегъ.

Все это находилось въ тѣсной зависимости отъ введенiя системы внутреннихъ и вѣшнихъ займовъ, то есть отъ выпуска государственныхъ процентныхъ бумагъ.

Попытаемся же научнымъ образомъ освѣтить значенiе въ народномъ и государственномъ хозяйствѣ процентной бумаги и постараемся отвѣтить на вопросъ: *должно ли государство вообще дѣлать займы и не дастъ ли система абсолютныхъ денегъ возможности обходиться безъ нихъ вовсе?*

Изъ предыдущаго изложенiя мы уже видѣли, что государственное хозяйство идетъ, или должно идти совершенно независимо отъ денежнаго обращенiя, входящаго въ область хозяйства народнаго, коего государственное хозяйство составляетъ лишь нѣкоторую часть. Среди общей суммы оборотовъ фабрики есть специально «расходы по управленiю». То же и въ крупномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Въ государствѣ бюджетъ, обнимающiй собой множество отраслей, при всей его сложности, сводится опять же къ управленiю, вѣшной защитѣ, просвѣщенiю, суду и т. д., то есть имѣть дѣло съ тѣми вѣшними формами, внутри которыхъ идетъ самостоятельная народная жизнь, съ ея трудомъ, капиталами, землевладѣнiемъ, торговыми оборотами и прочимъ.

Государственный бюджетъ представляетъ всенародную складчину на содержаніе государственнаго аппарата, расходуюмую государственными органами. Каждый изъ трудящихся членовъ, равно какъ и каждый капиталистъ, привлекается къ этой складчинѣ въ долѣ своего имущества или дохода. Государственная рамка для страны необходима, а потому неизбежны и налоги на ея содержаніе. Чѣмъ болѣе усиливаетъ государственная организація народную производительность (или чѣмъ больше способствуетъ нравственному подъему народа), тѣмъ выгоднѣе и пріятнѣе участвовать въ этой статьѣ расхода гражданамъ. Бываютъ историческія мнюты, когда находящаяся въ опасности государственность такъ любезна и дорога, что граждане отдаютъ на ея спасеніе свое имущество, или поголовно вооружаются и идутъ ее выручать (нижегородское движеніе 1612 г.). Но бываютъ, наоборотъ, и такія условія, при которыхъ государство, разошедшееся въ лицѣ правящаго класса съ дѣйствительной народной жизнью, эгоистически развивающееся внѣ народной жизни, независимо отъ нея и *надъ нею*, становится крайне тяжелымъ для гражданъ и требуетъ отъ нихъ совершенно непосильныхъ жертвъ. Жизнь въ этихъ искусственно утяжеленныхъ рамкахъ становится невыносимою, а государственность ненавистною. Современному нѣмцу или члену австрійскаго государства приходится огромную долю своего труда расходовать ради цѣлей своей государственности, въ поддержку такихъ стремленій правительствъ, которыя не только не даютъ народной жизни и труду ничего въ настоящемъ, но несутъ за собою рядъ великихъ опасностей въ будущемъ.

Но если государства австрійское и германское могутъ по крайней мѣрѣ съ одной стороны похвалиться величайшими заботами объ этой обремененной налогами и военными расходами народной жизни, а съ другой стороны могутъ, хоть софизмами оправдать ту идею, которая вызываетъ столь огромныя тягости (для Германіи опасность отъ Россіи и Франціи, для Австріи чувство самосохраненія отъ панславизма), то мы ничего не можемъ привести въ объясненіе нашего невыносимо тяжелаго положенія, кромѣ великаго недоразумѣнія въ области нашего денежнаго хозяйства, недоразумѣнія, завѣщаннаго группою «молодыхъ финансистовъ» и продолжающагося до сего дня.

Въ самомъ дѣлѣ: наши военные расходы, падающіе на каждого жителя, попросту ничтожны, сравнительно съ расходами другихъ великихъ державъ. Стоимость содержанія нашего государственнаго аппарата, или нашъ расходный бюджетъ, также относительно не великъ. А между тѣмъ ни австрійцу, ни германцу, такъ не тяжело жить

и платить государству, какъ намъ. Зло, угнетающее нашу народную жизнь и парализующее нашъ народный трудъ, состоитъ въ томъ, что введенная у насъ тридцать лѣтъ назадъ финансовая полптика систематически замѣняла деньги — орудіе обращенія, деньги — прежній капиталъ производства, государственными процентными бумагами, являющимися ничѣмъ инымъ, какъ *свидѣтельствами на полученіе отъ государства нѣкотораго постояннаго содержанія безъ всякаго труда.*

Вотъ простѣйшая схема того, что было придумано гг. Ламанскимъ «съ товарищи». При прежней системѣ дѣло стояло такъ:

Я капиталистъ. Сейчасъ у меня нѣтъ своего предпріятія, я сложилъ деньги на вкладъ и получаю процентъ. Съ кого я получаю? Съ того, кто при посредствѣ государства работаетъ на мои деньги, кто взялъ ихъ взаймы на промышленное дѣло, земледѣліе или торговлю. Я желаю начать дѣло самъ. Я иду съ моимъ вкладнымъ билетомъ въ кассу и въ любую минуту освобождаю мой капиталъ. При этомъ если тотъ, у кого мои деньги, продолжаетъ работать, государство даетъ мнѣ новыя деньги. Выпускъ ихъ въ обращеніе совершенно понятенъ. Работалъ *A*, обращалось денегъ количество *a*. Пришелъ и началъ работать, *кромя того*, *B*, явилось новое количество знаковъ *b*. Работа увеличилась, стала *A+B*, денежное обращеніе тоже увеличилось и стало *a+b*.

По системѣ гг. Ламанскихъ:

Я капиталистъ. Деньги у меня свободны. Я отдаю ихъ государству и получаю нѣкоторую бумагу, у которой обезпечена *не стоимость ея* (эта стоимость устанавливается на биржѣ), а *известный*, довольно большой *доходъ* (чтобы пріохотить меня къ держанью бумаги, которая колеблется отъ перваго вѣтра и трепещетъ отъ махновенія бровей Ротшильда). Куда дѣвались мои деньги? Они сожжены государствомъ въ печи на дворѣ Государственнаго Банка. Зачѣмъ сожжены? Потому, что г. Ламанскій нашелъ, что знаковъ избытокъ. Но кто же мнѣ будетъ платить проценты? *Государство изъ своего бюджета.* Но откуда же они возьмутся въ бюджетѣ? *A правительство взыщетъ необходимую сумму въ видѣ налоговъ.*

Эта схема математически точна съ дѣйствительностью. Продолжимъ ее благополучно до нынѣшнихъ дней, и мы увидимъ, что чуть не половина нашего бюджета состоитъ вотъ изъ этихъ платежей по безчисленнымъ купонамъ и внутреннимъ, и вмѣшнымъ. Огромное количество людей, у которыхъ были прежнія сбереженія, ничего другаго не дѣлаютъ, какъ въ извѣстные сроки стригутъ купоны и несутъ-ихъ

мѣняламъ или въ казначейство, а исправники и становые рыщутъ, выколачивая—подати, чтобы казначейству дать средства платить по этимъ купонамъ.

Намъ возразить: но вѣдь не для того же государство дѣлало займы и выпускало процентныя бумаги, чтобы *только* жечь кредитныя билеты. На эти бумаги оно совершило огромную крестьянскую выкупную операцію, на нихъ же выстроило сѣтъ дорогъ и пр. и пр.

На это отвѣтъ одинъ: вѣтъ, именно, и только для того выпускали гг. доктринаеры займы, чтобы *жечь бумажки* или не выпускать ихъ въ необходимомъ для страны количествѣ, то-есть *жечь ихъ мысленно*. Доказать это нетрудно. Просмотримъ всѣ три главныя операціи:

1) Выкупныя свидѣтельства. До реформы, при обязательномъ трудѣ, между владѣльцемъ и крѣпостными на барщинѣ денежныхъ знаковъ почти нужно не было. Читается манифестъ 19 февраля. Все стало дѣлаться на деньги. Владѣлецъ на все *начинаетъ* и за все *расплачивается*. Крестьяне за все *платятъ*. Знаковъ противъ прежняго нужно по крайней мѣрѣ втрое, пбо сразу всѣ сдѣлки переходятъ изъ натуральныхъ на денежные. Еслибы выкупъ былъ совершенъ на вновь выпущенные для этой цѣли кредитныя билеты, ихъ бы едва-едва хватило для новыхъ условий денежнаго обращенія, ибо всѣмъ, и барину, и мужику, пришлось заводить совсѣмъ новое хозяйство. Въместо этого были выпущены процентныя бумаги, а съ другой стороны «консолидировали» «излишніе» (!!) знаки и жгли кредитки, обмѣнявая ихъ на особо выпускаемые банковыя билеты. И въ добавокъ, у помѣщика удержали весь капитальный долгъ, сдѣланный имъ въ опекунскомъ совѣтѣ, и выдали только разницу въ видѣ выкупныхъ свидѣтельствъ.

Бросился баринъ искать денегъ на свое новое хозяйство, бросился мужикъ. Баринъ продалъ свое выкупное свидѣтельство за 65 коп. за рубль, кулакъ, чтобы дешево купить новый мужицкій трудъ и продуктъ продалъ полученную имъ банковую бумагу (вмѣсто прежняго вклада) тоже за 65—70 коп. и началъ эксплуатировать и барина, и мужика.

Спокойные капиталисты въ это время купили 5% ренту за 65 коп. то-есть начали на свой капиталъ получать почти 8% *отъ государства*, въ видѣ пожизненной пенсіи за то только, что направили свой капиталъ не непосредственно въ дѣло, а въ печь во дворѣ Государственнаго Банка.

Надѣмся, можно смѣло сказать, что выкупныя свидѣтельства *запхнули* собою *тѣ бумажки*, которыя было необходимо выпустить

ради удержаія на надлежащей нормѣ денежнаго обращенія послѣ 1861 года; вмѣсто этого:

Осталась земля и на ней: баринъ и мужикъ съ голыми руками, съ обезцѣненнымъ трудомъ, безъ кредита, безъ оборотныхъ средствъ, а кругомъ нихъ, словно вампиры, денежные спекулянты, для которыхъ 8% въ видѣ купоновъ было мало, ибо около изнемогавшихъ въ агоніи землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ можно было погрѣть руки, можно было заработать не 8, а сто на сто. И зарабатывали!

Этотъ мартирологъ изложенъ въ самыхъ яркихъ чертахъ не газетными репортерами, а правительственною комиссіей по изслѣдованію упадка сельскаго хозяйства, работавшею еще въ 1873 году!

2) Желѣзныя дороги. Мы уже видѣли, какъ дѣйствуютъ желѣзныя дороги на денежное обращеніе въ странѣ. При постройкѣ увеличивается народный трудъ и возрастаетъ нужда въ знакахъ. По окончаніи постройки и открытіи эксплуатаціи, эта нужда еще болѣе возрастаетъ. Желѣзная дорога — новый кровеносный сосудъ въ организмѣ. Прибавилось сосудовъ и стало быстрѣе кровообращеніе, ясно, что крови должно быть больше. Вмѣсто этого кровь постепенно выпускали. Для постройки желѣзныхъ дорогъ употребляли не новые знаки, которые, оправданные жизнью, такъ бы и остались впоследствии въ народномъ обращеніи; наоборотъ, привлекали готовые капиталы, а такъ какъ таковые не приливали извнутри, ибо и безъ того поспытались въ процентныя бумаги, такъ какъ этихъ процентныхъ бумагъ и безъ того было наводненіе, то стали привлекать свободные капиталы иностранные. Этими же капиталами уплачивалось не за русскій, а за иностранный трудъ.

Получилось: созданіе за границей огромнаго класса русскихъ кредиторовъ; возрожденіе за границей народнаго труда. Внутри Россіи: расширенная система кровеносныхъ сосудовъ при выпущенной крови; пустая, а потому бездоходная сѣть дорогъ среди нищаго населенія сель, сѣть, обремененная неоплатнымъ долгомъ, проценты за который приходится взыскивать съ того же обнищавшаго населенія.

Ясно, что и здѣсь мысленно сожжены тѣ бумажки, которыя нужно было выпускать для постройки и эксплуатаціи (то-есть увеличенныхъ оборотовъ промышленности) русской сѣти дорогъ.

3) Займы, сдѣланные прямо съ цѣлью жечь деньги, напримѣръ Восточный заемъ и другіе, нечего и разбирать.

Мы рассмотрѣли обстоятельно значеніе процентныхъ бумагъ въ исторіи нашихъ финансовъ и намъ хотѣлось бы показать теперь, что система денежнаго обращенія въ экономически самостоятельной

странъ, основанная на абсолютныхъ знакахъ, вовсе не нуждается въ нѣ ценныхъ государственныхъ бумагахъ и не требуетъ ни одной копѣйки изъ государственнаго бюджета для оплаты процентовъ.

Къ доказательству этого положенія мы и переходимъ.

XVI.

Главное зло современныхъ государствъ, процентные займы, внутреннiе или внѣшнiе, неизбѣжныя при золотѣ, какъ деньгахъ, могутъ быть совершенно устранены при абсолютно-денежномъ обращенiи и при правильной организацiи государственнаго и народнаго кредита.

Изъ цивилизованныхъ странъ вѣтъ въ эту минуту ни одной, которая удовлетворялась бы одною формою денегъ—благородными металлами, или однимъ золотомъ. Повсюду рядомъ со звонкою монетою циркулируетъ большее или меньшее количество ея суррогатовъ, разнѣнныхъ банковыхъ билетовъ, настоящихъ *кредитныхъ* денегъ. Основная черта этого денежнаго обращенiя—разнѣнность банковыхъ билетовъ каждую минуту на металлъ. Приостановка этого разнѣна равносильна государственному банкротству. Это обманъ и насилiе надъ подданными. Во избѣжанiе этого обмана и всякихъ искушенiй для парламентарнаго государства, органъ денежнаго обращенiя въ странѣ *отнимается у правительства* и ставится особнякомъ, ограждаясь отъ всякихъ на него воздѣйствiй серьезными и положительными статутами ¹⁾.

Совершенно тотъ же вопросъ поднимался и у насъ при основанiи Государственнаго Банка въ 1860 году; до сихъ поръ еще существуютъ серьезные люди, которые проповѣдуютъ необходимость выдѣлать нашъ центральный органъ денежнаго обращенiя изъ системы государственныхъ учреждений и сдать его особому акцiонерному обществу. Что эта идея имѣетъ почву—доказательство статьи въ *Новомъ Времени* г. Гурьева, «ученаго секретаря Ученаго Комитета» Министерства Финансовъ (да, да, есть такой титулъ двойной учености), помѣщавшiяся въ началѣ 1893-го года.

Читателю этого изслѣдованiя названныя статьи навѣрно пока-

¹⁾ Лучшее доказательство серьезности этихъ гарантiй—разоблаченiя бывшаго французскаго министра Рувье, что ему приходилось за недостаткомъ наличности въ секретныхъ фондахъ «перехватывать» у частныхъ лицъ. Даже такiе не стѣснявшiеся люди, какъ французскiе министры и «представители народа» во Французскiй Національный Банкъ, повидимому, запустить руку не могли. *Авт.*

зались необыкновенно смѣшными и наивными. Г. Гурьевъ доказываетъ безъ малѣйшей улыбки, что передавать Государственный Банкъ акціонерной компаніи невозможно. Да кто же можетъ въ здоровомъ умѣ и твердой памяти предложить противоположную комбинацію? Другими словами: кликнуть кличъ ко всему европейскому Израилю: «Милостивые государи! Не будетъ ли вамъ угодно получить въ ваше завѣдываніе экономическое сердце Россіи? Приходите къ намъ, составляйте акціонерную компанію, получайте золотой фондъ, печатайте бумажки и завѣдуйте нашимъ денежнымъ обращеніемъ, то-есть берите въ полное владѣніе съ правомъ жизни и смерти: наше сельское хозяйство, фабричную и заводскую промышленность и нашу торговлю, словомъ, весь нашъ народный бытъ и трудъ во всѣхъ его видахъ. Государство ото всего этого отрывается, ибо оно вѣритъ, что вы съ этимъ лучше справитесь, чѣмъ оно само. Вы, конечно, на всемъ этомъ будете наживать, но вѣдь это дѣло торговое».

Въ этихъ словахъ нѣтъ ни тѣни преувеличенія. Читатель недоумѣваетъ и спрашиваетъ, какой смыслъ въ этомъ приглашеніи акціонеровъ, въ этомъ устраненіи правительства отъ самаго центра государственнаго дѣла? Что дадутъ акціонеры, управляющіе Банкомъ? Вѣрно есть же какая-нибудь идея въ этомъ желаніи?

Идея несомнѣнно есть. Вотъ она: *акціонерный банкъ поставитъ народное денежное обращеніе въ полную независимость отъ правительства.* Но зачѣмъ же это нужно? А зачѣмъ, чтобы министру Финансовъ, въ трудную для государства минуту, не пришло искушеніе смѣшать источники собственно денежнаго обращенія съ источниками бюджетными, другими словами, чтобы государственная власть не могла *ограбить подданныхъ.*

Повидимому, даже предположить что-либо подобное есть уже своего рода безуміе? Ничуть не бывало! Находятся на Руси органы и публицисты, которые хоть и не столь грубо-открыто, но высказываютъ совершенно то же самое.

Дѣло вотъ въ чемъ. Существуетъ Государственный Банкъ и вѣдаетъ *народнымъ денежнымъ обращеніемъ.* Существуетъ Государственное Казначейство и вѣдаетъ *государственными* доходами и расходами. И тамъ, и здѣсь суммы разныя, и смѣшивать ихъ невозможно, ибо всѣ экономическія отправленія тотчасъ же придутъ въ разстройство. Поэтому и ведется, напримѣръ, такой счетъ: наличность Государственнаго Банка (собственная) такая-то. Кромѣ нея, имѣются въ Банкѣ суммы, принадлежащія Государственному Казначейству такая-то. Представимъ себѣ, что, вслѣдствіе неурожая, или

другихъ условій, подати задерживаются, или государству предстоитъ экстренный расходъ. Собственныхъ суммъ Государственнаго Казначейства можетъ не хватить. Въ это время собственная наличность Банка можетъ быть очень велика и лежать непроизводительно. Графъ Канкринъ, да и всѣ почти русскіе министры Финансовъ, кромѣ упорныхъ доктринеровъ, дѣлали слѣдующее: они заимствовали изъ банковской наличности и, по мѣрѣ поступленія государственныхъ доходовъ, пополняли эту наличность. У графа Канкрина былъ въ особенности несправимъ одинъ предрасудокъ: онъ какъ огня боялся займовъ и налоговъ, а потому предпочиталъ довольно грубо нарушать теорію и въ бухгалтерскомъ смыслѣ допускалъ произволь, лишь бы не стягощать народъ по купонамъ. Велось подобное хозяйство не годъ и не два, и Россія, только-что разоренная Наполеономъ и истощившая всѣ силы на «спасеніе Европы», быстро поправилась и разбогатѣла.

Намъ говорятъ: этого нельзя! Если государственныхъ доходовъ не хватило, или понадобился экстренный расходъ, *дѣлайте заемъ*, то-есть, выпускайте процентныя бумаги и платите по купонамъ податями. Не смѣйте *заимствовать* изъ свободной банковской наличности, не усложняйте счетовъ, не отступайте отъ устава. А главное, не проявляйте ни государственной власти, ни государственнаго творчества! А такъ какъ здравомыслящій министръ Финансовъ и хороший хозяинъ не можетъ этихъ позайствованій не дѣлать, то призвать евреевъ и сдать имъ Банкъ, другими словами, поставить ихъ на стражъ противъ возможныхъ злоупотребленій органа, которому Верховная Власть поручила распоряженіе государственнымъ и народнымъ хозяйствомъ.

Даже ученый секретарь Ученаго Комитета догадался, что подобный порядокъ, безусловно необходимый при парламентскомъ режимѣ, совсѣмъ не подходитъ къ самодержавной монархіи. Предполагая, что подобное заимствованіе можетъ сдѣлаться не иначе, какъ по специальному Высочайшему повелѣнію, оказывается, что *необходимость звать евреевъ собственно затѣль, чтобы ограничить верховную власть въ возможности дать подобное повелѣніе*.

Вотъ по самому добросовѣстному толкованію идея акціонернаго Государственнаго Банка. Можно думать, что, несмотря на всѣ подходы и сладкія словеса представителей у насъ европейскаго міровоззрѣнія и аппетитовъ мечтать объ осуществленіи чего-либо подобнаго—попросту глупо. Ужъ на что было безшабашное по этой части время—конецъ пятидесятихъ годовъ. Но и тогда гг. молодые финан-

систы не могли провести свою идею на счет обращенія Государственнаго Банка въ акціонерный, и это учрежденіе такъ и осталось въ вѣдомствѣ Министерства Финансовъ, хотя и разграниченное (на бумагѣ) по своимъ оборотамъ отъ оборотовъ Государственнаго Казначейства.

XVII.

Ясно, что при независимомъ отъ государства положеніи центрального органа денежнаго обращенія, государственной власти, вынуждаемой къ какимъ-либо экстреннымъ расходамъ, приходится либо возвышать налоги, либо закладывать эти налоги, выпуская внутренней или иностранной заемъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ принципъ остается тѣмъ же самымъ. Новый налогъ даетъ небольшія сравнительно суммы ежегодно; заемъ, сдѣланный сразу, погашается тѣми же налогами въ будущемъ, въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ.

Никакого другаго выхода нѣтъ, ибо парламентское государство ничему другому не вѣрить, кромѣ золота, и потому рѣшительно не хочетъ и не можетъ предоставить дѣло *экономическаго творчества* государству. Говоримъ про существующія государства либерально-буржуазнаго склада, противъ которыхъ такъ яростно протестуетъ социализмъ разныхъ видовъ и отъѣнковъ. Чтѣ за государство создать самъ социализмъ, какъ удастся *ему* оформить государственное творчество, этого мы еще не видали, да вѣроятно и не увидимъ, ибо социализмъ, еще не успѣвъ положить перваго камня въ смыслѣ положительномъ, уже выродился, и совершенно логически, въ анархизмъ, то-есть, въ разрушеніе *всего существующаго*, съ голою надеждой, что на развалинахъ вырастетъ *само что-нибудь*.

Современное парламентарно-буржуазное государство все экономическое творчество отдаетъ биржѣ, то-есть, представителямъ капитала. Самовластная биржа, обладая деньгами (не забудемъ, что деньги — концентрированный прежній трудъ и орудіе труда будущаго), естественнымъ образомъ пріобрѣтаетъ и полное господство надъ трудомъ во всѣхъ его видахъ. Правительство обращается въ простаго городского, наблюдающаго за порядкомъ, а страна при биржевомъ режимѣ рѣзко раздѣляется на два класса: *правящіе* — представители капитала, или труда прежняго, въ ихъ рукахъ сосредоточеннаго; *правляемые* — представители труда настоящаго или будущаго, работающіе *только потому*, что правящіе, то-есть, капиталисты даютъ свой капиталъ въ производство.

И власть, и творчество, и дѣйствительное управленіе страной, и законодательство, и внѣшняя политика, и міровоззрѣніе, и національные идеалы—все это монополизуется однимъ пралящимъ классомъ. Какъ Людовикъ XIV когда-то, такъ биржа теперь можетъ сказать «l'état—c'est moi» и будетъ совершенно права, ибо, властвуя надъ трудомъ и заработкомъ человѣка, нельзя вмѣстѣ не властвовать и надъ его душой и надъ его bulletin de vote вплоть до тѣхъ поръ, пока озлобленный пролетарій, утратившій Бога истиннаго и не могущій увѣрять въ бога Меркурія, не начнетъ швырять своихъ директоровъ фабрикъ въ бассейны съ расплавленнымъ стекломъ...

Но дѣло сейчасъ еще не въ этомъ, а потому въ эту область отвлкаться не будемъ. Намъ хотѣлось показать, что коль скоро *творчество отдано биржѣ*, то и *заработокъ* отъ всего капитала *идетъ цѣликомъ ей же*, какъ исключительной представительницѣ творческаго начала и какъ властительницѣ и капитала и труда.

Пояснимъ это на примѣрѣ: государство строитъ желѣзную дорогу, какъ указано выше въ статьѣ *Русскаго Дѣла*, на вновь выпущенные знаки. Создается огромный заработокъ, ибо вызывается огромный трудъ. Капиталъ, оплодотворившій этотъ трудъ, *не дѣйствительный, а мнимый*, ибо бумажки представляютъ изъ себя пока простые *квитки*, расчетные знаки. Что изображаетъ этотъ заработокъ? Какъ онъ распредѣлился? Онъ распредѣлился на началахъ политической экономіи, по законамъ свободнаго спроса и предложенія. Но при этомъ, кромѣ заработка всѣхъ и cadaго изъ участвовавшихъ въ работѣ, явилось еще нѣкоторое реальное имущество, приносящее доходъ, и это имущество (если дорогу строила казна) принадлежитъ ей, то-есть, составляетъ предпринимательную долю этого мнимаго капитала, *ставшаго, однако, послѣ постройки капиталомъ дѣйствительнымъ*.

Чей это капиталъ? Кто его собственникъ? Очевидно, государство, то-есть, весь народъ.

На Западѣ, при власти биржи и золотѣ-деньгахъ, дѣло идетъ совсѣмъ иначе. Для постройки дороги биржа авансировала извѣстный свой *готовый капиталъ*, выговоривъ себѣ опредѣленный процентъ. Трудъ произведенъ, дорога создана, всѣ заработали, но заработокъ распредѣлился совсѣмъ иначе. Капиталистъ размѣнялъ трехпроцентную ренту, чтобы купить акцію новой желѣзной дороги, и получаетъ теперь, скажемъ, шесть процентовъ дивиденда, то-есть, сталъ вдвое богаче. Инженеры, строители, подрядчики, получивъ свой заработокъ, купили на него (ту же проданную капиталистомъ) ренту, чернора-

бочіе прожили и прокормились (можетъ быть даже лучше, чѣмъ жили и кормились раньше, можетъ быть, даже сберегли что-нибудь и свесли въ «caisse d'épargne»), но вообще остались въ томъ же положеніи, а государство *осталось совершенно въ сторонѣ*. Оно выиграло, можетъ быть, лишь въ смыслѣ налоговъ, имѣя возможность нѣсколько обложить новую линію, какъ новое *чужое* для него имущество.

Понятна или нѣтъ основная, глубочайшая разница въ обстановкѣ предпріятія, двигавшихъ имъ силахъ и въ его результатахъ?

Въ первомъ случаѣ заработки распредѣлились совершенно равномерно между всѣми трудившимися, а фактически обогатилось только государство, *создавъ*, то-есть, получивъ *даромъ* недвижимый капиталъ, новую линію желѣзной дороги, пусть приносящую на первое время и малый доходъ. Капиталисты остались здѣсь въ сторонѣ, или участвовали косвенно и косвенно же получили свою долю дохода ¹⁾. Работалъ здѣсь въ широкомъ смыслѣ трудъ, оплодотворенный *минимымъ капиталомъ*, какъ бы уступившимъ свою долю вознагражденія государству, то-есть предоставившимъ ему новый *капиталъ реальный*.

Во второмъ случаѣ заработки тоже распредѣлились, но между трудомъ и *готовымъ старымъ капиталомъ*. Государство осталось въ сторонѣ. Продуктъ творчества пошелъ не ему, а капиталу, то-есть, биржѣ, удвоивъ богатства биржевыхъ царей, какъ увидимъ позднѣе.

Политическая экономія прекрасно разъясняетъ, какъ при возрастаніи капиталовъ сама собою уменьшается доля дохода капитала, какъ вслѣдствіе этого капиталъ становится живѣе, подвижнѣе и стремится все дальше и дальше продолжать творчество. Вообразимъ же себѣ, что эта работа капитала во имя саморазвитія и дальнѣйшей власти и преуспѣванія совершается долго и продукты ея все усиливаютъ самый капиталъ. Прибавимъ сюда, что при международномъ господствѣ золота извѣстное племя, или страна, счастливіе другихъ работаютъ въ лицѣ своихъ капиталистовъ. Страна можетъ страшно разбогатѣть, найти себѣ данниковъ по всему лицу земли и поставить свой собственный трудъ въ положеніе и обстановку весьма сносныя ²⁾. Взглянемъ на Францію, какое колоссальное обиліе накопленныхъ капиталовъ! Пять миллиардовъ уплачены, какъ пять рублей.

¹⁾ Основавъ, напримѣръ, новыя предпріятія, обусловленныя новою линіей.

²⁾ Къ несчастью, и этого нѣтъ. Биржа такъ жадна, капиталъ такъ безсердеченъ, что на ряду съ непоимѣрными богатствами Ротшильдовъ и др., пролетаріатъ во Франціи, Англіи, Германіи и повсюду страшно бѣденъ и фактически *голодаетъ*.

Налицо четыре миллиона людей, живущих рентою, то-есть, пользующихся чужимъ трудомъ, кормящихся и на счетъ италіанцевъ, и на счетъ египетскихъ феллаховъ, и на счетъ своихъ собственныхъ трудящихся и нищенствующихъ согражданъ.

Государство тоже, повидимому, богато, ибо бюджетъ его огроменъ. Но все-таки, у государства ничего *своего*, оно только собираетъ и расходуетъ налоги, оно непричастно никакому творчеству и, въ случаѣ потребности въ экстренномъ государственномъ расходѣ, или опасности, можетъ *только увеличить налоги или дѣлать займы*, предварительно заручившись благоволеніемъ бпржи.

Самодержавная государственная власть въ экономически самодовлѣющей странѣ, дѣйствуя при помощи бумажныхъ денегъ, *имѣетъ источники своего собственнаго богатства*, и это богатство сосредоточено не въ рукахъ одного изъ государственно-экономическихъ классовъ (капиталисты, рантьееры), а является въ полномъ смыслѣ *мирскимъ*, народнымъ, или, вѣрнѣе, *всенароднымъ*, ибо государство есть высшее выраженіе народа. Богатство это, выражающееся не въ золотѣ, а въ *мирскихъ*, государственныхъ имуществахъ, дающихъ опредѣленный доходъ, или въ извѣстномъ количествѣ *запаса труда* (см. ниже) можетъ *безгранично приумножаться* совершенно такъ же, какъ приумножаются частные капиталы у правящихъ классовъ государства парламентарнаго. И это государство не будетъ носить ни малѣйшаго западно-соціалистскаго отбѣнка, вѣрнѣе, хотячія соціальныя воззрѣнія окажутся къ нему вовсе неприложимыми. Соціализмъ, ратующій противъ исключительныхъ правъ капитала, ради такихъ же исключительныхъ правъ труда, то-есть, желающій замѣнить *деспотизмъ капитала деспотизмомъ труда*, логически не можетъ кончить ничѣмъ инымъ, кромѣ разрушенія всего государственно-общественнаго строя, или невинными, но совершенно вздорными фантазіями въ родѣ Беллами, обратившаго свободную Америку въ колоссальныя арестантскія роты посредствомъ неизбежной государственной регламентаціи труда, въ его мельчайшихъ подробностяхъ («всеобщая трудовая повинность» Беллами есть нѣчто, столь принципиально-чудовищное, что передъ нею поблѣднѣютъ и каторжныя работы). Самодержавное государство, основанное на началѣ довѣрія къ верховной власти, разумно пользуясь указанными выше *мнимыми* капиталами, возможными только при бумажныхъ деньгахъ, способно явить *идеалъ личной и экономической свободы*. Услуги мнимаго капитала представляютъ отнюдь *не нарушеніе правъ* капиталовъ реальныхъ, но *устраненіе ихъ несправедливой монополии, низложеніе ихъ*

съ того престола, который они себя сознают на биржѣ, развѣнчаніе золотого тельца, въ парламентарномъ государствѣ захватившаго державу и скипертъ совершенно открыто, у насъ тайно посягающаго на прерогативы самодержавной власти.

Отъ капитала не отнимается ни возможность промышленнаго творчества, ни возможность нормальнаго роста. Но ему отводится для этого область *частной предприимчивости*, все же государственное творчество и всю общественную *власть* (нынѣ захваченную *капиталомъ*, а въ социальныхъ теоріяхъ — *трудомъ*) государство оставляетъ за собою.

Вмѣстѣ съ государственнымъ творчествомъ государство оставляетъ себѣ и созданіе государственныхъ *самостоятельныхъ доходовъ*, основанныхъ не на одной лишь раскладкѣ податей. Такое государство никогда не встрѣтится съ необходимостью дѣлать займы, и выпускать процентныя бумаги, ибо нѣсколько мирныхъ лѣтъ позволяютъ скопиться *колоссальнымъ запаснымъ капиталамъ*, съ избыткомъ достаточнымъ для любого чернаго дня.

Намъ кажется, что этия совершенно доказанъя п шестой изъ оставленныхъ въ началѣ этого изслѣдованія тезисовъ, именно:

При системѣ финансовъ, основанной на абсолютныхъ деньгахъ, находящихся вполнѣ въ распоряженіи центрального государственнаго учрежденія, выдающаго денежнымъ обращеніемъ, господство биржи въ странѣ становится невозможнымъ, и безвозвратно гибнетъ всякая спекуляція и ростовщичество.

Просимъ прощенія у читателя, которому кое-что можетъ показаться неяснымъ, или недоговореннымъ. Все высказанное здѣсь выяснится ярче и рельефнѣе при разсмотрѣніи слѣдующаго тезиса— о замѣнѣ хищныхъ биржевыхъ инстинктовъ здоровою государственною экономическою политикою, къ которому и переходимъ.

XVIII.

Тезисъ этотъ таковъ:

Мѣсто хищныхъ биржевыхъ инстинктовъ занимаетъ государственная экономическая политика, сама становящаяся добросовѣстнымъ и безкорыстнымъ посредникомъ между трудомъ, знаніемъ и капиталомъ.

Этотъ законъ является слѣдовательнымъ логическимъ выводомъ изъ всего предъидущаго. При золотѣ, въ качествѣ денегъ, и

его суррогатах — банковых билетах, правительство совершенно устраняется от государственно-экономического творчества и становится простым органом правящего класса, то-есть, капиталистов, рантье-ро-въ, властвующих въ странѣ. Центръ, святилище этого класса — биржа, въ руках которой само собою сосредоточивается творчество. Основою, фундаментомъ этого творчества являются капиталы народныя сбереженія, сосредоточенные въ руках правящаго класса и отчасти классовъ трудящихся, стоящихъ по срединѣ между настоящими рантье-рами, вовсе не трудящимися, и настоящими пролетаріями, вовсе не скопившими сбереженій. Такими типами будутъ, напри-мѣръ, какой-нибудь парижскій извозчикъ, выѣзжающій ежедневно на работу, но уже имѣющій капиталъ въ 5 — 10.000 франковъ, или привратница, завѣдующая домо-мъ и ежедневно отклады-вающая извѣстный доходъ на пріобрѣтеніе ренты или другихъ цѣн-ныхъ бумагъ.

Какъ дѣйствуетъ биржа съ этими капиталами?

При изобилии сбереженій въ рукахъ рантье-ро-въ и полурантье-ро-въ естественный нормальный доходъ капитала самъ собою пони-жается. Вѣрнѣйшее помѣщеніе денегъ — государственная рента, но маленькому капиталисту она приноситъ слишкомъ мало. Самостоя-тельного дѣла онъ начать не можетъ (при большомъ рискѣ и трудѣ оно обѣщаетъ иногда меньше, чѣмъ текущій заработокъ въ *чужомъ* предпріятіи), но увеличить свой капиталъ или доходъ всегда радъ. При малѣйшей возможности и довѣртіи маленькій рантье всегда го-товъ часть своихъ сбереженій вынуть изъ государственной ренты (она перейдетъ къ новому *образующемуся* рантье, менѣе капиталь-ному) и помѣстить въ различныя «gusses», «egyptiens», «hongrois» и другія извоземныя государственныя бумаги, дающія большій доходъ. Болѣе подвижный и смѣлый, или болѣе свѣдущій и капитальный бур-жуа способенъ нѣкоторую часть своего капитала довѣрить и какой-нибудь панамской компаніи, сулящей громадныя дивиденды, особенно, если во главѣ дѣла стоитъ такая извѣстная личность, какъ Ферди-нандъ Лессепсъ. Рантье-ро-въ и свободныхъ, ищущихъ помѣщенія ка-питаловъ, изобиліе. Центръ, куда все это стремится, гдѣ основываютъ всѣ дѣла и устанавливается разцѣнка всевозможныхъ предпріятій — биржа. На биржѣ сейчасъ же сама собою возникаетъ *биржевая игра*, имѣющая двѣ основныхъ стадіи: во-первыхъ, дѣйствительныя пере-мѣщенія капитала, дѣйствительныя покупки и продажи. У меня была рента, я ее продалъ и купилъ акціи Crédit Mobilier, или emprunt egyptien, во-вторыхъ, *игра въ собственномъ смыслѣ*, когда я, ничего

не продавая и не покупая, а дѣлая лишь фактивные сдѣлки, держу, такъ-сказать, пари, что такая-то бумага повысится или понизится и въ извѣстные сроки (liquidation) получаю выигрышъ, или плачу проигрышъ—разницу въ курсѣ.

Эта биржевая игра, идущая, очевидно, внутри только правящаго экономического класса рантье-рантье-рантье (и въ малой степени полурантье-рантье), но непосредственно отражающаяся на сбереженія *всей страны*, имѣетъ въ основаніи одну идею: быстрое обогащеніе болѣе сильныхъ и ловкихъ капиталистовъ на счетъ менѣе сильныхъ и болѣе наивныхъ ихъ собратій, а главнымъ образомъ, на счетъ трудящихся полурантье-рантье. Выигрываетъ въ этой игрѣ тотъ, кому удастся *навѣрно предъугадать, или предъугадать политическое обстоятельство, имѣющее поднять, или уронить данную бумагу*. Если я случайно узнаю раньше другихъ, что черезъ двѣ недѣли Россія объявитъ войну Турціи и что слѣдовательно, курсъ на русскія бумаги сильно падеть, я смѣло могу идти на биржу и все свое состояніе поставить въ продажу русскихъ фондовъ, которыхъ у меня вовсе и нѣтъ на лицо. Я *продаю*, то-есть обязуюсь доставить черезъ мѣсяць такое-то количество русскихъ бумагъ по 98 за сто. Черезъ мѣсяць эти бумаги упадутъ до 68 и при ликвидаціи я получу чистаго выигрыша 30 к. на рубль; мнѣ всегда возможно ихъ *доставить*, ибо я тогда куплю ихъ по этой цѣнѣ и сдамъ. Но этого вовсе не требуется; сдѣлка, какъ извѣстно заранѣе, была чисто-фиктивная и шла только *на разницу*.

И такъ, я выигралъ. Кто же проигралъ? Проигралъ тотъ, кто *не знамяю того, что я знаю*, купилъ мой «gusses». Это могъ быть и крупный биржевой игрокъ, но прежде всего это тѣ мелкіе рантье-рантье и полурантье-рантье, которые *часть* своихъ сбереженій стараются помѣстить *вмоднѣ*, чѣмъ въ сухую и малоходную ренту. Они, хотя и не играли, но упавшія бумаги лишили ихъ части ихъ капитала. Совершенно то же и Панама, только посложнѣе. Биржевые спекулянты, опять же болѣе сильные и знающіе (что компанія должна лопнуть) сначала употребили всѣ мѣры, чтобы поднять, раздуть курсъ акцій, наградили въ розницу этими акціями («размѣстили») множество рантье-рантье и полурантье-рантье (на каждого по немногу, ибо это тоже народъ осторожный и помѣститъ сюда только *часть* своего капитала), затѣмъ сдѣлали крахъ, съиграли на пониженіе и 600 милліоновъ франковъ положили себѣ въ карманъ. Вся Франція закричала: «*pous sommes volés*», но тотъ же извозчикъ, у котораго была одна акція, вчера стоившая 600 франковъ, а сегодня упавшая до 150, тотъ же кон-

сьержъ, потерявшій 450 франковъ, не согласится на радикальнѣйшій переворотъ и на уничтоженіе биржи. Они будутъ черезъ своего представителя въ палатѣ кричать: «à bas le ministère» и требовать суда надъ виновными, но въ глубинѣ души они уже помирились со своей потерей, потому что та же биржа, нагрѣвшая ихъ сегодня на 450 франковъ, раньше давала имъ хорошее увеличеніе ихъ капиталовъ, будетъ давать и въ будущемъ. ибо бумагъ солидныхъ и солидныхъ дѣлъ все-таки больше, чѣмъ жульническихъ.

Вотъ почему буржуазный строй не повалитъ и *не захочетъ никогда повалить биржу* и отлично помирится и съ подкупными газетами, и съ подкупнымъ парламентомъ, и съ подкупными министрами, что Франція и доказала на осеннихъ выборахъ 1893 года. Какъ христіанинъ, плохой или хорошій, все же органически, по душѣ своей, сынъ и членъ Церкви, такъ буржуа, рантьеръ (въ государствѣ съ золотою валютой) по душѣ своей сынъ и членъ биржи. И тотъ и другой могутъ возмущаться, бунтовать противъ своей матери, но *порвать съ нею совѣсть не могутъ*. Христіанинъ безъ Церкви начинаетъ протестантизмомъ, впадаетъ въ атеизмъ и логически кончаетъ отчаяніемъ нигилизма. Рантьеръ, порвавшій съ биржей, или пролетарій, не сдѣлавшійся рантьеромъ, то-есть, биржею извергнутый, начинаетъ умѣреннымъ социалистскимъ протестомъ, попытками организовать трудъ, стачками, рабочими союзами, а такъ какъ это не ведетъ ни къ чему, ибо биржа и сильнѣе, и хитрѣе, то пролетарій логически кончаетъ анархизмомъ и начинаетъ въ лицѣ своихъ наиболѣе передовыхъ и нетерпѣливыхъ дѣйствовать динамитомъ.

XIX.

И такъ, взглянемъ поглубже на биржевые процессы.

Въ классѣ рантьеровъ идетъ упорная междоусобная борьба.

Въ этой борьбѣ сильные и ловкіе *играютъ напропяка*, обстригая постепенно среднюю публику, но рѣдко ее раззоряя, ибо эта публика привыкла къ осторожности.

Среди этихъ сильныхъ и ловкихъ являются единицы, скопляющія чрезмѣрно большіе капиталы. Они становятся настоящими царями биржи, а съ нею и всей страны. Ихъ капиталы вяжутъ такое огромное количество дѣлъ, предпріятій, имъ такъ задолжены трудящіеся классы и притомъ не въ одной, а въ разныхъ странахъ, отъ нихъ въ такой тѣсной зависимости миллионы рантьеровъ и полуран-

тьеровъ, что эти люди являются великою политической силой, настоящими, некоронованными лишь самодержцами и притомъ экстра-территориальными. ибо власть ихъ простирается *всюду, гдѣ работаетъ ихъ капиталъ*. Они такъ связали свои личные интересы съ интересами миллионовъ трудящихся и полуратьеровъ, что ни одна государственная власть не смѣетъ выступить съ ними на борьбу, во избѣжаніе страшныхъ внутреннихъ потрясеній, но должна служить имъ и поддерживать ихъ. *Уничтожить Ротшильда ни одно правительство въ мирѣ не можетъ* (кромѣ русскаго, пока оно его не пустило *втрости* ¹⁾ въ Россіи), ибо это было бы теперь разореніе для $\frac{3}{4}$ гражданъ. Уничтожить Ротшильда можетъ лишь анархія, когда отъ всего современнаго строя Запада не останется камня на камнѣ.

Прибавимъ сюда: въ панамскомъ дѣлѣ, во всемъ этомъ грабежѣ, Ротшильда, напримѣръ, совсѣмъ не видно. Для него это дѣло и слишкомъ мелко, и слишкомъ несерьезно. Ему не зачѣмъ прибѣгать ни къ подкупу, ни къ мелкому, сравнительно, грабежу. Его идеалъ *міродержавствъ*, вполне серьезное и путемъ серьезныхъ же средствъ. Къ его услугамъ всѣ *честные* элементы французской республики. Его контора—національный французскій банкъ, его уполномоченный, его личный секретарь—глава французскаго государства, его приказчики—министры, его серьезные операціи на биржѣ приносятъ ему неизмѣримо больше, спокойнѣй и вѣрнѣе, чѣмъ панамская, чисто-карманная кража. Ротшильдъ и... Панама! Фи!

Въ этомъ-то и трагедія послѣдняго слова биржеваго царства. Крадетъ краюшку хлѣба глупый чертенокъ, Вельзевулъ *властвуетъ*. Вельзевулъ великъ.

И такъ, вотъ стадіи финансоваго развитія золотаго запада: 1) золото, какъ деньги (первая власть евреевъ, какъ ростовщиковъ; 2) система банковъ и банковыхъ билетовъ, какъ замѣстителей золота (вторая власть евреевъ, какъ банкировъ и финансистовъ, начало ихъ обогащенія); 3) процентные займы государствъ, царство биржи въ странѣ (третья ступень власти евреевъ — ростовщичество государственное и затѣмъ полное міродержавство).

Общій духъ всего движенія: устраненіе *мірскаго соборнаго начала*, выражающагося въ государствѣ, отъ экономическаго творчества,

¹⁾ Начало этого роста уже есть. Любопытный фактъ: въ 1890 - 92 годахъ выселили изъ Москвы множество мелкихъ, въ большинствѣ безвредныхъ, еврей-ремесленниковъ, а о Лазарѣ Поляковѣ никто и не заикнулся. А еще недавно Самуилъ Поляковъ домогался *баронства* Россійской имперіи. *Авт.*

устраненіе *нравственнаго начала дозтрія*, торжество хищнаго чело-
вѣческаго я, возведеннаго въ догматъ, полная потеря всякаго нрав-
ственнаго критерія, борьба, завѣдомо безнадежная во имя *нравствен-*
ности узловой (*morale laïque ou républicaine*). Въ концѣ неизбежная
анархія, разрушеніе и одичаніе, ибо и съ другой стороны, въ
томъ отвергнутомъ наполовину мірѣ, откуда могло бы явиться за-
падному (латино-германскому) челоѣчеству спасеніе, царить тотъ же
Ротшильдъ въ тѣрѣ, исповѣдующій все то же и все то же *міродер-*
жавство, ненавистное сердцу еще больше, ибо деспотизмъ духовный
неизмѣримо тяжелѣе *даже* деспотизма экономическаго.

Вотъ куда увлекло насъ разсужденіе объ абсолютныхъ деньгахъ
и о процентныхъ бумагахъ. Не жалѣемъ объ этомъ. Читатель не
осудитъ насъ, что, войди въ подробный анализъ биржевой игры,
основанной главнымъ образомъ на существованіи процентныхъ бу-
магъ, то-есть, *собстеечной нищѣтѣ государства*, мы по неволѣ должны
были сдѣлать нѣкоторые выводы въ нравственной области, безъ ко-
торыхъ невозможенъ и обстоятельный разборъ экономической твор-
ческой политики государства, какъ *полной противоположности вла-*
сти и задачамъ биржи.

На основаніи сказаннаго прошу досужаго и любознательнаго
читателя, знакомаго нѣсколько съ исторіей нашихъ финансовъ, са-
мостоятельно припомнить и оцѣнить тѣ явленія въ русской жизни,
которыя характеризуютъ пришествіе къ намъ биржевика еврея и
тѣ голоса въ печати, которые славословятъ западную финансовую
систему съ ея золотомъ, процентными займами и самодержавіемъ
биржи. Подобное размышленіе будемъ не бесполезно, и мы будемъ
очень счастливы, если читатель уяснитъ себѣ, откуда все это вѣетъ,
во что вѣруеть и чему служить. Да, къ несчастью, и русская право-
славная почва въ сильной степени заражена міродержавными еврей-
скими идеалами. Очистить, скорѣе очистить надо эту почву (въ на-
шемъ сознаніи, а затѣмъ и въ жизни) и тогда только пышнымъ цвѣ-
томъ зацвѣтутъ на пей русскіе идеалы.

XX.

Переходимъ къ восьмому и девятому положеніямъ, изложеннымъ
такъ:

8) *При бумажныхъ абсолютныхъ деньгахъ является возможность
истиннаго государственнаго творчества и образованія всенародныхъ
государственныхъ запасныхъ капиталовъ.*

9) При бумажных абсолютных деньгах роль частного капитала измѣняется въ смыслъ отнятія у него захватываемой имъ въ государственныхъ биржево-золотыхъ власти.

Основная разница между биржево-парламентскимъ режимомъ и самодержавнымъ государствомъ съ абсолютными деньгами, какъ уже мы видѣли, заключается въ томъ, что въ первой странѣ вся экономическая политика состоитъ въ эгоистическомъ самоуправленіи капитала, посредствомъ биржи, сполна подчинившаго себѣ государство и въ свою очередь подчинившагося нѣсколькимъ биржевымъ царямъ, капиталы коихъ, безгранично приумножался, сковываютъ золотыми цѣпями трудъ не только даннаго народа, но и всѣхъ имѣющихъ нужду въ готовымъ капиталахъ, заимствующихъ ихъ у этихъ биржевыхъ царей.

Во второй странѣ экономическая государственная политика состоитъ (или должна состоять) въ томъ, что весь народный міръ, въ лицѣ своей государственной власти, вступаетъ благожелательнымъ посредникомъ между трудомъ, знаніемъ и капиталомъ, обезпечиваетъ полную свободу каждому изъ нихъ, но оставляетъ за собою власть удерживать эти экономическіе элементы въ надлежащей гармоніи, не давая несправедливаго преобладанія какому-либо изъ нихъ. Одновременно съ этимъ государственная экономическая политика имѣетъ дѣлю, помогая наилучшей постановкѣ и производительности труда, сбереженію и накопленію частныхъ капиталовъ, увеличивать всѣми путями достояніе собственно государственное, т.е. всенародное, мірское, имѣющее значеніе запаснаго капитала на случай чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ или народныхъ бѣдствій.

Первая часть вопроса лежитъ собственно внѣ области денежнаго обращенія, предмета нашего изслѣдованія. Поэтому о ней скажемъ вкратцѣ: исключая изъ общественной жизни, посредствомъ изытія изъ обращенія процентныхъ бумагъ, биржу съ ея игрой, государство тѣмъ самымъ разъ навсегда лишаетъ капиталъ экономического, политическаго и всякаго инаго преобладанія, распускаетъ армію рантєровъ, развѣчиваетъ биржевыхъ князей и царей и ставитъ свободный капиталъ лицомъ-къ-лицу со свободнымъ трудомъ, предоставляя имъ при посредствѣ государственныхъ финансовыхъ учреждений (или помимо ихъ) вступать въ полюбовныя сдѣлки и равноправно обмѣниваться услугами, добросовѣстно вознаграждая третій экономическій элементъ—знаніе, служащее имъ оплодотворяющею силой. Кинтиализму, т.е., господству капитала, здѣсь нѣтъ мѣста, а потому нѣтъ мѣста и его антитезѣ—соціализму.

Другая сторона вопроса лежит непосредственно въ области государственнаго творчества и тѣсно связана съ денежнымъ обращеніемъ. Надъ ней поэтому придется остановиться съ бѣльшимъ вниманіемъ.

У западнаго парламентарно-биржеваго государства, кромѣ случайно удѣлѣвшихъ, какъ наследство старины, государственныхъ земель и лѣсовъ, собственно говоря, нѣтъ никакого *мірскаго*, всенароднаго имущества (морская и сухопутная оборона едва-ли можетъ считаться имуществомъ), а потому нѣтъ и никакихъ иныхъ ресурсовъ, кромѣ нѣкоторыхъ регалій (напримѣръ монетная), монополій (напримѣръ почтовая, телеграфная, табачная) и налоговъ разнообразнаго вида и характера. При всякомъ поэтому чрезвычайномъ расходѣ приходится пользоваться или спеціальнымъ, если есть таковой, военнымъ фондомъ (въ случаѣ войны), или устанавливать новые налоги, или дѣлать займы, то-есть закладывать налоги будущіе, внося въ будущіе бюджеты проценты и погашенія по займамъ. Другихъ ресурсовъ у этого государства нѣтъ никакихъ потому, что нѣтъ никакого творчества, потому не можетъ быть и другаго исхода, въ случаѣ крайности, какъ займы, или новые налоги.

У государства самодержавнаго, — уничтожившаго биржу, усвоившаго абсолютныя деньги и работающаго при помощи *системы ссуды и вкладовъ*, какъ посредникъ, и системы государственныхъ предпріятій при помощи *мнимыхъ капиталовъ*, какъ инициаторъ, — останется въ качествѣ *своей* государственной или, что то же самое, всенародной, мірскаго собственности *вся та доля прироста и образованія капиталовъ, которую у парламентарнаго государства отнимаетъ биржа для образованія ротшильдовскихъ богатствъ*.

Поясимъ это примѣромъ.

Представимъ себѣ, что страховое дѣло монополизировано государствомъ. Это и практически давно бы пора сдѣлать, тѣмъ болѣе, что у насъ есть блестящій примѣръ государственнаго страхованія въ Царствѣ Польскомъ. Получается огромное облегченіе для страхователей вслѣдствіе удешевленія администраціи, устраненія необходимости заграничныхъ перестрахованій, и у государства остается весь тотъ доходъ, который въ настоящее время идетъ акціонерамъ русскимъ и заграничнымъ (по перестрахованію). По самой малой оцѣнкѣ этотъ доходъ не ниже десяти-пятнадцати милліоновъ (цифръ подъ руками у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ).

Далѣе. Вернемся къ примѣру желѣзной дороги, выстроенной на мнимый капиталъ, то-есть на выпущенные знаки. Знаки эти усилили

въ необходимой степени народное обращеніе, и жечь ихъ не приходится. Дорога—собственность государства, и весь остатокъ дохода, за расходами эксплуатаціи—чистый доходъ государства. Кому шель раньше этотъ доходъ? Акціонерамъ, давшимъ свои готовые капиталы. Кто стоялъ надъ акціонерами, опциывая избытки ихъ доходовъ путемъ биржевой игры? Гг. X, Y, Z, маленькіе доморощеные Ротшильды, знавшіе ходы въ «сферы» и *умѣвшіе узнавать то, чего не знала въ данный моментъ биржа*. Подводя итогъ всей операціи, мы увидимъ, что государство: 1) устранило акціонерное, *всегда своекорыстное* предпріятіе, побудивъ акціонеровъ искать помѣщенія своихъ денегъ, тихаго и нерискованнаго, во вкладахъ; 2) лишило важны спекулятивный элементъ на биржѣ; 3) парализовало образованіе милліонновъ у какого-нибудь Полякова, переведя эти милліоны во всенародное, мірское достояніе, въ государственннй запасннй капиталъ.

Третій примѣръ: гдѣ-нибудь на Мурманскомъ берегу открыты серебряно-свинцовыя мѣсторожденія. Трое солидныхъ горныхъ инженеровъ, составивъ товарищество, просятъ у правительства ссуду на эксплуатацію этихъ рудниковъ. Дѣло совсѣмъ новое, оплодотворяется спавшій досель трудъ, слѣдовательно, мнимый капиталъ воплнѣтъ у мѣста. Дается ссуда изъ вновь выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ (или изъ вкладовъ, ибо вклады при оживленіи дѣлъ и требованіи на нихъ пополняются всегда вновь выпущенными знаками). Устанавливается процентъ и погашеніе, или предприниматели признаются государственными арендаторами. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ то, что въ политической экономіи называется «долею барышей капитала», осталось государственнымъ всенароднымъ достояніемъ.

Никто не помѣшаетъ тѣмъ же инженерамъ воспользоваться услугами не мнимаго, а настоящаго реального, частнаго капитала и войти съ нимъ въ добровольную сдѣлку. Разница будетъ лишь въ томъ, что частный капиталъ болѣе склоненъ бояться риска, ибо у его владѣльца нѣтъ охоты лично ѣхать на Мурманъ и нѣтъ тѣхъ средствъ контроля, какими располагаетъ государство. Кроме того, мнимый капиталъ удовольствуется гораздо меньшимъ, ибо ему важенъ не столько размѣръ дохода, сколько пробужденіе спавшаго народнаго труда и дальнѣйшая всенародная польза отъ дѣла.

Такимъ образомъ мнимые капиталы, пускаемые въ оборотъ государствомъ, и реальные, т. е. частные капиталы будутъ работать параллельно, не мѣшая другъ другу, и въ этомъ именно и будетъ заключаться здравая и справедливая экономическая политика. Они не будутъ мѣшать другъ другу, ибо ихъ цѣли совершенно различны. Госу-

дарству важно оживить или улучшить народный труд и создать новое имущество, которое может давать доходъ хотя бы лишь въ отдаленномъ будущемъ: государству есть время ждать. Частному капиталу важно заработать *немедленно*, то-есть получить больше, чѣмъ ему платять на вкладѣ. Ясно, что первые капиталы экономическая политика направитъ хотя и на малоходныя, но государственно-полезныя дѣла, вторые пойдутъ на дѣла государству безразличныя, но болѣе доходныя. Элеваторы, порты, желѣзныя дороги, первыя (въ какомъ-либо новомъ дѣлѣ) фабрики будутъ строиться на мнимые капиталы, то-есть или прямо государствомъ, или при поощреніи со стороны государства; подгородныя конки, подъѣздные пути, сельское хозяйство, фабрики, заводы и мастерскія будутъ оборачивать капиталы реальные.

Если мы только представимъ себѣ мысленно, какое огромное количество народнаго труда въ Россіи можетъ быть быстро вызвано вотъ этими мнимыми капиталами, мы легко поймемъ, какъ быстро, даже при крайнемъ безкорыстіи государства, скопятся въ его рукахъ огромныя запасныя средства. Вспомнимъ, что нашъ сто-милліонный народъ полгода сидитъ безъ дѣла, а въ остальные полгода, *какъ-какъ* ковыряя землю, едва-едва вырабатываетъ себѣ годовое пропитаніе. Вспомнимъ, какъ выколачиваютъ изъ него ничтожныя, сравнительно, налоги! Вспомнимъ, какъ ничтожно его потребленіе и обмѣнъ по его совершенной нищетѣ, и мы поймемъ, что, примись этотъ народъ работать какъ слѣдуетъ (а онъ; какъ мы видѣли, не можетъ, ибо нѣтъ инструмента—денегъ, ибо деньги спрятались въ процентныя бумаги и акціи), та доля, которая будетъ падать на *мнимые капиталы*, ссужаемые государствомъ, быстро станетъ выражаться въ сотняхъ милліоновъ рублей.

Чтобы выразить въ одной формулѣ роль здѣсь экономической политики государства, скажемъ такъ:

Государство не отниметъ у частнаго капиталиста, ищущаго производительнаго помѣщенія своихъ капиталовъ, ничего, кромѣ *власти*, которую на Западѣ создаетъ капиталъ и передаетъ биржѣ. Оно ограничитъ затѣмъ у капитала всякую возможность хищной, спекулятивной наживы, не дасть возможности возникнуть Ротшильду и на мѣсто его хищныхъ капиталовъ, ищущихъ міродержавства, выставитъ въ балансѣ свои собственныя *запасныя средства*, переведетъ въ *христіанскую мірскую* собственность всей православной Руси величаныя, соотвѣтственныя тому, или части того, что *грабятъ у западнаго че-*

ловьчества *евреи* и на чемъ они же основываютъ свою надъ нимъ, такъ непомерно растущую, безнравственную и погибельную власть.

Вотъ тутъ-то, размотавъ этотъ несчастный клубокъ до конца, мы и увидимъ, что эти колоссальныя собственныя запасныя средства государства не только позволяютъ *совсѣмъ обойтись безъ всякихъ займовъ и процентныхъ бумагъ*, но по мѣрѣ своего роста дадутъ возможность государству, не смотря на постоянное возрастаніе своего бюджета, *приняться за постепенное облегченіе существующей податной тягости*.

Да, вотъ одна изъ великихъ задачъ, совершенно неразрѣшенныхъ при золотѣ и господствѣ биржи, и, наоборотъ, очень легко разрѣшимая при творческой государственности, усвоившей абсолютно-денежное обращеніе! Налоги, составляющіе государственный бюджетъ, представляютъ *всемирную складку* для произведенія необходимыхъ государственныхъ расходовъ. Образованіемъ собственныхъ, то-есть *бъ-личныхъ*, всемирныхъ источниковъ дохода можно замѣнить известную часть этихъ прямыхъ сборовъ, падающихъ *лично* на гражданъ, или на ихъ *личные* имущества. Въ научномъ отношеніи не важно, какая именно доля налоговъ будетъ замѣщена собственными доходными источниками государства, важно *установленіе принципа*, указаніе пути къ этому возможному замѣщенію. А принципъ этотъ, думается намъ, установленъ довольно твердо и выражается въ вашемъ десятомъ тезисѣ:

При государственномъ творчествѣ и запасахъ является совершенно иной взглядъ какъ на налоги, такъ и на систему таможенную.

Относительно послѣдней, о которой мы еще не упоминали въ нашемъ изслѣдованіи, пока можно сказать, что она измѣнится въ смыслъ ея *подвижности*, какъ органическая часть центрального денежнаго учрежденія. Коль скоро государство возьметъ въ свои руки истинное управленіе денежнымъ абсолютнымъ обращеніемъ и создастъ для этого соответственныя органы, въ его рукахъ очутится сама-собою монополющая торговля драгоценными металлами, являющимися орудіемъ расчета международнаго. Другими словами, этотъ центральный государственный органъ будетъ *устанавливать курсъ на золото*.

Коль скоро это достигнуто, всякій таможенный тарифъ теряетъ значеніе. Объявленіемъ курса можно *ежедневно* регулировать привозъ и вывозъ товаровъ, и это установленіе курса въ рукахъ твердой національной политики будетъ оружіемъ неизмѣримо болѣе острымъ и гибкимъ, чѣмъ тяжеловѣсный и мало-подвижный таможенный тарифъ.

Подробно изслѣдовать этотъ *частный вопросъ* денежной системы здѣсь не мѣсто, и мы надѣемся вернуться къ нему современемъ, когда придется подвергнуть анализу дальнѣйшіе выводы и послѣдствія протекающія изъ нашей исторіи.

XXI.

Намъ остается разсмотрѣть теперь послѣдніе вопросы, составляющіе органическую часть изслѣдуемой нами денежной системы.

Необходимо, во-первыхъ, указать, въ какомъ видѣ должны находиться тѣ запасныя средства государства, которыя представляютъ *мирское* всенародное имущество, которыя служатъ фондомъ на разные экстренные расходы, являющіеся въ государственной жизни, и не только позволяютъ вовсе не прибѣгать къ займамъ, но, наоборотъ, постепенно возрастая, даютъ возможность убавлять прямую податную тягость народа.

При золотой валютѣ, такого рода запасныя средства государства могутъ состоять, главнымъ образомъ, вѣрнѣе единственно, въ запасахъ золота въ кладовыхъ національнаго банка. Земли, лѣса и всякое другое имущество *не творческому* государству совсѣмъ не нужны, для бесполезны, ибо биржевой режимъ совершенно послѣдовательно противится всякой государственной собственности. Государству, избражающему только ви́шній порядокъ, нечего дѣлать съ недвижимыми имуществами, которыми биржа распорядится гораздо лучше, которыя она сумѣетъ двадцать разъ перебросить изъ рукъ въ руки, сдѣлавъ ихъ предметомъ разнообразнѣйшихъ спекуляцій. Такое государство, даже получивъ недвижимость, должно стремиться поскорѣе отъ нея избавиться, какъ отъ чего-то, его роли явно не соответствующаго.

Да и самый золотой фондъ можетъ быть нуженъ только для двухъ цѣлей: для обезпеченія денежнаго обращенія, и въ этомъ смыслѣ онъ опять же принадлежитъ не государству, а выдѣленному изъ него національному банку, и для военныхъ цѣлей. Только послѣдній фондъ, совершенно особый, и можетъ въ строгомъ смыслѣ считаться запаснымъ государственнымъ капиталомъ.

Государство, работающее при системѣ абсолютныхъ денегъ, очевидно, никакого запаснаго капитала въ денежныхъ знакахъ имѣть не можетъ. Оно выше денегъ, оно *творитъ* ихъ само и, слѣдовательно, оно не можетъ ни считать бумажки капиталомъ, ни помѣ-

шать въ нихъ что бы то ни было. Бумажки для такого государства въ лицѣ его государственнаго ли казначейства, или центрального государственнаго банка суть *мнимыя величины*, инструментъ расчета, но *никакъ не деньги*. Бумажный рубль рождается въ моментъ перехода изъ рукъ государства въ руки подданнаго и умираетъ, войдя обратно въ центральную государственную кассу. Тамъ, въ этой кассѣ, это костяшки на счетахъ, это квитки, обернувшіяся въ хозяйствѣ, марки въ булочной Филиппова. Тамъ важно имѣть этия рублямъ строжайшій учетъ, но полагать въ нихъ какую-либо внутреннюю силу—нелѣпо.

Но если запасы государства не могутъ быть въ деньгахъ, то *считаться* они все же не могутъ иначе, какъ на деньги.

Золото, въ качествѣ запаснаго фонда, тоже можетъ имѣть лишь значеніе крайне ограниченное и, притомъ, условное. Золото есть товаръ, безъ котораго во внутреннихъ сдѣлкахъ и торговлѣ страна можетъ почти вовсе обойтись (предметы роскоши въ трудную минуту для народа теряютъ значеніе, остается только потребность въ хлористомъ золотѣ для фотографіи и, кажется, медицины). Необходимость въ золотѣ является только при необходимости покупать что-либо у иностранцевъ, и то только тогда, когда *обмѣнъ съ ними* товаровъ даетъ балансъ не въ нашу пользу. Для страны экономически самодовлѣющей, то-есть имѣющей всѣ продукты ей нужныя внутри своихъ границъ, такой надобности вовсе не представится при нѣкоторой предусмотрительности. Для Россіи, въ частности, требуется очень немного. Подробный разборъ этого любопытнаго вопроса читатель найдетъ въ нашей книгѣ: «Деревенскія мысли о нашемъ государственномъ хозяйствѣ», въ главѣ «Война и кредитный рубль», гдѣ въ свое время мы обстоятельно разобрали, какіе пустяки нужны намъ изъ-за границы, и прямо отрицали необходимость золота для войны. Если, говорили мы, война побѣдоносна и идетъ на неприятельской территоріи, мы посылаемъ свой хлѣбъ, а все прочее беремъ путемъ реквизицій у побѣжденныхъ. Если война менѣе счастлива и идетъ въ нашихъ границахъ, мы опять же кормимъ армію своимъ хлѣбомъ, а за остальное, ей нужное, платимъ кредитными знаками, учитываемыми впоследствии. Только современное наше неустройство ставитъ насъ въ зависимость отъ иностранцевъ, напирѣмъ, отчасти въ оружіи, въ селитрѣ, въ свинцѣ. Чтобы заготовить все это и имѣть возможность дальше покупать во время войны, мы должны имѣть нѣкоторый запасъ золота, то-есть международныхъ денегъ. Золото же это можетъ быть добыто, какъ изъ собственныхъ

рудниковъ, такъ и изъ-за границы, накопляясь постепенно въ рукахъ казны, какъ избытокъ платежей иностранцевъ намъ, противъ нашихъ платежей имъ ¹⁾, или, наконецъ, если война застанетъ малый военный фондъ, какъ заемъ у нихъ, который, во всякомъ случаѣ, и изъ первыхъ же свободныхъ количествъ золота, или иныхъ продуктовъ, долженъ быть впоследствии погашаемъ.

Чтобы опредѣлить характеръ запасныхъ средствъ государства, необходимо рассмотретьъ, для чего эти запасныя средства могутъ быть нужны. Про войну мы уже говорили. Остаются: внутреннія народныя бѣдствія, какъ неурожай, разнаго рода стихійныя несчастья, эпидеміи, эпизоотіи и т. п.; государственныя предпріятія, имѣющія не столько творческій (производительный), сколько *оборонительный* характеръ (напримѣръ лѣсовосаженіе, борьба съ обмелѣвіемъ рѣкъ и т. п.). Наконецъ весьма важное значеніе запасныхъ средствъ: расширеніе государственныхъ расходовъ, то-есть ростъ расходной росписи и постепенное уменьшеніе податной тяжести населенія.

Изъ внутреннихъ бѣдствій самое страшное — неурожай. Разумѣется, дѣло идетъ здѣсь только о хлѣбѣ на продовольствіе и на сѣмена. Ясно, что единственный фондъ здѣсь — *государственные хлѣбныя запасы*. Неурожай и громадный подъемъ цѣвъ въ 1891 году выяснили вполне этотъ вопросъ. Мысль П. П. Зубова ²⁾, вассильскаго предводителя дворянства — вотъ прекрасная организація дѣла. Добавимъ сюда, что внутренняя торговля хлѣбомъ должна быть свободна, а весь вывозъ долженъ составлять монополію правительства, которое можетъ en grand торговать, совершенно не поддаваясь давленію любой европейской биржи, а наоборотъ, производи само могущественное давленіе на хлѣбныхъ потребителей. Въ случаѣ войны правительственные хлѣбныя запасы окажутся поистинѣ благотѣльными и чрезвычайно упростятъ и удешевятъ продовольствіе арміи. Въ мирное время только при посредствѣ массовыхъ покупокъ правительствомъ хлѣба въ свои элеваторы и можно поддерживать, гдѣ нужно, цѣны ставящія сельскаго хозяина иногда въ критическое положеніе. Болѣе подробныя объясненія въ нашу программу пока не входятъ ³⁾.

¹⁾ Просимъ читателя не забывать, что это разсужденіе относится къ теоретической, научной сторонѣ вопроса. Мы совсѣмъ игнорируемъ нынѣшнее запутанное наше финансовое положеніе и нашу задолженность. Это вопросъ особый.

²⁾ См. С. О. Шараповъ. Сочиненія, т. II: «Изъ разговора съ П. П. Зубовымъ».

³⁾ Министерство Финансовъ, въ видахъ помощи сельскому хозяйству, начало эту операцію въ 1895 году, но на основаніяхъ довольно шаткихъ.

Борьба съ эпидеміями и эпизоотіями, по ихъ преимущественно мѣстному характеру, является вопросомъ до нѣкоторой степени спорнымъ: государственное ли это въ экономическомъ смыслѣ дѣло? Не достаточно ли для государства имѣть лишь распоряженіе и руководство въ этой борьбѣ, возлагая всѣ расходы на органы мѣстнаго самоуправления и *изъ запасныхъ средствъ*? Но, еслибы государству и пришлось удѣлить на это собственныя свои средства, то самое рациональное — заимствовать ихъ изъ кассовой наличности вкладовъ, не включая вовсе въ роспись, а возвращая вновь на владѣ изъ образующихся свободныхъ средствъ, то-есть, изъ будущихъ сверхсмытныхъ доходовъ.

Совершенно то же и при всякомъ иномъ государственномъ чрезвычайномъ расходѣ, хотя и вызывающемъ нѣкоторый народный трудъ, но не рождающемъ его, а только претворяющемъ трудъ готовый. Спасеніе рѣки отъ обмѣленія ничего не создастъ вновь, а только поддержитъ существующее, и тѣ же рабочія руки, можетъ быть, съ еще ббльшею пользою были бы заняты на другомъ дѣлѣ. Здѣсь народный трудъ не только не оплодотворяется, но, пожалуй, даже тратится непроизводительно, по нуждѣ, расходуется изъ запаса, а потому и мнимыя капиталы никакого приложенія имѣть не могутъ. Ясно, что *этотъ запасъ только и можетъ быть въ томъ же видѣ, что и запасъ всякаго инаго рода частнаго труда* (капиталь—концентрированный трудъ), то-есть во вкладахъ, въ центральномъ учрежденіи народнаго хозяйства. Трудъ, потребный въ этомъ случаѣ правительству, угнетаетъ до извѣстной степени частный трудъ на рынкѣ, и это математически точно выражается въ угнетеніи коммерческой операціей казны коммерческихъ операцій частныхъ лицъ въ учрежденіи, вѣдающемъ вкладами и ссудами.

Поэтому и эта часть государственнаго запаснаго капитала не можетъ быть помѣщена ни въ чемъ иномъ, какъ во вкладахъ. Соответственное учрежденіе окажется здѣсь истиннымъ регуляторомъ, съ точностью указывающимъ взаимное соотношеніе капитала и труда государственнаго, мірскаго съ капиталами и трудомъ частныхъ лицъ. *Въ этомъ соотношеніи и будетъ лежать истинный государственный запасъ спеціальнаго назначенія.*

Пояснимъ это примѣромъ.

Десять лѣтъ подъ рядъ правительство, допустимъ, вносило на вклады, ставя въ свою смѣту, скажемъ, по 3 милліона рублей на улучшение рѣкъ. Образовался фондъ въ 30 милліоновъ рублей. Въ данномъ году эта сумма вынута и истрачена на рѣки. Никакихъ

замѣшательствъ въ денежномъ обращеніи не произошло, ибо *всѣмъ этихъ денегъ отразился на денежномъ обращеніи какъ разъ настолько, насколько отвлеченіе на рынки массы рукъ отразилось на промышленности и земледѣліи*. Иначе и быть не можетъ, ибо при системѣ ссудъ и вкладовъ все денежное обращеніе является точнѣйшимъ отраженіемъ явленій жизни, то-есть относительнаго положенія въ данную минуту труда и капитала.

Такимъ образомъ, и самая идея государственнаго запаса, или запаснаго капитала въ остальной его части, то-есть кромѣ золотого фонда и хлѣба, сводится на *запасъ труда*, выражаемаго въ тѣхъ же денежныхъ, то-есть, цѣновыхъ единицахъ, въ которыхъ выражается трудъ и запасы труда, то-есть капиталы у всѣхъ гражданъ государства. Другими словами, пока государство оплодотворяетъ трудъ, оно выдаетъ подъ него авансы, то-есть, печатаетъ знаки, но, *имѣя дѣло съ запасомъ труда итого, оно становится въ рядъ со всѣми отдѣльными гражданами и хозяйничаетъ, какъ и они, мѣрля на ту же единицу и проходя сѣ возъ тотъ же регуляторъ*.

Какъ и они, государство, вооруженное лишь колоссальнымъ творчествомъ, непрерывно богатѣетъ, то-есть, располагаетъ все болѣе и болѣе количествомъ продукта и запаснаго труда. Какъ и частный капиталистъ, оно быстро переходитъ за ту черту, гдѣ даже роскошная жизнь не поглощаетъ всѣхъ доходовъ. Капиталистъ продолжаетъ богатѣть, или начинаетъ дарить излишки своимъ согражданамъ ¹⁾ или наконецъ начинаетъ *давить* своимъ капиталомъ, создавать свою власть и міродержавство, если есть для этого орудіе

¹⁾ Любопытный выводъ этотъ осуществляется иногда раньше, чѣмъ для него вполнѣ настало время. Возьмемъ, напримеръ, нашихъ Третьяковыхъ, давшихъ Россіи прекрасную національную галерею. Возьмемъ американцевъ: Лика, давшего средства на постройку великолѣпной обсерваторіи, или Станфорда старшаго, основавшего богатѣйшій въ мірѣ университетъ на Пало Альто въ Калифорніи. Немного нужно просвѣщенія и патріотизма, чтобы дѣлать даже огромныя пожертвованія на пользу своей родины, если богачу некуда иначе дѣвать свои деньги и если не строить обсерваторій и картинныхъ галлерей, то кромѣ битья дорогихъ зеркалъ и посуды ровно ничего не придумаешь.

Когда посредствомъ системы абсолютныхъ денегъ у капитала будетъ отнята всякая политическая власть, милліонеру въ самомъ дѣлѣ ничего иного не останется, какъ то или другое меценатство, и здѣсь онъ будетъ въ конкуренціи съ государствомъ; тогда быстрое обогащеніе единицъ станетъ для страны повстинѣ благодѣаніемъ, а для самихъ богачей высшей нравственной наградою за ихъ предвдущій трудъ въ видѣ возможности дѣлать высшее добро, не всегда достижное даже монархамъ.

— биржа (напримѣръ, Ротшильды). Государство, изображающее всенародный міръ, начинаетъ равномерно облегчать податную тяжесть своихъ гражданъ, убавляя, или вовсе отминая нѣкоторые налоги (Соединенные Штаты). По существу это одинъ и тотъ же процессъ, регулируемый *нравственнымъ началомъ*, коего примѣненіе чрезвычайно облегчается *основанными на чисто-нравственномъ же началѣ* абсолютными деньгами.

XXII.

Чтобы закончить настоящее изслѣдованіе, намъ остается выразить въ краткихъ чертахъ ту экономическую политику, которая, будучи основана на абсолютно-денежномъ обращеніи, можетъ создать наилучшія матеріальныя условія для страны, установивъ истинно свободныя и справедливыя отношенія между тремя основными экономическими элементами: трудомъ, капиталомъ и знаніемъ, и представивъ государству, какъ всю подобающую ему (на западѣ узурпированную капиталомъ) *власть*, такъ и подобающее ему *творчество*, вмѣстѣ съ его результатомъ — собственными, то-есть мірскими, всенародными средствами.

Прежде всего эта экономическая политика должна, на основаніи изложенныхъ началъ, установить сѣтъ учреждений, соответствующихъ абсолютнымъ деньгамъ. Въ основу этихъ учрежденій долженъ быть положенъ принципъ строгаго раздѣленія *хозяйства собственно государственнаго* (расходы управленія, просвѣщенія, обороны, суда и пр., словомъ, расходы по роспися) отъ *хозяйства народнаго*, заключающаго въ себѣ денежное обращеніе, народный кредитъ, или въ широкомъ смыслѣ *управленіе народными капиталами и трудомъ*.

Сѣтъ учреждений поэтому расположится такъ:

Наверху: отдѣльно стоящее учрежденіе, вѣдающее государственною росписью, то-есть расходами и приходами государства, а также его собственными капиталами и доходами, являющимися долею государства, какъ *результатъ* оплодотвореннаго народнаго труда. Это будетъ въ строгомъ смыслѣ *Державная Казна*, соответствующая, въ принятой у насъ терминологіи, части Министерства Финансовъ, Государственному Казначейству.

Рядомъ, въ совершенной независимости отъ перваго, учрежденіе, вѣдающее денежнымъ обращеніемъ, народнымъ кредитомъ и денежною частью всенародныхъ государственныхъ предпріятій. Это

будетъ *Большая Казна*, или по современной терминологіи—Государственный Банкъ.

Внизу, въ областяхъ (губерніяхъ) и уѣздахъ должны быть *Приказы Большой Казны* (отдѣленія Государственного Банка перваго и втораго разряда, слитыя вмѣстѣ съ губернскими и уѣздными казначействами). Сѣть этихъ учрежденій должна быть одна, не смотря на одновременныя ихъ операціи съ частными и государственными суммами. Такъ какъ счетъ ведется на одинаковую единицу и движеніе денегъ одинаково, то никакого затрудненія въ счетоводствѣ быть не можетъ, а между тѣмъ, при подобномъ единствѣ, *Большая Казна* можетъ въ любую минуту съ величайшею точностью имѣть всѣ данныя, какъ объ общемъ денежномъ обращеніи, такъ и о спеціальномъ состояніи счетовъ Державной Казны.

Главная задача Большой Казны — управленіе денежнымъ обращеніемъ посредствомъ пріема повсюду во всѣхъ своихъ приказахъ вкладовъ, выдача повсюду же ссудъ, установленія повсюду земледѣльческаго, торговаго и промышленнаго кредита, а также и посредствомъ выпуска въ обращеніе и уничтоженія излишнихъ денежныхъ знаковъ.

При такихъ условіяхъ всевозможные частные и общественные, или акціонерные банки становятся совершенною аномаліей и не потому, между прочимъ, чтобы государство стало ихъ преслѣдовать, или закрывать, а по невозможности конкуррировать съ совершенно *безкорыстнымъ* государственнымъ кредитомъ, довольствующимся самымъ небольшимъ чистымъ доходомъ въ запасныя средства государства. Для частнаго кредита останется лишь одна форма при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ быть, еще болѣе выгодная — это общества взаимнаго кредита.

Кредитъ государственный уже потому исключить кредитъ частный, понудить, такъ сказать, частный капиталъ пройти сквозь вклады, что въ мѣстныхъ приказахъ примутъ живое и дѣятельное участіе (оформленное весьма широко уставомъ) всевозможныя самоуправляющіяся мѣстныя земскія, городскія, сословныя, торговыя и промышленныя учрежденія и частные союзы и общества. Даже самое установленіе ссуднаго и вкладнаго процентовъ будетъ принадлежать мѣстнымъ приказамъ съ вѣдома и согласія, разумѣется, центрального учрежденія.

Такова схема организаціи денежнаго обращенія, въ тѣсной связи съ которой будетъ и экономическая политика государства, уже обри-

сованная въ общихъ чертахъ въ предыдущихъ главахъ и здѣсь лишь кратко формулируемая.

Эта экономическая политика, во-первыхъ, *должна пробуждать народный трудъ и улучшать формы существующаго*. Достижимо это посредствомъ какъ мнимыхъ, такъ и реальныхъ капиталовъ, создавая на тѣхъ и другихъ льготный, простой и доступный всякому трудящемуся кредитъ. При всемъ разнообразіи его формъ, преобладающими типами будутъ: *кредитъ земледѣльческій, ипотечный и мелкоративный*—долгосрочный съ неизмѣннымъ на долгое время ссуднымъ процентомъ. Соотвѣтственно этому кредиту имѣются и капиталы, ищущіе особенно долгаго, иногда вѣчнаго, и прочнаго помѣщенія. Таковы капиталы различныхъ учреждений, по своему нравственно вѣрному и неподвижному характеру какъ разъ отвѣчающіе прочному и солидному ипотечному кредиту. *Кредитъ земледѣльческій и промышленный оборотный*, съ болѣе короткими сроками, чѣмъ ипотечный, но все еще съ долгими сроками, дающій возможность выдерживать на складѣ запасы произведеній и товаровъ. Ему соотвѣтствуютъ и менѣе долгосрочные вклады, представляющіе капиталы частныхъ лицъ, или запасные капиталы общественныхъ учреждений, союзовъ, промышленныхъ предпріятій. Наконецъ, *кредитъ торговый, учетный* съ краткими сроками. Ему соотвѣтствуютъ и краткосрочные вклады, или текущіе счета.

Включеніе *уѣздовъ* въ сѣть учреждений Большой Казны дастъ полную возможность развивать и *мелкій*, преимущественно *сельскій кредитъ*, оживить множество небольшихъ крестьянскихъ и владѣльческихъ предпріятій и создать столь необходимую *зимнюю работу* русскому народу. Пусть всякое крестьянское товарищество, всякій отдѣльный крестьянинъ, или сельскій міръ, имѣютъ право кредитоваться и долгосрочно, и краткосрочно, при гарантіи въ смыслѣ солидности начинанія, хотя бы на самыя малыя суммы, и пусть не возражаютъ, что этотъ видъ кредита потребуетъ чрезвычайно сложной бухгалтеріи въ уѣздномъ приказѣ и большаго персонала. Если бы нынѣшнія уѣздныя казначейства съ однимъ казначеемъ-бухгалтеромъ и двумя, тремя писарями, ничего инаго не знающія, какъ выдавать жалованье, оплачивать купоны и принимать налоги отъ старостъ и старшинъ, обратились въ огромныя палаты, съ многочисленными отдѣленіями и множествомъ служащихъ, это означало бы только, что уѣздъ дѣлаетъ огромные обороты, что *онъ живетъ*. Очень возможно, что практика вызоветъ вскорѣ и новыя, еще болѣе мелкія, учрежденія, подвѣдомственные Большой Казнѣ—кредитныя учреж-

денія приходскія (когда же станетъ, наконецъ, *приходъ*, а не бумажная волость низшей административно-земской единицей?!). Но это уже частности.

Возвращаемся къ экономической политикѣ. Въ области денежнаго обращенія ея вторая формула: *увеличивать собственныя средства государства, то-есть, капиталы и запасы всенародныя*. Центральнымъ органомъ здѣсь является также Большая Казна, эти капиталы создающая и управляющая ихъ обращеніемъ, и затѣмъ Державная Казна, ихъ расходующая, вмѣстѣ съ тѣми средствами, которыя собираются съ народа на расходы государственныя.

Мы уже достаточно выяснили, кажется, способъ и условія образованія и помѣщенія государственныхъ запасныхъ капиталовъ. Здѣсь можетъ идти рѣчь только о счетоводствѣ и объ операціяхъ съ ними Большой Казны. Капиталы эти будутъ, очевидно, на вкладахъ наравнѣ со всякими другими общественными и частными капиталами, но въ банковской дѣятельности учрежденія ихъ значеніе въ виду нѣсколько особаго ихъ характера будетъ иное. Запасы народнаго труда, въ нихъ выраженные, въ общихъ оборотахъ казны, будутъ тѣмъ же, чѣмъ балластъ на кораблѣ; при усиленной нагрузкѣ излишній балластъ снимается, но онъ же необходимо увеличивается при нагрузкѣ малой, дабы придать судну надлежащую осадку и, слѣдовательно, надлежащую устойчивость.

Переводя этотъ примѣръ на формы государственнаго хозяйства, его можно выразить такъ: государственныя запасныя капиталы, выражающіе концентрированный народный трудъ въ распоряженіи Державной Казны, представляютъ въ операціяхъ Большой Казны подвижной, сжимаемый и расширяемый по требованію минуты элементъ. *Въ тяжелую для государства минуту это прямо расходующія запасныя средства* (отъ чего, разумѣется, пострадаютъ косвенно текущій трудъ и капиталы, но вѣдь тѣмъ же и отличается трудная минута); *въ спокойное время, при оживленіи народнаго труда, капиталъ этотъ долженъ возрасти, то-есть, налоги быть больше, въ обратномъ случаѣ, то-есть, при застоѣ налоги должны уменьшаться*.

Вотъ формула совершенно неизвѣстная западной финансовой теоріи, но представляющая прямой выводъ изъ нашей теоріи абсолютныхъ денегъ. Согласимся, что подобный регуляторъ представляетъ для государства огромную важность, ибо три рубля, взысканные съ гражданина, выгодно работающаго, легче для него иногда, чѣмъ рубль, взысканный съ него же въ минуту кризиса. А западная фи-

нансовая система даетъ какъ разъ обратное. Именно въ минуту тяжелую для гражданъ и должны увеличиваться ихъ жертвы на свою государственность.

XXIII.

Мы были бы несправедливы къ представителямъ западной науки, еслибы вздумали приписывать исключительно русской мысли возникновеніе и развитіе вышесказанныхъ здѣсь положеній. Среди западныхъ экономистовъ совершенно особнякомъ стоитъ великій нѣмецкій мыслитель (хотя и славянскаго происхожденія), Родбертусъ-Ягцовъ, который въ одномъ изъ своихъ превосходныхъ трудовъ съ величайшей ясностью охарактеризовалъ денежную исторію человѣчества и прямо высказалъ мысль о бумажныхъ деньгахъ, какъ о завершеніи его труднаго и болѣзненнаго финансоваго развитія. Это не глубокое и подробное научное изслѣдованіе, это лишь бѣглая замѣтка въ формѣ объяснительнаго примѣчанія къ другому труду, но это примѣчаніе стоитъ томовъ. Вотъ оно:

«Деньги, какъ ликвидаціонное средство раздѣленія труда, развиваются по тремъ главнымъ историческимъ моментамъ. Сначала онѣ еще вполнѣ *товаръ*, затѣмъ онѣ служатъ уже *только показателемъ цѣны* и удерживаютъ свое качество товара *только для того, чтобы правильно показывать*. Въ-третьихъ, онѣ *не нуждаются* уже болѣе *въ товарномъ качествѣ*, но не суть еще исключительно *только квитанція и переводъ*. Эти три фазы денегъ вполнѣ соответствуютъ тремъ хозяйственнымъ фазамъ (то-есть *оikosъ*, или семейно-родовое хозяйство, *polisъ*, или хозяйство земледѣльческо-городское и *современное государство*). Пока оборотъ имуществъ покоится еще на тяжело обращающемся механизмѣ денегъ, которыя словомъ *реситія* напоминаютъ о своемъ происхожденіи и, слѣдовательно, существуютъ ли онѣ еще *въ быкахъ, или уже въ золотѣ, сами еще обращаются вмѣстѣ, какъ товаръ*, до тѣхъ поръ все еще существуетъ натурально-хозяйственное положеніе, хотя бы обращающіяся суммы составляли тысячи фунтовъ золота (или 683 вагона французскаго національнаго банка), какъ онѣ обыкновенно также и циркулируютъ въ дѣйствительныхъ вѣсовыхъ фунтахъ... Если же затѣмъ деньги пріобрѣтаютъ въ большей мѣрѣ значеніе показателя и *удерживаютъ свое товарное качество только еще какъ предполагаемое ручательство за правильность показанія*, то-есть, это качество товара исполняетъ еще только

субсидіарную задачу быть регуляторомъ потребления, равнобѣрнагъ съ производствомъ, тогда, натурально-хозяйственное положеніе вытѣсняется *денежно-хозяйственнымъ*, но оно пока только еще именно денежно-хозяйственное, а не *кредитно-хозяйственное*. Таково положеніе денегъ въ нашемъ теперешнемъ состояніи: товарные обороты гораздо менѣе совершаются посредствомъ денегъ, чѣмъ *вычисляются на деньги, сравниваются съ послѣдними*. Деньги же въ качествѣ товара выступаютъ только еще, какъ *конечный регуляторъ цѣнности* (точнѣе, какъ единица измѣренія. Авт.). Между тѣмъ, кредитно-хозяйственный характеръ обнаружится только тогда, когда деньги сдѣлаются *исключительно только кавитачіей, переводомъ, когда они окончательно выбросятъ за бортъ свое товарное качество и въ состояніи будутъ сдѣлать это по той причинѣ, что тогда будутъ уже существовать такіа соціальныя учрежденія, которыя дозволятъ оказывать полное довѣріе даже такому нефундированному (необезпеченному) показателю цѣны. «Насколько лежитъ еще въ будущемъ осуществленіе этихъ условій, настолько еще мы удалены отъ наступленія кредитно-хозяйственнаго періода»¹⁾.*

Вотъ блестящее научно-экономическое и философское подтвержденіе изложенной нами въ этихъ статьяхъ денежной теоріи. Мы начали именно съ того, на чемъ остановился великій экономистъ. Дѣло въ томъ, что наши бумажки историческимъ путемъ уже стали абсолютными деньгами, разошлись съ золотомъ и совершенно утратили свое значеніе *деньгъ-товара*. На Западѣ еще во всей силѣ продолжается періодъ *товарно-денежнаго хозяйства*, у насъ уже совершился переходъ къ *абсолютно денежному* хозяйству. Тѣ условія, о которыхъ мечталъ Родбертусъ, то-есть, необходимый элементъ довѣрія и соответствующія учрежденія,—у насъ на половину имѣются. Непоколебимое довѣріе къ верховной власти на-лицо, на немъ построены весь нашъ государственный бытъ. Недостаетъ надлежащихъ финансовыхъ учрежденій, но ихъ не такъ трудно создать. Зачѣмъ же возвращать Россію къ пережитому ею и, по мѣткому выраженію Родбертуса, выброшенному за бортъ денежному хозяйству? Зачѣмъ добиваться и искать того, чтобы золото, переставшее быть у насъ деньгами и ставшее цѣннымъ товаромъ *и деньгами только междунаро́дными*, вновь овладѣло нашею финансовою системою? Не мѣшайте естественному прогрессу (въ хорошемъ смыслѣ), не мѣшайте Россіи

¹⁾ Родбертусъ-Ягелловъ: „Исслѣдованія въ области національной экономіи классической древности“. Переводъ. Ярославль, 1887 г. Примѣчаніе 51.

идти по тому пути, по которому Богъ видимо ведетъ ее впереди другихъ племенъ и народовъ, заставивъ, хотя и со страшною болью, выработать (или подойти къ выработкѣ) идеальную политическую форму государственности, и теперь, принуждая ее вырабатывать новую и совершеннѣйшую, чѣмъ гдѣ-либо, денежную систему. Повторяемъ: будемъ глядѣть впередъ, а не назадъ. Къ злоту мы не вернемся и вернуться не можемъ. Утѣшимся. Золото—отжившая *рабская и языческая* форма денегъ. Рабская потому, что приводитъ естественно къ господству капитала надъ трудомъ, еврея надъ христіаниномъ, биржи надъ церковью. Языческая потому, что золото-деньги исключаютъ *нравственную роль государства*. Россіи предстоитъ, съ болью, жертвами, недоразумѣніями и ошибками, конечно, выработать систему *христіанскихъ денегъ*, то-есть, такихъ, при которыхъ денежный знакъ является безусловно послушнымъ оружіемъ въ рукахъ *христіанскаго государства* и не искажаетъ формъ труда и жизненныхъ основъ *христіанскаго общества*, а мы, словно евреи вокругъ золотого тельца, плачемъ и рыдаемъ, что исторія разрушаетъ этого божка...

Вотъ почему мы повторяемъ съ особенною настойчивостью: будемъ же наконецъ смотрѣть на деньги, какъ на *орудіе учета народнаго труда, знаній и капитала*. Только этотъ ясный и простой взглядъ выведетъ насъ изъ тѣхъ финансовыхъ дебрей, въ которыхъ беспомощно бродятъ гг. Гурьевы и К^о, предлагая проекты одинъ другаго страннѣе и нелѣпѣе. Поймемъ же наконецъ, что намъ нужно одно единственное условіе:

Найти денежную единицу, которая была бы *постоянною сама по себѣ, а не по отношенію къ золоту*.

Эта единица у насъ есть. Ее дала намъ исторія. Это бумажный рубль, выпускаемый верховною властью. Условія его постоянства опредѣлены нами подробно раньше. Постоянство это—его *нейтральность*, его *безразличіе*, его *невмѣшательство* въ тѣ сдѣлки, которыя при помощи его совершаются. Чтобы это условіе было достигнуто, рублей въ каждой точкѣ русской территоріи нужно на лицо столько, сколько *потребуется жизнь*. Если этихъ рублей меньше, недостатокъ ихъ давитъ трудъ, знаніе и капиталъ въ одну сторону. Если ихъ больше—въ другую. Спасеніе отъ зла—устройство правильныхъ органовъ денежнаго хозяйства, гдѣ рубли рождаются, дѣйствуютъ и исчезаютъ совершенно автоматически, то-есть, какъ *переводъ*, какъ *квитанція*, а не какъ самостоятельный товаръ...

XXIV.

Теперь, надѣмся, оправдать и нашъ послѣдній, одиннадцатый тезисъ:

Осушествленіе въ полномъ видѣ системы финансовъ, основанной на абсолютныхъ деньгахъ, измѣнитъ самый характеръ современнаго русскаго государственнаго строя, освободивъ его отъ постороннихъ вліяній, усиливъ его нравственную сторону бытія и давъ возможность проведенія свободной христіанской политики.

Въ самомъ дѣлѣ: бумажныя деньги при стройности и полнотѣ учреждений и надлежащей экономической политикѣ являются удивительнымъ организаторомъ и счетчикомъ народнаго труда. При бумажныхъ деньгахъ только и возможна *идеальная свобода, какъ государственна*, такъ и его отдѣльныхъ *гражданъ* отъ всякаго попользованія съ чьей-либо стороны узурпировать власть. Эта власть остается за тѣмъ, кому она исторически принадлежитъ и остается въ ея чистомъ, свободномъ видѣ. Такая власть, отданная добровольно, являющаяся *тяжкимъ бременемъ, великимъ подвигомъ, а не торжествомъ, не цѣлью*, и будетъ властью истинно христіанскою, а освобожденіе трудящихся и берегающихъ отъ биржеваго насилія, хищной еврейской власти золота и неминуемыхъ социальныхъ катастрофъ, будетъ тѣмъ торжествомъ *христіанской цивилизаціи*, которую утратилъ Западъ, и *духовно, и научно, и экономически* сбившись съ дороги.

Да, читатель! Позвольте въ заключеніе этихъ бесѣдъ высказать нашу главную, основную руководящую мысль. Христіанская истина, неся человѣчеству свѣтъ *истинной свободы*, одна, только одна способна дать критерій и для христіанской политики, и для христіанской науки, и для христіанской экономии. Отживающая и подошедшая къ абсурду и самоубійству цивилизація Запада характеризуется тѣмъ, что во всѣхъ областяхъ, мало-по-малу, поставила основой грубый, безсмисленный и злой физическій *законъ необходимости*. Этотъ законъ матеріализма, двинувъ впередъ науки точныя и создавъ великіе успѣхи техники, овладѣлъ затѣмъ и душой человѣка, убилъ ея свободу, отрекся и отъ самой души, низложилъ въ гордынѣ своей Творца и Спасителя душъ. Дальше идти некуда... Побѣжденные стихійныя силы въ природѣ воскресли въ буйствующей душѣ человѣка и погубили ее. Для западной цивилизаціи уже начинается тьма, небытіе. У динамита нѣтъ ни мысли, ни оправданія, ни

философіи. Его девизъ одинъ — *нибель всему*. И Западъ гибнетъ въ страшныхъ конвульсіяхъ.

Припомните Саятандеръ и Барселону, прочтите письмо маленькаго, ничтожнаго и бездѣтнаго анархиста Лотье, вонзившаго яв съ того, ни съ сего ножъ въ сербскаго посланника Георгіевича, и вы увидите, что это наивное признаніе дикаря — *последнее* строго логическое слово западной цивилизаціи, эпитафія надъ ея могилой.

Да, эта цивилизація погибла. Ея когда-то гордые носители, ее изжившіе и пережившіе, съ надеждой и дѣтской радостью встрѣчаютъ въ самомъ всемірномъ центрѣ этой цивилизаціи грядущую другую, жадно ловятъ новый свѣтъ съ Востока.

И эта цивилизація идетъ совсѣмъ новая, совсѣмъ другая, съ другимъ основнымъ закономъ, *закономъ свободы во Христѣ*. Задача этой цивилизаціи: вернуть вновь въ подчиненіе стихійныя силы, сложить вновь къ подножію вѣры слѣпой законъ необходимости, вознести и очистить душу человѣческую.

Экономія и финансы — суть великія *орудія* общежитія человѣческаго. Въ рукахъ у закона необходимости они прислѣшили лишь смерть цивилизаціи Запада. Освѣщенные и согрѣтые закономъ христіанской свободы, они возродятъ наше общежитіе и создадутъ и истинную государственность, и истинную христіанскую цивилизацію. Падеть биржа, ставшая Церковью, и возсіяетъ истинная Христова Церковь.

Часть II.

Опытъ практической организаціи бумаго-денежнаго обращенія и народнаго кредита.

I.

До сихъ поръ мы изучали лишь общіе законы работы абсолютныхъ знаковъ, почти не спускаясь въ частности и не ставя вопроса объ организаціи центральнаго народно-финансоваго органа. Мы назвали лишь его Большою Казною въ отличіе отъ Казны Державной, финансоваго органа собственно государственнаго. Мы выяснили въ общихъ чертахъ функціи того и другаго и теперь должны перейти къ практической сторонѣ дѣла и попытаться рѣшить слѣдующій вопросъ:

Какова же должна быть надлежащая организація Государственнаго Банка, или какъ мы его назвали, *Большой Казны*, ибо пора бы уже, казалось, отрѣшиться намъ отъ этой иностранной терминологіи, русскій языкъ не обогащающей, а только уродующей.

Исходя изъ высказанныхъ нами теоретическихъ положеній, не трудно усмотрѣть, что для постановки на правильныхъ началахъ центральнаго государственнаго учрежденія, вѣдающаго денежнымъ обращеніемъ, необходимо имѣть въ виду его главное назначеніе: *быть экономическимъ сердцемъ страны* и, подобно тому, какъ живое сердце безраздѣльно съ кѣмъ бы то ни было управляетъ кровообращеніемъ, такъ и Большая Казна должна одна безраздѣльно управлять денежнымъ обращеніемъ.

Сходство обоихъ процессовъ въ самомъ дѣлѣ поразительное. Кровь, окисленная въ легкихъ, исходитъ изъ сердца по артеріямъ, производитъ работу въ волосныхъ сосудахъ и возвращается въ

сердце по венамъ, чтобы вновь, окислившись въ легкихъ, идти въ обращеніе. Бумажка, выйдя изъ Большой Казны, проходитъ по ряду артерій, совершая постоянно свою счетную работу (осуществляя, учитывая и заключая сдѣлки), и возвращается назадъ истрепанная, разорванная, засаленная.

Бумажки сжигаются, затѣмъ возрождаются въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ и вновь выталкиваются въ обращеніе. И совершенно такъ же, какъ въ тѣлѣ человека, часть крови по особымъ артеріямъ и венамъ питаетъ и само сердце (Большую Казну) и голову (правительство),—такъ въ государственномъ организмѣ часть текущаго народнаго труда, изображаемаго денежными знаками, питаетъ собственно государство, въ лицѣ его многочисленнаго служебнаго персонала.

Comparaison n'est pas raison, положимъ, но такая поразительная аналогія процессовъ невольно наталкиваетъ на мысль, что первое условіе здоровой дѣятельности Большой Казны—есть полнѣйшее единство ея органовъ.

Не будемъ пока говорить объ абсолютныхъ, или кредитныхъ деньгахъ; рассмотримъ вопросъ объ организаціи центральнаго денежнаго органа въ государствѣ, аналогичнаго по своему устройству и при деньгахъ, опирающихся на фондъ, и при деньгахъ абсолютныхъ.

Что мы видимъ сейчасъ въ Россіи?

На лицо какъ бы два главныхъ сердца съ ихъ системами кровеносныхъ сосудовъ и множество сердецъ дополнительныхъ, связанныхъ, однако, съ однимъ изъ главныхъ сердецъ.

Во-первыхъ, нынѣшній Государственный Банкъ и его конторы и отдѣленія. Эта сѣть имѣетъ кровообращеніе по очень грубымъ сосудамъ. Волосныхъ сосудовъ, гдѣ идетъ самая главная работа, у нея почти вовсе нѣтъ.

Во-вторыхъ, Государственное Казначейство, имѣющее очень сложную систему сосудовъ, но тѣло *вовсе не питающую*. Уѣздныя казначейства высасываютъ часть крови (денежнаго средства) изъ организма, но эта кровь, попадая въ сердце, идетъ не на питаніе всего тѣла, а лишь на питаніе нѣкоторыхъ органовъ при истощеніи остальныхъ, отчего питаемые органы безмѣрно утолщаются (жалованья, бюрократія и ея непомѣрное развитіе, стремленіе всѣхъ попасть въ чиновники, т. е. пристроиться къ одной изъ питающихъ артерій).

Въ третьихъ, отдѣльныя сердца, съ ихъ отдѣльными системами—

частные и специальные государственные банки. Функции этих сердец, будучи даже отдѣльно возможно совершенными, не могутъ быть плодотворными потому, что зависятъ отъ главнаго органа кровообращенія, функционирующаго неправильно и располагающаго недостаточнымъ количествомъ крови. Совсѣмъ другое было бы дѣло, еслибы эти банки были самостоятельно эмиссионными, какъ въ Америкѣ, но наше государственное устройство имѣетъ *иной типъ*, оно не могло примириться даже съ такой невинной, но очень плодотворной вещью, какъ мальцевскія деньги, ходившія полнымъ курсомъ по всей Калужской губерніи, и недавно еще засудило одного изъ южныхъ предводителей дворянства за квитки, которые, при вопіющемъ недостаткѣ денежныхъ средствъ въ мѣстности, ходили какъ государственныя бумажки.

Оставляя физиологическія сравненія, мы видимъ, что сѣтъ органовъ Государственнаго Казначейства не имѣетъ ничего общаго съ сѣтью органовъ Государственнаго Банка, вслѣдствіе чего денежное обращеніе терпитъ огромный ущербъ и деньги неминуемо застаиваются и дѣлаютъ долги и бесполезныя передвиженія. Частные банки, будучи въ тѣсной зависимости отъ Банка Государственнаго, ничего инаго не дѣлаютъ, какъ *торгуютъ деньгами по мелочамъ* и подчиняютъ общественный кредитъ произвольнымъ и совершенно бесполезнымъ стѣсненіямъ, давая возможность наживаться своимъ акціонерамъ и разнымъ ростовщикамъ и задерживая нормальный ходъ промышленности и торговли.

Поэтому, первая задача переустройства нашихъ финансовыхъ учрежденій состоитъ въ томъ, чтобы *привести ихъ къ полному и безусловному единству*. Деньги должны обращаться внутри *только одной сѣти ссудовъ* или органовъ. Сквозь эту сѣть *по счетамъ*, т. е. книгамъ, *на бумигъ* могутъ проходить какіе угодно капиталы, но *всякая уплата денегъ и всякое ихъ полученіе должны производиться только однимъ изъ органовъ этой единой сѣти*, центръ коей, экономическое сердце, должно находиться *вполнѣ въ области дѣятельности и власти государственной*. Практически это можно себѣ представить такъ:

Центръ системы, эмиссионное, кредитное и расчетное учрежденіе—Большая Казна. Во главѣ ея—министръ Народнаго Хозяйства или, по-древнему, какъ сочтется наиболѣе подходящимъ, напр. бояринъ Большой Казны, или Большой Казначей (въ отличіе отъ Державнаго, или Государственнаго Казначая).

Органы ея: приказы областныя и уѣздныя, совмѣщающіе въ

себѣ всѣ отрасли денежнаго хозяйства въ провинціи. Меньшіе органы, если представится надобность — Приходскія Казны.

Становятся излишними: Государственное Казначейство и всѣ его особые органы. Собственно государственное хозяйство будетъ представлять лишь счетъ денежныхъ суммъ исключительно бюджетныхъ и запасныхъ (всенародные капиталы) и будетъ вестись особымъ учрежденіемъ—Государственною или Державною Казною, съ Державнымъ Казначеемъ во главѣ, по приказамъ котораго Большая Казна будетъ также получать и выдавать, какъ и по приказамъ иныхъ своихъ кліентовъ.

II.

Совершенно очевидно, что Большая Казна должна быть совершенно самостоятельна и независима отъ другихъ государственныхъ органовъ. Поэтому, смѣшеніе въ одномъ лицѣ двухъ столь различныхъ функцій, какъ управленіе народнымъ денежнымъ обращеніемъ и движеніемъ собственно государственныхъ доходовъ и расходовъ по росписи—явленіе совершенно ненормальное. Министръ финансовъ, которому съ одной стороны нужно заботиться и вести хозяйство народное, требующее часто великихъ жертвъ отъ государства, съ другой стороны, съ того же народа и его хозяйства изыскивать средства на содержаніе и расходы государственнаго аппарата, попадаетъ въ самое неловкое и двусмысленное положеніе. Сами собою интересы бюджетные, какъ ближайшіе и видѣйшіе, берутъ верхъ, и вся задача министра финансовъ сводится на искусное составленіе и исполненіе росписи при помощи различныхъ биржевыхъ и банковыхъ комбинацій, а главное, путемъ непрерывно увеличивающихся разнаго рода займовъ и налоговъ. Народное хозяйство остается совершенно въ сторонѣ, предоставленное самому себѣ. Государственный Банкъ живетъ своею почти замкнутою жизнью и въ его нынѣшнемъ видѣ совершенно не въ состояніи отвѣтить не только нуждамъ народнаго хозяйства, но даже нуждамъ денежнаго обращенія, регулируемаго совершенно произвольно, на основаніи соображеній, которыя нельзя не назвать по-просту странными.

Такъ, кредитныхъ билетовъ обращается въ странѣ ничтожное количество (около 1.100 милліоновъ). Въ обезпеченіе ихъ размѣна имѣется значительный золотой фондъ, который, однако, въ размѣнъ не пускается. Новые выпуски въ гомеопатическихъ дозахъ произво-

дятся, отчисляя въ фондъ новыя количества золота рубль за рубль. Рассчитываютъ, что этимъ путемъ удерживается международная цѣнность рубля и его внутренняя покупная стоимость, между тѣмъ, курсъ не повышается, колеблется по совершенно инымъ законамъ. И вдобавокъ и министръ финансовъ, и управляющій Государственнымъ Банкомъ лишены всякой возможности знать, довольно ли въ странѣ мѣноваго денежнаго средства? Объ этомъ можно лишь говорить гадательно. Вотъ почему такой глубоко разумный и плодотворный актъ верховной власти, какъ ассигнованіе въ 1892 году 94-хъ милліоновъ новыхъ кредитныхъ билетовъ на постройку Сибирской дороги, былъ обставленъ въ финансовомъ вѣдомствѣ весьма оригинальными, но совершенно излишними оговорками. Говорилось, что это не новыя деньги, а старыя, изъятые, но случайно не сожженныя. Эта оговорка не точна ни нравственно, ни фактически. Во-первыхъ, если по указу Государя такія-то кредитки изъяты изъ обращенія и ихъ *повелѣно сжечь*, то будь онѣ дѣйствительно сожжены, или только приготовлены къ сожженію, для гражданъ этихъ денегъ уже не существуетъ. Во-вторыхъ, вѣдь *тѣ* бумажки были стараго образца. Ихъ все равно надо сжечь и выпустить *новыя*. А такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ бумажками въ матеріальномъ смыслѣ, а съ *нравственными величинами*, то ясно, что сжечь тѣ бумажки не огонь *теперь*, а указъ Государевъ *тогда*, и на постройку Сибирской дороги выпускаются ¹⁾ *новыя* знаки и выпускаются самымъ плодотворнымъ образомъ въ качествѣ *многого капитала*, который оплодотворитъ долю народнаго труда, обратитъ выпущенные знаки въ деньги, и дорогу, великую Сибирскую дорогу, прямо подаритъ государству. Ясно, что если теперь этотъ актъ имѣетъ видъ какой-то уступки, компромисса передъ господствующей теоріей, то его великое практическое значеніе этимъ не умаляется, а только съ ясностью выступаетъ на видъ несостоятельность господствующей теоріи и жалкое положеніе центральнаго органа денежнаго обращенія, никакъ не могущаго предъугадать, какія измѣненія на денежномъ рынкѣ произведутъ эти вновь выпускаемые 94 милліона.

Изъ этого примѣра, независимо отъ коренныхъ недостатковъ существующей денежной системы, явствуетъ, что управленіе Большою Казною должно быть совершенно самостоятельно, и что глава

¹⁾ Говоримъ про принципъ. Министерство Финансовъ, какъ извѣстно, строить Сибирскую дорогу на остатки свободной наличности и къ выпуску знаковъ не прибѣгло.

этого вѣдомства долженъ занимать не подчиненное и второстепенное положеніе въ министерствѣ Финансовъ, а по крайней мѣрѣ, одинаковое съ другими министрами. Другими словами, народное денежное хозяйство (Большая Казна и ея органы) должно вѣдать одно независимое учрежденіе, государственную роспись (Державную Казну) другое. Во главѣ каждого изъ этихъ учреждений должны стоять лица (Большой Казначей и Державный Казначей) независимые другъ отъ друга, хотя и работающіе согласно во всѣхъ общихъ вопросахъ и имѣющіе каждый свой особый самостоятельный докладъ у Государя, только приче́мъ верховная власть и можетъ имѣть полную свободу и полное всестороннее освѣщеніе для своихъ опредѣленій.

Итакъ, основныя задачи Большой Казны должны быть:

1) Управленіе народнымъ денежнымъ обращеніемъ, т. е. выпускомъ и уничтоженіемъ денежныхъ знаковъ.

2) Монопольная торговля золотомъ, т. е. битье монеты для международныхъ расчетовъ, покупка и продажа драгоценныхъ металловъ.

3) Битье разнѣной внутренней монеты.

4) Завѣдываніе всѣми формами государственнаго кредита, должествующаго вытѣснить *мало-по-малу* всѣ формы частной торговли деньгами. Операциі съ вкладами и ссудами.

5) Производство всѣхъ денежныхъ операцій Державной Казны.

6) Обороты со всенародными (государственными) запасными капиталами, денежные обороты и расчеты по всѣмъ государственнымъ предпріятіямъ, завѣдываніе международною хлѣбною операціею и хлѣбными государственными запасами, завѣдываніе добычею золота.

Основныя задачи Державной Казны будутъ:

1) Составленіе государственной росписи.

2) Производство всякихъ смѣтныхъ и чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ, посредствомъ приказовъ Большой Казнѣ и ея мѣстнымъ органамъ.

3) Изысканіе и полученіе всякихъ государственныхъ доходовъ и образованіе государственныхъ капиталовъ и запасовъ. Исчисленіе, установленіе и взиманіе всякихъ налоговъ посредствомъ мѣстныхъ органовъ Большой Казны.

Очевидно, что обѣ эти области въ извѣстныхъ отрасляхъ тѣсно соприкасаются другъ съ другомъ, а потому требуютъ дружной, совмѣстной работы. Недоразумѣній быть не можетъ никакихъ на томъ основаніи, что основнымъ принципомъ дѣятельности Большой Казны

будетъ точность и строгость учета всѣхъ операций, ради свободы и независимости народнаго труда и капитала, основнымъ принципомъ дѣятельности Державной Казны — изысканіе средствъ для возможно широкой и плодотворной дѣятельности государственнаго аппарата при наибольшемъ развитіи собственныхъ средствъ государства и наименьшихъ пожертвованіяхъ частныхъ лицъ. Дѣятельность Большой Казны будетъ имѣть въ результатѣ *отчисленіе все большихъ и большихъ средствъ во всенародное достяганіе, т. е. въ распоряженіе Державной Казны*. Этотъ именно фактъ и устраняетъ всякія пререканія, устанавливая полнѣйшую ясность компетенцій. Большая Казна только регуляторъ денежнаго обращенія и косвенно народнаго труда. Она только оберегаетъ его отъ разстройства. Державная Казна — хозяинъ коллективнаго, безличнаго, всенароднаго, т. е. государственнаго блага. Противорѣчія въ дѣятельности обоихъ этихъ вѣдомствъ возможны только въ одномъ случаѣ, именно, когда народу приходится жертвовать на свою государственность въ ущербъ своему благосостоянію и труду. Въ этихъ случаяхъ у престола Царя являются обѣ стороны: народный трудъ, въ лицѣ главы Большой Казны и государство, въ лицѣ главы Державной Казны, и свободной власти Государя принадлежит по разуму и совѣсти постановить свое безапелляціонное рѣшеніе. Это совершенно противоположно нынѣшнему порядку, гдѣ въ подобныхъ случаяхъ обѣ стороны совмѣщаются въ лицѣ министра финансовъ, который представляетъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Государя свое готовое уже, составленное и мотивированное мнѣніе.

Такимъ образомъ, необходимость въ низшихъ органахъ для Державной Казны совершенно устраняется. Наоборотъ, тѣмъ ярче выступаетъ необходимость полной и совершенной организаціи мѣстныхъ органовъ денежнаго обращенія, кровеносной сѣти сосудовъ Большой Казны. Дѣятельность этихъ органовъ сама собою приурочивается къ административному и земскому дѣленію Россіи на области (губерніи) и уѣзды. Въ каждой губерніи и въ большихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ должны быть болѣе сложные органы денежнаго обращенія; въ уѣздахъ, въ мѣру болѣе простой дѣятельности, органы менѣе сложные. Наконецъ сѣть этихъ учреждений можетъ заканчиваться *селомъ*, гдѣ возможны настоящіе кровеносные *волосные* сосуды, въ видѣ простѣйшихъ органовъ получения и выдачи денегъ — *приходскихъ кассъ*. Нельзя же допустить, повторяемъ, чтобы нелѣпая, бумажная волость долгое время еще могла оставаться земскою и административною низшею единицею.

Дѣятельность областного (губернскаго) *Приказа Большой Казны*, или просто *Областной Казны* должна заключаться въ слѣдующемъ:

1) Въ завѣдываніи всѣми отраслями вкладной и ссудной операціи, т. е. въ пріемъ вкладовъ и выдачѣ ссудъ на всѣ сроки. Такимъ образомъ, мѣстный долгосрочный ипотечный кредитъ сосредоточивается въ этомъ учрежденіи.

2) Въ управленіи мѣстнымъ денежнымъ обращеніемъ посредствомъ измѣненія высоты вкладнаго и ссуднаго процентовъ на всю область по постановленію мѣстнаго совѣта казны въ предѣлахъ нормъ и правилъ, установленныхъ Большою Казною, или съ ея разрѣшенія (а также по ея распоряженію) въ случаяхъ необходимыхъ уклоненій за эти нормы.

3) Въ обращеніи принадлежащихъ государству и мѣстному областному земству капиталовъ.

4) Въ производствѣ всякаго рода современныхъ банковыхъ операцій, въ томъ числѣ комиссіонныхъ, какъ для государства, земства и городовъ, такъ и для частныхъ лицъ и учреждений.

Дѣятельность уѣздныхъ Приказовъ Большой Казны или Уѣздныхъ Казенъ будетъ обнимать собою:

1) Вкладную и ссудную операцію по процентамъ, устанавливаемымъ Областною Казною. Среднесрочный и краткосрочный кредитъ. Текущіе счета.

2) Обращеніе мѣстныхъ, государственныхъ и уѣздныхъ земскихъ капиталовъ.

3) Производство всякаго рода банковыхъ операцій, необходимыхъ для мѣстной торговли и промышленности.

Наконецъ, Приходская Касса или Казна будетъ представлять собою нынѣшнюю, нѣсколько расширенную, ссудосберегательную кассу Государственнаго Банка съ пріемомъ на вкладъ мелкихъ народныхъ сбереженій, съ выдачею мелкихъ же ссудъ и съ производствомъ въ извѣстныхъ предѣлахъ переводовъ и текущихъ счетовъ.

Нечего и говорить, что всѣмъ этимъ учрежденіямъ долженъ быть приданъ характеръ полнѣйшей самостоятельности дѣйствій, разумѣется подъ строгимъ контролемъ центрального учрежденія и специальныхъ контрольных органовъ государства на основаніи весьма широкаго, но и весьма точнаго регламента. Нѣтъ никакого смысла, чтобы эти учрежденія за всякой мелочью, за всякимъ пустякомъ обращались въ столицу за разрѣшеніемъ, внося невыносимыя проволочки въ живое дѣло и слагая съ себя отвѣтственность именно въ томъ случаѣ, гдѣ эта отвѣтственность важнѣе всего. Теперь, напри-

мѣръ, отдѣленія Государственнаго Банка, а также отдѣленія Крестьянскаго и Дворянскаго банковъ лишены всякой самостоятельности и входятъ съ представленіями поистинѣ нелѣпыми, (напримѣръ, о разрѣшеніи нѣкоторыхъ кредитовъ), какъ-будто въ Петербургѣ лучше, чѣмъ на мѣстѣ, въ Твери или Новгородѣ, знаютъ о положеніи дѣлъ или имѣній такого-то.

Эта же самостоятельность имѣетъ и ту превосходную сторону, что вызываетъ къ жизни мѣстную общественную самостоятельность. И Областной, и Уѣздной Казнѣ, какъ банковымъ учрежденіямъ, придется работать, соприкасаясь со всѣми почти мѣстными экономическими силами. Это соприкосновеніе выразится во множествѣ самостоятельныхъ учетныхъ комитетовъ вокругъ каждой казны, соотвѣтственно разнымъ видамъ кредита (напримѣръ, учетный комитетъ отъ землевладѣльцевъ, отъ фабрикантовъ и промышленниковъ, отъ городскихъ и сельскихъ торговцевъ, отъ крестьянскихъ обществъ, отъ крестьянскихъ кустарныхъ и промышленныхъ товариществъ и пр.). Затѣмъ, въ тѣсную связь съ мѣстною казною станутъ областное и уѣздное земство и городскія управленія. Казна, ставъ живымъ мѣстнымъ экономическимъ центромъ, не можетъ не оживить и всей мѣстной жизни, создавъ для самоуправленія категорію реальныхъ, жизненныхъ, а не мнимыхъ бумажныхъ интересовъ. При надлежащемъ контролѣ со стороны государства злоупотребленія почти не будутъ возможны. Еще большее оживленіе почувствуется въ селѣ, нынѣ совершенно лишенномъ всякаго кредита и всякихъ оборотныхъ средствъ. Богачи до сихъ поръ держатъ свои сбереженія въ кубышкахъ, а народу предоставляется кредитоваться у кулаковъ по 5 и до 10 коп. за рубль въ мѣсяцъ.

III.

Наши финансисты ломаютъ головы и копыя надъ двумя вопросами: во-первыхъ, откуда достать денегъ для развитія самонужнѣйшихъ формъ кредита, безъ котораго совершенно парализованъ народный трудъ; во-вторыхъ, что дѣлать съ нашимъ огромнымъ государственнымъ долгомъ, платежъ процентовъ по которому, несмотря ни на какія конверсіи, переходитъ за $\frac{1}{4}$ миллиарда въ годъ!

Они и не подозреваютъ того, что это вѣдь двѣ половины одного и того же вопроса, только искусственно расколотыя. Трудъ прошедшій (богатство, капиталы) отдѣленъ отъ труда настоящаго и будущаго,

заперть искусственно въ кладовыя Государственнаго Банка (по послѣднему балансу *на храненіи цѣнностей*, т. е. процентныхъ бумагъ въ этомъ учрежденіи, 2¼, миллиарда при денежномъ обращеніи въ 1.100 милл.) и вмѣсто того, чтобы помогать труду настоящему, его же угнетаетъ платежами по купонамъ.

Чтобы поднять народный трудъ и благосостояніе, нужно широчайшее развитіе кредита — съ этимъ, кажется, согласны всѣ. Чтобы развить повсюду потребный кредитъ, нужно такое количество знаковъ, чтобы *всякая серьезная сдѣлка* (не одинъ учетъ векселей только), *всякая меліорация могла осуществиться*, чтобы учрежденіе кредитующее никогда не говорило: «нѣтъ денегъ».

Съ другой стороны, платежъ по безчисленнымъ русскійскимъ купонамъ идетъ прямо изъ бюджета, т. е. изъ налоговъ, совершенно высасывая страну. Почему бы этотъ платежъ не переложить *съ исчезающаго нынѣшняго труда на трудъ будущій, который эти же самые капиталы могутъ и вызвать?*

Если бы намъ не остались въ наслѣдство эти безразсудные 4 миллиарда (или болѣе) долговъ, сдѣланныхъ почти всѣ искусственно, народный кредитъ могъ бы быть прямо организованъ изъ *минималъ капиталовъ*, т. е. на выпускъ новыхъ знаковъ въ мѣру ихъ потребности, и тогда весь доходъ съ кредита, все «вознагражденіе капитала» пошло бы во всенародное мірское, государственное достояніе (см. первыя главы); теперь, къ несчастію, этого сдѣлать нельзя. Пускать въ народное обращеніе приходится готовые, уже образовавшіеся капиталы, а потому понятно — и доля вознагражденія пойдетъ имъ, а не государству и накопленіе всенароднаго запаса будетъ совершаться значительно медленнѣе.

Позволимъ себѣ пояснить это реальнымъ примѣромъ: возьмемъ какую-нибудь отдѣльную губернію, на примѣръ, Смоленскую. Пусть будетъ перестроенъ Государственный Банкъ и открыта Смоленская Областная Казна (Смоленское отдѣленіе Государственнаго Банка) и двѣнадцать уѣздныхъ. Образованъ рядъ учетныхъ и меліорационныхъ комитетовъ, открыты разнообразныя виды кредита и пріемъ вкладовъ. Обращается сейчасъ въ губерніи такое количество знаковъ, на котормъ ни кредита развить никакого нельзя, ни вкладамъ образоваться не изъ чего. Остановка будетъ за знаками. Откуда ихъ взять?

Представимъ себѣ, что государство, ранѣе сдѣлавшее *консолидацію* знаковъ въ процентныя бумаги, поступитъ обратно — произведетъ *ликвидацию*. Оно снимаетъ съ рынка, погашаетъ вновь выпущенными знаками какой-нибудь свой заемъ. Владѣлецъ 4-проц. бу-

маги рѣшительно ничего не потеряетъ, а будетъ даже благодаренъ если у него возьмутъ его облигацію, стоимость которой вѣчно колеблется, и выдадутъ вкладной билетъ, размѣнный по предъявленію въ любомъ учрежденіи Большой Казны. Тогда эти выпущенныя деньги и составятъ *вкладъ*, напримѣръ, хоть въ ту же Смоленскую казну и на этотъ вкладъ и могутъ начаться ея первыя расширенныя кредитныя операціи.

Въ результатъ: государственный бюджетъ освобожденъ отъ платежа процентовъ по займу, владѣлецъ капитала спокоенъ за размѣръ своего имущества, его деньги *работаютъ*, а не *истреблены*, трудящійся заемщикъ имѣетъ къ услугамъ деньги-орудіе, деньги-капиталъ по условіямъ свободнаго соглашенія, а не на ростовщическихъ началахъ, и затѣмъ въ пользу государства остается весь чистый банковскій заработокъ кредитнаго учрежденія, т. е. разница между ссуднымъ и вкладнымъ процентомъ за покрытіемъ административныхъ расходовъ.

Разумѣется, сразу сдѣлать что-либо подобное въ огромныхъ размѣрахъ, напримѣръ, ликвидировать весь процентный долгъ, трудно. Этимъ можно вызвать если не потрясеніе, то жестокую лихорадку и въ земледѣліи, и въ промышленности. Но это можетъ случиться лишь тогда, когда кредитъ, устроенный въ областяхъ, будетъ безразсуденъ, недостаточно строгъ и обдуманъ и вообще *выше, чѣмъ кредитоспособность*, или, что то же самое, *готовность къ труду* населенія и техничекій уровень предпринимателей.

Разумѣется *сейчасъ* четыре миллиарда процентныхъ бумагъ, размѣняемые на знаки, поглощены промышленностью, торговлей и земледѣліемъ быть не могутъ, или, другими словами, земледѣліе и промышленность не могутъ *добровольно и свободно* переложить на себя изъ бюджета всѣ 250 милліоновъ рублей, ищущихъ на уплату купоновъ. Значительную часть придется по-прежнему взыскивать въ видѣ налоговъ, но важно то, что кредитъ станетъ расти и расширяться, и въ нѣсколько лѣтъ будетъ достигнуто правильное, здоровое размѣщеніе всѣхъ выпущенныхъ знаковъ. Разумѣется также, что государство должно къ этому приложить всѣ усилія и помочь возникновенію новыхъ формъ труда, о чемъ рѣчь впереди.

Пока намъ довольно выяснитъ первый и второй шаги на пути нашего финансоваго излѣченія. Первый шагъ — переустройство денежныхъ учреждений, образованіе сѣти органовъ Большой Казны и открытіе очень строгаго и осторожнаго, но разносторонняго и разнообразнаго кредита и прежде всего въ уѣздахъ. Второй шагъ: ликви-

дація процентныхъ бумагъ съ переводомъ ихъ во вклады, причеиъ эта ликвидація можетъ быть сдѣлана или одновременно, путемъ обмена бумагъ на другія, или послѣдовательно, по мѣрѣ выясняющихся нуждъ страны въ денежныхъ средствахъ. Процессъ будетъ по существу одинъ и тотъ же, но его обстановка въ томъ и другомъ случаѣ будетъ нѣсколько иная, и это мы сейчасъ рассмотримъ.

Мы говоримъ, разумѣется, только о долгахъ, заключенныхъ въ кредитной валютѣ, и прежде всего о чисто государственныхъ долгахъ, затѣмъ о займахъ на спеціальныя цѣли, какъ напр. на желѣзныя дороги, дворянскій и крестьянскій кредитъ и т. д. О долгахъ металлическихъ говорить не будемъ, такъ какъ условія ихъ ликвидаціи совсѣмъ иныя. Кредитный долгъ можетъ быть погашенъ простою выплатою капитала въ кредитныхъ рубляхъ, или выдачею вкладнаго билета разнѣннаго по предъявленію. Долгъ металлическій можетъ погашаться или металломъ, что уничтожило бы наши запасы золота, или металлическими же, но истинно разнѣнными обязательствами, которыя точно также поставятъ въ опасность золотую наличность Россіи.

Наконецъ, металлическіе долги стоятъ какъ бы внѣ общей внутренней денежной сѣти. На ихъ погашеніе могутъ быть обращаемы добываемое золото и золотые доходы казны, напр. таможенный. Недостатокъ этихъ средствъ можетъ покрываться усиленной расплатою продуктами народнаго труда, причеиъ, *какъ только наши международный балансъ станетъ заключаться въ нашу пользу, такъ внѣшній долгъ будетъ самъ собою убывать.* Говорить поэтому будемъ лишь о нашихъ долгахъ кредитныхъ.

И такъ, могутъ представиться два способа: одновременная ликвидація и постепенное снятіе съ рынка займа за займомъ.

Выгоды перваго способа неоспоримы. Достаточно исчислить приносимые тѣми или другими бумагами доходы и фиксировать ихъ, имѣя въ виду лишь одно: чтобы владѣлецъ капитала получалъ столько же дохода, сколько и раньше. Капиталисту все равно, если онъ получалъ $4\frac{1}{2}$ рублей со ста рублей капитала, или будетъ получать четыре со ста, если при этомъ его капиталъ возрастетъ до $112\frac{1}{2}$ руб. и слѣдовательно будетъ приносить тѣ же $4\frac{1}{2}$ руб. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ ликвидація будетъ простымъ расчетомъ доходности и перечисленіемъ капитала. При этомъ заемщику дается бумага, никакимъ колебаніямъ не подверженная и во всякую минуту размѣнная. Очевидно, эти ея преимущества могутъ быть уравновѣшены незначительнымъ пониженіемъ процента.

Въ результатѣ операции получится огромный капиталъ вкладовъ,

съ которымъ государство пусть на первыхъ порахъ и не знаетъ, какъ поступить производительно. Оно платитъ по нимъ проценты, кромѣ той части вкладовъ, которая соотвѣтствуетъ уже выданнымъ ссудамъ. На остальные идетъ платежъ прямо изъ бюджетныхъ средствъ, и разница съ нынѣшнимъ положеніемъ будетъ лишь та, что по мѣрѣ развитія кредита платежъ этотъ будетъ убывать, пока не прекратится вовсе.

Во второмъ случаѣ, т. е. когда займы будутъ сниматься послѣдовательно, произойдетъ слѣдующее: государство назначило, положимъ, вкладной процентъ 3¹/₂. Бумага приносила 4¹/₂ проц. Къ моменту ея выкупа ея цѣна возрастетъ противъ номинальной какъ разъ настолько, что новый процентъ по вкладу и старый по купону почти сравняются. Заемщикъ, получившій свой капиталъ бумажными рублями по биржевой цѣнѣ и сдавшій эти рубли во вкладъ, ровно ничего не потеряетъ и не выиграетъ.

Со снятіемъ съ рынка одного, двухъ, трехъ займовъ, биржевая цѣнность или курсъ остальныхъ неминуемо повысятся. Есть экономическій законъ, по которому доходъ отъ всякаго рода капиталовъ въ данное время стремится къ равенству, и потому ясно, что относительно своей биржевой цѣны и 3 проц. и 4¹/₂ проц. государственная бумага одинаково доходны.

Повторяемъ: процессъ тождественъ, и вся разница будетъ лишь въ томъ, что такъ какъ на всякой денежной конверсіи или ликвидаціи неминуемо теряетъ государство и наживаютъ биржевики и банкиры, то для государства всего лучше та операція, которая биржу *по возможности устраняетъ вовсе*. Государство могло бы рядомъ финансовыхъ маневровъ парализовать биржу, такъ сказать, *обмануть ее*, но право, это не дѣло христіанскаго государства.

Поэтому первый способъ мы считаемъ безусловно предпочтительнымъ. Практически онъ можетъ оформиться такъ:

1) Правительство, т. е. Большая Казна устанавливаетъ желательный и возможный по времени вкладной процентъ и исчисляетъ на него всевозможные государственные долги, написанные въ кредитной валютѣ.

2) Владѣльцамъ бумагъ выдаются разнѣнные вкладные билеты, приносящіе тотъ же доходъ.

3) Вклады пишутся долгомъ за Державной Казной (Государственнымъ Казначействомъ), которая изъ росписи своей платитъ по нимъ проценты.

4) Валюта этихъ вкладовъ въ видѣ вновь выпущенныхъ бумаж-

ныхъ рублей распредѣляется по областямъ и уѣздамъ и постепенно путемъ развитія кредитныхъ операций (путемъ ссудъ) пускается въ народное обращеніе.

5) По мѣрѣ выпуска въ обращеніе бумажныхъ денегъ, суммы ихъ списываются съ долга Державной Казны, и проценты уже платить не она, а заемщики.

6) Державная Казна и сама пользуется этими вновь выпускаемыми знаками для своихъ (государственныхъ) предпріятій. По мѣрѣ расходованія, суммы эти списываются съ ея долга и переводятся на счетъ даннаго предпріятія, которое платитъ само проценты по ссудѣ.

7) Чистый доходъ отъ операций всѣхъ учреждений Большой Казны вмѣстѣ съ чистымъ доходомъ отъ предпріятій Державной Казны и различныхъ иныхъ государственныхъ предпріятій, а также всѣ окладные и неокладные государственные доходы пишутся въ счетъ Державной Казны и идутъ или на погашеніе ея первоначальной ссуды, или въ образованіе ея собственнаго державнаго вклада (всенароднаго запаса).

Здѣсь перечислены лишь главныя основанія счетовъ между Большою и Державною Казною. Впослѣдствіи мы надѣемся имѣть случай говорить подробнѣе объ операцияхъ Державной Казны, а пока съ особенной настойчивостью упомянемъ лишь объ одномъ: ни о какомъ «казначейскомъ» выпускѣ денегъ при этой системѣ не можетъ быть и рѣчи, и ни одинъ рубль не пойдетъ въ народъ въ видѣ конкурента прежнимъ рублямъ, т. е. не будетъ ровнять покупной стоимости денегъ.

IV.

Покойный И. С. Аксаковъ, единственный въ Россіи публицистъ, понимавшій и раздѣлявшій наши финансовыя воззрѣнія и смѣло дававшій мѣсто въ «Руси» нашимъ статьямъ, столь противоположнымъ по духу дѣйствовавшей въ то печальное время финансовой системѣ, говаривалъ бывало: «пишите, что хотите, но если ваша рѣчь обращена къ нашей бюрократіи, то знайте: какъ вы ясно ни высказывайте вашу мысль, она не произведетъ должнаго впечатлѣнія. Скажутъ, «это все разсужденія». Имъ не только мысль нужно дать, имъ надо готовый циркуляръ предложить».

Памятуя эти вѣщія слова, мы рѣшились высказанныя нами мысли о переустройствѣ нашей денежной системы и государственнаго

кредита формуловать въ видѣ краткаго и сжатаго *проекта устава Большой Казны*, который своевременно и былъ представленъ куда слѣдуетъ. Мы ни на одну минуту не увлекались иллюзіей, чтобы этотъ уставъ былъ принятъ и проведенъ въ жизнь. Для этого—увы! еще не настало время. Нашъ уставъ, логически вытекаая изъ научныхъ положеній, нами выведенныхъ, правду сказать, мало считается съ текущею дѣйствительностію и представляетъ скорѣе *конечную цѣль и конечную форму* (насколько, разумѣется, хватаетъ глазъ впередъ въ нашей исторической жизни) будущей русской денежной системы, *экономическій идеаль*, чѣмъ практическое мѣропріятіе. Для современныхъ дѣятелей это нѣчто въ родѣ *memeto mori*. Новый уставъ Государственнаго Банка, выработанный комиссіею А. Я. Антоновича и нынѣ введенный въ жизнь, является по сравненію со старымъ уставомъ нѣкоторымъ шагомъ впередъ. Тѣмъ любопытнѣе сравнить его съ нашимъ уставомъ Большой Казны, для чего послѣдній и приводимъ здѣсь полностью. Изъ этого сравненія читатель можетъ заключить, какой долгій путь предстоитъ еще русскому кредиту и денежному хозяйству, пока установится послѣднее въ тройную систему.

Вотъ этотъ нашъ

УСТАВЪ БОЛЬШОЙ КАЗНЫ.

I.

Устройство Большой Казны и ея дѣйствія.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Назначеніе и права Большой Казны.

1. Большая Казна со своими мѣстными учрежденіями есть государственное установленіе, самостоятельно вѣдающее денежнымъ обращеніемъ и народнымъ кредитомъ.

2. Ей присвоается:

а) выпускать и извлекать изъ обращенія государственные денежные знаки.

б) чеканить монету для внутренняго и международнаго обращенія.

в) производить по приказамъ государственныхъ установленій

всякіе платежи и получать всякія уплаты согласно государственной росписи.

г) принимать вклады и выдавать ссуды на условіяхъ, ею самую объявляемыхъ.

д) производить на исключительномъ правѣ торговлю золотомъ и серебромъ.

3. Никакихъ собственныхъ капиталовъ или имуществъ Большая Казна имѣть не можетъ. Получаемыя ею прибыли поступаютъ сполна въ государственное достояніе и вѣдаются Державною Казною. Капиталы Большою Казною обрацаемые принадлежать государству, земствамъ, городамъ, обществамъ или лицамъ.

4. Способъ дѣйствій Большой Казны двоякій: счетно-исполнительный и хозяйственный.

5. Счетно-исполнительныя дѣйствія Казны имѣютъ цѣлю точное производство и учетъ всякихъ полученныхъ и платежей по приказамъ государственныхъ учреждений, обществъ и частныхъ лицъ. Хозяйственныя дѣйствія Казны направляются къ приумноженію государственныхъ средствъ и облегченію народнаго труда и промысловъ.

ОТДѢЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Выпускъ и изытіе денежныхъ знаковъ.

6. Государственные денежные знаки выпускаются въ обращеніе Большою Казною по соображенію точной потребности народнаго хозяйства, торговли и промышленности въ денежномъ мѣновомъ средствѣ.

7. Потребность эта опредѣляется расширеніемъ мѣстныхъ земледѣльческихъ и торгово-промышленныхъ оборотовъ и выражается ближайшимъ образомъ увеличеніемъ требованія на ссуды и превышеніемъ возврата вкладовъ надъ ихъ поступленіемъ.

8. Предварительно увеличенія въ предѣлахъ округа количества обращающихся въ немъ денежныхъ знаковъ Казна входитъ въ разсмотрѣніе:

а) оправдываетъ ли возросшая промышленность и расширенныя торговые обороты потребность въ новыхъ знакахъ.

б) не усматривается ли нездороваго возбужденія предпримчивости (спекуляція) въ ущербъ спокойнымъ и постояннымъ производствамъ.

9. Въ послѣднемъ случаѣ Большая Казна повышеніемъ ссуднаго и вкладнаго роста старается охладить чрезмѣрное возбужденіе.

10. Изъемяются излишніе знаки изъ обращенія въ томъ случаѣ, когда наблюдается превышеніе вносимыхъ вкладовъ надъ ихъ востребованіемъ и ослабѣваетъ требованіе ссудъ.

11. Предварительно изыатія излишнихъ знаковъ изъ обращенія Большая Казна входитъ въ разсмотрѣніе:

а) не ощущается ли дѣйствія причинъ, угнетающихъ въ округѣ народный трудъ и предприимчивость.

б) оправдывается ли необходимость изыатія излишнихъ знаковъ продолжительнымъ свойствомъ промышленныхъ затрудненій.

12. Въ послѣднемъ случаѣ предварительно изыатія излишнихъ знаковъ Казна, путемъ пониженія роста по ссудамъ и вкладамъ, пытается внести оживленіе въ мѣстную промышленность.

13. Выпускаются въ народное обращеніе денежные знаки доставкою потребнаго ихъ количества Окружнымъ Казнамъ изъ Большой Казны, изъемяются возвратомъ знаковъ Большой Казнѣ.

14. Вѣтхіе знаки обмѣниваются на новые по особому счету согласно существующихъ правилъ.

15. Для точнаго учета истребляемыхъ въ обращеніи безъ обмѣна знаковъ, а также въ видахъ затрудненія поддѣлокъ рисунковъ и вѣшній видъ знаковъ измѣняются каждое десятилѣтіе.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Чеканна монеты.

16. Большая Казна чеканитъ монету троякаго рода:

а) размѣнную внутреннюю.

б) полноцѣнную россійскую серебряную.

в) международную золотую.

17. Размѣнная монета низкопробнаго серебра, мѣдная и никелевая выпускается въ доляхъ рубля и чеканится съ такимъ расчетомъ состава своихъ сплавовъ, чтобы не представлялось особыхъ выгодъ для переплавки оной въ издѣлія, ни для поддѣлки.

18. Полноцѣнная серебряная россійская монета изготовляется согласно дѣйствующему монетному уставу и назначается преимущественно для торговли съ восточными странами.

19. Золотая международная монета изготовляется по составу и цѣнности въ точности сходственной съ монетою латинскаго союза. и служить для вѣшной торговли и международныхъ государственныхъ расчетовъ.

20. Сдѣлки и обязательства на полноцѣнную и международную монету внутри Имперіи, кромѣ сохранныхъ росписокъ, совершать воспрещается.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Приходованіе и расходование государственныхъ средствъ.

21. Никакое лицо, ни установленіе, кромѣ Большой Казны и ея учрежденій, или помимо ихъ, не можетъ быть уполномочено ни къ приему, ни къ выдачѣ какихъ бы то ни было принадлежащихъ государству денежныхъ цѣнностей.

22. Всякаго рода государственные платежи и полученія, производимые не самою Большою Казною, или ея мѣстными учрежденіями могутъ совершаться лишь по ихъ полномочію на основаніи особыхъ въ каждомъ случаѣ выдаваемыхъ расчетныхъ книгъ, или листовъ, съ представленіемъ принятыхъ денегъ, или отчета въ расходѣ, выдавшему полномочіе учрежденію Большой Казны.

23. Большая Казна и ея мѣстныя учрежденія ведутъ каждое въ предѣлахъ своего вѣдѣнія счета государственнымъ приходамъ и расходамъ и производятъ полученія и уплаты согласно обнародованной въ законодательномъ порядкѣ росписи смѣтныхъ и чрезвычайныхъ государственныхъ приходовъ и расходовъ и приказамъ лицъ и учреждений, имѣющихъ на то законное право.

24. Никакая выдача внѣ смѣты, или на употребленіе, въ смѣтѣ не указанное, или учрежденію и лицу несоответственному, не можетъ быть произведена безъ особаго Высочайшаго повелѣнія.

25. Приказъ о денежной выдачѣ долженъ заключать въ себѣ поименованіе: лица или учрежденія выдающаго, лица или учрежденія получающаго, количества выдаваемыхъ денегъ и предмета выдачи съ указаніемъ подлежащихъ статей смѣты.

26. Такимъ же порядкомъ совершается заприходование государственныхъ поступленій.

27. Каждое учрежденіе Большой Казны, независимо отъ общаго счета государственныхъ суммъ въ предѣлахъ своего округа, ведетъ отдѣльные счета мѣстныхъ государственныхъ учреждений и лицъ, производящихъ черезъ его посредство выдачи и получающихъ платежи.

28. Выдачи и полученія могутъ производиться всѣми учрежденіями Большой Казны посредствомъ взаимнаго перевода, но лице-

вой счетъ мѣстному учрежденію ведется лишь соответственнымъ мѣстнымъ учрежденіемъ Большой Казны.

29. Отчетъ о движеніи суммъ по смѣтамъ отдѣльныхъ государственныхъ учреждений представляется этимъ учрежденіямъ въ сроки, распоряженіемъ подлежащаго вѣдомства устанавливаемые.

30. Отчетъ о движеніи государственныхъ суммъ вообще, т. е. о произведенныхъ приходахъ и расходахъ государственныхъ суммъ ежедневно всѣми учрежденіями Большой Казны, сообщается телеграммами въ ея столичное управленіе, гдѣ всему дневному денежному обороту правительства подводятся итоги и обнародываются во всеобщее свѣдѣніе.

31. Подробные отчеты о состояніи счетовъ каждаго вѣдомства и объ исполненіи всей государственной росписи составляются и обнародываются ежемѣсячно.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Пріемъ и выдача вкладовъ.

32. Отъ всѣхъ лицъ, обществъ и учреждений Большая Казна и ея мѣстные органы во всякое время принимаютъ денежные вклады не менѣе ста рублей.

Примѣчаніе. Ссудо-сберегательныя кассы Большой Казны принимаютъ вклады на особыхъ основаніяхъ.

33. Вклады принимаются:

- а) вѣчные.
- б) срочные.
- в) безсрочные.
- г) на текущій счетъ.

34. Подъ вѣчными вкладами разумѣются такіе, которые никогда возврату не подлежатъ и приносятъ ихъ владѣльцу единственно постоянный ежегодный доходъ.

35. Вѣчные вклады могутъ быть дѣлаемы земскими, городскими, сословными, общественными и частными учрежденіями, дѣйствующими на основаніи Высочайше утвержденныхъ уставовъ или въ пользу сихъ учреждений.

36. Вѣчные вклады частныхъ лицъ, вносимые на какое-либо постоянное богоугодное, благотворительное, научное или художественное назначеніе, принимаются на основаніи особо установленныхъ правилъ.

37. Срочными вкладами именуются вклады, вносимые на время свыше одного года.

38. Безсрочные вклады вносятся и возвращаются по усмотрѣнію владѣльцевъ капитала въ столичныхъ и областныхъ Казнахъ безъ ограниченія, въ уѣздныхъ, если вкладъ свыше десяти тысячъ рублей, съ предупрежденіемъ о возвратѣ онаго мѣстной Казны за пять дней.

39. Срочные и безсрочные вклады могутъ быть именные и на предъявителя.

40. Текущіе счета открываются частнымъ лицамъ и учрежденіямъ по внесеніи соотвѣтственной суммы или по представленіи иного обезпеченія на основаніи ст. 54 и 102.

41. Никакая власть не можетъ налагать арестовъ и взысканій на вѣренныя Большой Казнѣ капиталы, вклады и текущіе счета, ни на получаемый по онымъ доходъ иначе, какъ по судебному рѣшенію, вошедшему въ законную силу.

42. Установленный и указанный во вкладномъ листѣ ростъ по вкладу не можетъ быть измѣняемъ безъ согласія вкладчика: по вкладамъ срочнымъ до истеченія срока, по безсрочнымъ въ теченіе трехъ лѣтъ со дня принятія вклада.

43. Принятый вкладъ не можетъ быть возвращаемъ до срока вкладчику, ни измѣняемъ въ его характерѣ и назначеніи.

44. Ростъ по вкладамъ устанавливается Совѣтомъ Большой Казны въ различныхъ размѣрахъ и измѣняется для вновь принимаемыхъ вкладовъ по ея усмотрѣнію въ соображеніи съ условіями денежнаго обращенія и нуждами народнаго хозяйства.

45. По истеченіи срока срочнаго вклада, ростъ по немъ исчисляется какъ по безсрочному.

46. Выдача роста по именнымъ вкладамъ производится владѣльцу или его уполномоченному, по безименнымъ предъявителю во всѣхъ мѣстныхъ Казнахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Выдача и возвратъ ссудъ.

47. Ссуды Большою Казною выдаются:

- а) обезпеченныя имуществомъ.
- б) кредитныя.

48. Имущество, принимаемое въ обеспеченіе ссудъ, можетъ быть движимое и недвижимое.

49. Кредитъ можетъ быть земледѣльческій, промышленный и торговый.

50. Ссуды, на сроки не свыше одного года и уплачиваемыя полностью одновременно, именуется краткосрочными. Ссуды, выдаваемыя на срокъ болѣе одного года и платимыя взносами въ установленные сроки, именуется долгосрочными. Ссуды, даваемыя на вѣчныя времена за полученіе одного лишь постоянного дохода, именуется вѣчными.

51. Въ вѣчныя ссуды помѣщаются только вѣчные вклады, ссуды долгосрочныя соотвѣтствуютъ вкладамъ долгосрочнымъ, ссуды краткосрочныя вкладамъ безсрочнымъ.

52. Ссуды, обеспеченныя недвижимымъ имуществомъ, выдаются особымъ порядкомъ областными и городскими Казнами, имѣющими особыя отдѣленія по залогоу недвижимостей.

53. Ссуды, обеспеченныя движимостью, выдаются всѣми учрежденіями Большой Казны на основаніи правилъ о выдачѣ ссудъ подъ товары и заклады.

54. Личный кредитъ открывается мѣстными Казнами при содѣйствіи ссудныхъ комитетовъ общихъ или отдѣльно по каждому ряду кредита, гдѣ таковыя положены.

55. Взысканія по всѣмъ вообще ссудамъ изъ Большой Казны и ея мѣстныхъ учреждений приравниваются во всѣхъ случаяхъ ко взысканію государственныхъ платежей, и Большая Казна является первенствующею передъ всякими другими заемодавцами.

ОТДѢЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Торговля золотомъ и серебромъ.

56. Золото и серебро, не въ издѣліяхъ, не могутъ быть предметами частной торговли.

57. Привозъ сихъ металловъ изъ-за границы, равно какъ и вывозъ ихъ за границу, производится единственно Большою Казною.

58. Все количество добываемыхъ въ Россіи золота и серебра подлежитъ сдачѣ въ Большую Казну за устанавливаемую ею плату.

59. Потребное внутри Россіи на издѣлія и химическія работы золото и серебро приобрѣтаются единственно въ Большой Казнѣ.

60. Всякіе расчеты съ переводомъ платежей на монету и счетъ международный и обратно совершаются чрезъ посредство учреждений Большой Казны по курсу, ею объявленному, и на основаніи особыхъ правилъ.

61. Для уплаты изъ Россіи за границу выдается Большою Казною золотая международная или полноцѣнная серебряная монета, учетныя таможенныя свидѣтельства, или приказы на заграничныхъ агентовъ казны по послѣднему курсу, объявленному Казною.

62. Для уплаты изъ-за границы въ Россію принимаются Большою Казною или ея заграничными агентами, а также всѣми таможенными учреждениями золотая и серебряная монета, таможенныя свидѣтельства и приказы заграничныхъ агентовъ Казны по тому же курсу.

63. Курсъ государственныхъ денежныхъ знаковъ на золото и серебро и обратно объявляется Большою Казною въ установленные сроки по телеграфу во всѣ мѣстныя Казны, таможнямъ и заграничнымъ агентствамъ на основаніи соображеній о ходѣ международной торговли, требованій переводовъ какъ нашими, такъ и иноземными торговцами и наличныхъ металлическихъ запасовъ Большой Казны

64. Вывозъ за границу государственныхъ денежныхъ знаковъ воспрещается.

II.

Управление Большой Казны.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Учрежденія управляющія и исполнительныя.

65. Учрежденія Большой Казны по характеру своей дѣятельности раздѣляются на управляющія и исполнительныя.

66. Къ первымъ принадлежать:

Совѣтъ Большой Казны въ столицѣ.

Окружныя Казны съ ихъ совѣтами.

67. Исполнительныя учрежденія суть:

Губернскія, областныя и городскія Казны.

Уѣдныя Казны.

Сельскія ссудо-сберегательныя кассы.
Почтово-телеграфныя сберегательныя кассы.

ОТДѢЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Советъ Большой Казны. Большой Казначей.

68. Во главѣ учреждений Большой Казны стоитъ Советъ, предсѣдательствуемый Большимъ Казначеемъ съ правами министра, назначаемымъ и увольняемымъ Верховною Властью.

69. Советъ Большой Казны состоитъ изъ товарища Большаго Казначая, управляющихъ отдѣльными отраслями Казны, членовъ отъ другихъ правительственныхъ вѣдомствъ и представителей земледѣлія, промышленности и торговли.

70. Управляющихъ отдѣльными отраслями восемь человѣкъ:

1. Управляющій Печатною Денежною Палатою.
2. Управляющій Монетнымъ дворомъ.
3. Управляющій счетами Державной Казны и государственныхъ учреждений.
4. Управляющій вкладною операціею.
5. Управляющій обезпечною ссудною операціею.
6. Управляющій Кредитною операціею.
7. Управляющій международною расчетною операціею.
8. Управляющій надзоромъ и провѣркою мѣстныхъ учреждений Казны.

71. Членовъ отъ другихъ правительственныхъ вѣдомствъ семь человѣкъ.

По вѣдомству Державной Казны (Государственного Казначейства) трое.

По вѣдомству Государственного Контроля одинъ.

По вѣдомствамъ Земледѣлія, Промышленности и Торговли—по одному.

72. Членовъ по выбору девять человѣкъ:

Отъ земледѣльческихъ обществъ Вольнаго Экономическаго, Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи—по одному человѣку.

Отъ мануфактурныхъ совѣтовъ Петербургскаго, Московскаго и Иваняно-Вознесенскаго по одному человѣку.

Отъ купеческихъ обществъ: Петербургскаго, Московскаго и Нижегородскаго ярмарочнаго по одному человѣку.

73. Засѣданіе Совѣта считается состоявшимся, если присутствуютъ четверо управляющихъ, одинъ представитель Державной Казны, представители Государственнаго Контроля и вѣдомствъ Земледѣлія, Промышленности и Торговли—всего девять человекъ.

74. Предсѣдательствуетъ въ Совѣтѣ Большой Казначей, его Товарищъ, или одинъ изъ Управляющихъ по старшинству.

75. Дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ. При равенствѣ голосовъ предсѣдательствующаго даетъ перевѣсъ.

76. Постановленія Совѣта утверждаются Большимъ Казначеемъ. При его несогласіи съ большинствомъ тотъ же вопросъ передается на обсужденіе Совѣта въ наименьшемъ составѣ восемнадцати членовъ. Постановленіе, принятое $\frac{2}{3}$ голосовъ на этомъ засѣданіи, въ случаѣ несогласія Казначея, вносится имъ вмѣстѣ съ особыми мнѣніями меньшинства и его собственнымъ заключеніемъ на разсмотрѣніе Верховнаго Хозяйственнаго Совѣта. (Деп. Экономіи Гос. Совѣта, усиленный представителями подлежащихъ вѣдомствъ). Мнѣніе Совѣта представляется на Высочайшее утвержденіе.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Кругъ вѣдѣнія Совѣта.

77. Предметы дѣятельности Совѣта суть:

- а) направленіе всею дѣятельностію учрежденій Большой Казны.
- б) разрѣшеніе всякихъ вопросовъ и сомнѣній, восходящихъ отъ Окружныхъ Казенъ.
- в) надзоръ за дѣятельностію всѣхъ учрежденій Большой Казны.
- г) инструкціи Окружнымъ Казнамъ и управляющимъ отдѣльными отраслями.
- д) установленіе величины вкладнаго и ссуднаго роста.
- е) разрѣшеніе личныхъ кредитовъ на суммы свыше ста тысячъ рублей.

Вопросы эти рѣшаются Совѣтомъ самостоятельно.

78. Обсуждаются и повергаются Большимъ Казначеемъ чрезъ Верховный Хозяйственный Совѣтъ на Высочайшее утвержденіе:

- ж) выпускъ и изытаніе изъ обращенія денежныхъ знаковъ.
- з) всякіе вопросы по прежнимъ государственнымъ долгамъ.
- и) затрудненія проистекающія при исполненіи государственной росписи.

і) zatrudненія, въ осуществленіи и учетѣ государственныхъ предприятий.

к) предположенія о необходимыхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ.

л) разногласія между Большою и Державными Казнами или другими вѣдомствами.

м) преданіе суду членовъ Совѣта, управляющихъ отдѣльными отраслями и окружныхъ казначеевъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Окружныя Казны и ихъ Совѣты.

79. Окружныя Казны простираютъ свою дѣятельность на нѣскольکو губерній, или областей, объединенныхъ общими народно-хозяйственными или промышленными признаками.

80. Окружныя Казны управляютъ денежнымъ обращеніемъ и народнымъ кредитомъ въ своемъ округѣ и руководятъ дѣятельностію мѣстныхъ учреждений Большой Казны, имъ ближайшимъ образомъ подчиненныхъ.

81. Во главѣ Окружной Казны стоитъ Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Окружнаго Казначая, состоящій изъ его товарища, шести управляющихъ отдѣльными отраслями, двухъ членовъ отъ вѣдомства Державной Казны, по одному отъ вѣдомствъ Контроля, Земледѣлія, Промышленности и Торговли, трехъ отъ областныхъ и губернскихъ земствъ округа и по одному отъ земледѣльческихъ обществъ, мануфактурныхъ совѣтовъ и купеческихъ обществъ округа.

82. Члены совѣта отъ Державной Казны присутствуютъ по очереди губерній согласно распредѣленію Державнаго Казначая. Члены отъ прочихъ вѣдомствъ назначаются своими начальствами также по очереди губерній. Остальные члены по выбору поступаютъ въ Совѣтъ согласно очереди, установленной между губерніями, и на сроки, соотвѣтствующіе избирательнымъ срокамъ посылающихъ представителей учреждений.

83. Порядокъ засѣданій и постановленій Совѣта таковъ же, какъ и Совѣта Большой Казны.

84. Предметы вѣдѣнія Совѣта суть:

а) изслѣдованіе состоянія народнаго хозяйства и денежнаго обращенія въ губерніяхъ и областяхъ округа.

б) представленія Большой Казнѣ о повышеніи или пониженіи вкладнаго и ссуднаго роста въ казнахъ округа.

в) надзоръ за дѣятельностью мѣстныхъ казенъ округа съ производствомъ внезапныхъ и постоянныхъ ревизій.

г) назначеніе и увольненіе служащихъ и представленія Большой Казнѣ о назначеніи въ должности губернскихъ и городскихъ казначеевъ и объ ихъ увольненіи.

д) разрѣшеніе недоумѣній въ дѣятельности мѣстныхъ казенъ и ихъ пререканій между собою.

е) распредѣленіе запасовъ денежныхъ знаковъ между губерскими, городскими и уѣздными казнами округа.

ж) разсмотрѣніе въ административномъ порядкѣ жалобъ на неправильную дѣятельность мѣстныхъ казенъ, или злоупотребленія служащихъ.

з) дисциплинарныя взысканія со служащихъ.

и) постановленія о преданіи ихъ суду, кромѣ губернскихъ и городскихъ казначеевъ, о коихъ дѣлаются представленія Совѣту Большой Казны.

85. Постановленія Совѣта приводятся въ исполненіе Окружнымъ Казначеемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Губернскія, уѣздныя и городскія казны.

86. Губернскія, городскія и уѣздныя казны суть учрежденія исключительно исполнительныя.

87. Губернскія и городскія казны суть учрежденія перваго разряда, уѣздныя—втораго.

88. Губернскія казны вѣдаютъ залоговою операціею недвижимостей на пространствѣ всей губерніи, остальная ихъ дѣятельность совершается въ предѣлахъ уѣзда губернскаго города и ничѣмъ не разнится отъ дѣятельности казенъ уѣздныхъ.

89. Городскія казны открываются въ тѣхъ городахъ, которые по своимъ оборотамъ требуютъ широкаго денежнаго обращенія. Онѣ также производятъ залоговую операцію недвижимостей въ чертѣ своего города, гдѣ сосредоточиваются и остальныя ихъ операціи.

90. Мѣстныя казны вѣдаютъ:

а) поступленіемъ и расходованіемъ государственныхъ суммъ по

приказамъ подлежащихъ учрежденій и подъ наблюденіемъ мѣстныхъ органовъ Державной Казны и Контроля.

б) приходомъ и расходомъ особыхъ суммъ по смѣтамъ мѣстныхъ государственныхъ предпріятій и по приказамъ ихъ управленій.

в) приходомъ и расходомъ мѣстныхъ земскихъ, городскихъ, сословныхъ и всякаго рода общественныхъ суммъ для обществъ, дѣйствующихъ на основаніи утвержденныхъ уставовъ по приказамъ соответствующихъ управленій и за надлежащимъ по уставамъ учреждений и обществъ надзоромъ.

г) приходомъ и расходомъ частныхъ суммъ для лицъ и предпріятій, желающихъ имѣть открытые счета въ сихъ казнахъ и поручать имъ свою кассовую и денежную часть.

д) приемомъ и возвратомъ вкладовъ.

е) переводомъ платежей, полученныхъ и взысканій.

ж) продажами и покупками золота и серебра въ монетѣ, учетомъ и выдачею приказовъ на металлическій счетъ по заграничной торговлѣ и таможеннымъ платежамъ.

з) Приемомъ въ залогъ движимости для открытія текущихъ счетовъ, или выдачи подъ нее ссудъ.

и) учетно-вексельною операціею.

91. Губернскія, городскія и уѣздныя казны находятся въ завѣдваніи губернскихъ, городскихъ и уѣздныхъ казначеевъ при необходимомъ штатѣ служащихъ. Штаты вырабатываются и должности распределяются совѣтами окружныхъ казенъ и совѣтомъ Большой Казны по принадлежности.

92. Мѣстные казначеи, распоряжаясь въ своихъ казнахъ вполнѣ самостоятельно, подчиняются непосредственно надзору и распоряженіямъ Окружныхъ Казенъ и несутъ на себѣ всю отвѣтственность.

ОТДѢЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Ссудные комитеты при Казнахъ.

93. При всѣхъ губернскихъ, городскихъ и уѣздныхъ Казнахъ состоятъ по одному или нѣскольку ссудныхъ Комитетовъ, на обязанности коихъ лежитъ какъ оцѣнка представляемыхъ подъ ссуды обезпеченій, такъ и опредѣленіе кредитоспособности и благонадежности лица, ходатайствующаго о личномъ кредитѣ.

94. Совѣтъ Окружной Казны устанавливаетъ, сколькимъ Комитетамъ быть при каждой изъ мѣстныхъ Казенъ и какимъ именно.

95. Ссудные Комитеты составляются из мѣстныхъ землевладѣльцевъ, промышленниковъ и торговцевъ и именуются смѣшанными, земледѣльческими, промышленными и торговыми.

96. Каждого рода ссудный Комитетъ долженъ состоять изъ шести избранныхъ членовъ при шести къ нимъ кандидатахъ. Предсѣдательствуетъ въ Комитетѣ казначей, или лицо по его уполномоченію.

97. Комитеты собираются въ опредѣленные дни въ наименьшемъ составѣ трехъ человекъ. Заявившаго о болѣзни, или отпускѣ члена замѣщаетъ кандидатъ.

98. Во все время службы въ Комитетѣ члены и ихъ ближайшіе родственники личнымъ кредитомъ пользоваться не могутъ.

99. Выборы въ Комитетъ производятся слѣдующимъ порядкомъ:

а) образуется правительственное совѣщаніе. Въ губерніи: изъ губернскаго казначея, губернскаго предводителя дворянства, городского головы, предсѣдателя губернской земской управы и предсѣдателя старѣйшаго изъ мѣстныхъ земледѣльческихъ обществъ подъ предсѣдательствомъ губернатора. Въ уѣздѣ: изъ уѣзднаго казначея, исправника, предсѣдателя уѣздной земской управы, городского головы и податнаго инспектора подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго предводителя дворянства.

б) совѣщаніе составляетъ списокъ членовъ Комитета, или столько списковъ, сколько комитетовъ установлено при мѣстной Казнѣ.

в) если списокъ одинъ, то онъ сообщается соединенному засѣданію мѣстнаго земскаго собранія городской думы и мануфактурнаго совѣта, или мѣстнаго купеческаго общества. Засѣданію предоставляется избрать изъ этого списка не менѣе трехъ лицъ.

г) если списковъ нѣсколько, то списокъ земледѣльческій сообщается мѣстному земскому собранію, промышленный соединенному засѣданію земскаго собранія и городской думы, торговый соединенному засѣданію городской думы, мануфактурнаго совѣта, или мѣстнаго купеческаго общества.

д) каждое изъ собраній, избравъ по предложенному списку трехъ, или болѣе лицъ, составляетъ посредствомъ выборовъ свой списокъ и препровождаетъ его правительственному совѣщанію, которое обязано избрать остальныхъ до шести членовъ cadaго Комитета.

е) выборы кандидатовъ производятся по избраніи членовъ Комитета тѣмъ же порядкомъ.

100. Избранные члены Комитетовъ и ихъ кандидаты вступаютъ въ должность по произнесеніи присяги въ охраненіи торговой тайны частныхъ лицъ, къ Комитету обращающихся.

101. При Комитетах состоятъ особыя присяжные оцѣнщики, но отдѣльныя оцѣнки могутъ быть поручаемы членамъ Комитета, такъ же, какъ провѣрка оцѣнокъ и дѣйствиій оцѣнщиковъ.

102. Размѣръ какъ обезпеченныхъ движимостію ссудъ, такъ и открываемаго личнаго кредита устанавливаются ссуднымъ Комитетомъ безспорно.

103. Оцѣнка недвижимыхъ имуществъ можетъ быть оспариваема. При этомъ Комитетъ или выслушиваетъ въ своемъ засѣданіи доводы оцѣнщика и владѣльца, или назначаетъ одного изъ своихъ членовъ для рѣшенія спора на мѣстѣ.

104. За высказываемыя въ Комитетѣ мнѣнія и оцѣнки члены никакой отвѣтственности не несутъ.

ОТДѢЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Сельскія ссудо-сберегательныя кассы и почтово-телеграфныя сберегательныя кассы.

105. Повсюду, гдѣ значительныя мѣстные денежныя обороты того требуютъ, открываются Большою Казною городскія, посадскія и сельскія ссудо-сберегательныя кассы, непосредственно подчиненныя мѣстной Казнѣ.

106. Кассы эти дѣйствуютъ на основаніи существующаго устава сберегательныхъ кассъ Государственнаго Банка съ нижеслѣдующими дополненіями и измѣненіями:

а) при возрастаніи вклада одного лица свыше тысячи рублей, управленіе кассою предлагаетъ ему внести въ подлежащую Казну часть его денегъ на вкладъ по его указанію.

б) кассы выдаютъ переводы на всѣ другія кассы и Казны въ суммѣ до трехсотъ рублей.

в) кассы выдаютъ ссуды по расчетнымъ листамъ мѣстныхъ Казенъ и открываютъ лицевые счета съ оборотомъ до тысячи рублей.

г) кассы принимаютъ на себя кассоводство и отчетность мѣстныхъ сельскихъ союзовъ, волостныхъ и сельскихъ правленій, школъ, приходскихъ попечительствъ и иныхъ сельскихъ учреждений.

д) Подробныя инструкціи для этихъ операцій, а также способъ вознагражденія кассъ опредѣляются Совѣтами Округныхъ Казенъ.

107. Почтово-телеграфныя кассы дѣйствуютъ на основаніи существующихъ постановленій. Округной Казнѣ предоставляется опредѣлить предѣльную цифру оборота, перейдя которую кассы эти обращаются въ самостоятельныя ссудо-сберегательныя кассы.

V.

Приведенный выше устав Большой Казны исчерпывает в главных чертах собственно устройство денежного обращения и устанавливает источники и схему народного кредита, не входя в подробности организации последнего. Эта организация, имѣющаяся у насъ, хотя и въ самомъ несовершенномъ видѣ, для крупныхъ отдѣловъ кредита: земледѣльческаго, торговаго и промышленнаго, совершенно отсутствуетъ для самаго нужнаго Россіи — кредита мелкаго, народного.

Ниже въ приложеніи помѣщаемъ докладъ, сдѣланный нами въ Обществѣ для содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ, и представляющій попытку разрѣшенія вопроса о мелкомъ народномъ кредитѣ путемъ организаціи особыхъ мѣстныхъ единицъ—*сельскихъ союзовъ*, а теперь, чтобы закончить практическую сторону нашего изслѣдованія, формулируемъ въ нѣсколькихъ положеніяхъ русскую финансовую и народохозяйственную программу, какою она должна быть на основаніи изложенной теоріи абсолютныхъ денежныхъ знаковъ въ самодержавномъ государствѣ.

Положенія эти слѣдующія:

1. Направить все усилія финансоваго управленія къ спасенію Россіи отъ задолженности у иностранцевъ. Для этого необходимо обратить вниманіе на точную статистику всехъ элементовъ, составляющихъ нашъ международный расчетный балансъ. Увеличивать, насколько возможно, вывозъ нашихъ мануфактурныхъ произведеній и нашего сырья. Расширять, хотя бы и съ пожертвованіями, добычу золота. Безусловно прекратить наши вышшіе золотые займы, а выпущенные постепенно переводить на бумажную валюту. Съ другой стороны, всеми мѣрами стараться:

Сократить привозъ иностранныхъ товаровъ путемъ развитія, хотя бы и съ большими пожертвованіями, соотвѣтственныхъ производствъ дома.

Прекратить морскіе и военные заказы казны за границею, а также затруднить заказы частныхъ лицъ.

Затруднить проживаніе за границею богатыхъ русскихъ.

Устранить перестрахованія нашихъ страховыхъ обществъ за границею и постепенно взять страховое дѣло въ руки государства.

Не поощрять, но затруднять наплывъ къ намъ иностранцевъ и

ихъ капиталовъ, могущихъ быть замѣненными капиталами *мнимыми* и своими собственными предпринимателями и техниками.

Всѣми мѣрами способствовать развитію отечественнаго торговаго мореплаванія, дабы избѣжать уплатъ иностранцамъ за провозъ нашихъ, преимущественно громоздкихъ произведеній.

2. Съ началомъ поворота въ нашу пользу международнаго расчетнаго баланса организовать правильное погашеніе нашихъ вѣшнихъ долговъ въ золотой валютѣ путемъ оплаты вѣ сроковъ нашихъ металлическихъ долговыхъ обязательствъ, а также выкупа частныхъ бумагъ изъ рукъ иностранцевъ-держателей.

3. Развивать всѣ роды и виды народнаго кредита, не стѣсняясь могущими произойти небольшими потерями для центрального органа денежнаго обращенія. Потери эти относить на расходъ по промышленному воспитанію народа. Учреждать въ новыхъ отрасляхъ промышленности первые фабрики и заводы на счетъ Державной Казны и выдавать щедрыя субсидіи лицамъ, вводящимъ новыя промышленности и новыя культуры.

4. Усиливать и развивать внутренній рынокъ потребления: южнаго хлѣба и мяса на сѣверной половинѣ Россіи, русскихъ мануфактуръ— на южной.

5. Установить взглядъ на желѣзныя дороги, какъ на государственное перевозочное предпріятіе, и сполна подчинить всѣ тарифы требованіямъ народохозяйственной политики, не взирая на денежные результаты эксплуатаціи дорогъ.

6. Ваять постепенно въ руки государства весь вывозъ хлѣба за границу. Образовать государственныя хлѣбныя запасы, обеспечивающіе народное продовольствіе и управляющіе цѣнами на хлѣбъ.

7. По мѣрѣ возможности, облегчать прямую податную тягость сельскаго населенія путемъ переложенія налоговъ на классы, болѣе состоятельные, и развитія системы косвенныхъ налоговъ.

8. Постепенно сокращать питейный доходъ, переводя его на доходъ отъ всеобщаго обязательнаго страхованія въ различныхъ его видахъ (мысль покойнаго А. Д. Пазухина, которую надѣемся обстоятельно разработать со временемъ), начиная отъ страхованія отъ огня и кончая страхованіями отъ града, чумы, страхованіемъ жизни и т. д.

9. Установить гласный и открытый общественный контроль надъ всѣми операціями финансоваго вѣдомства въ помощь спеціальному контролю государственному.

и 10. Организовать на практическихъ и здоровыхъ началахъ систему спеціальнаго земледѣльческаго и промышленнаго образованія

для подготовки собственных дѣятелей во всѣхъ отрасляхъ культуры.

Программа эта, разумѣется, представляетъ лишь самыя общія требованія отъ нашей финансовой и народохозяйственной политики. Важнѣе всего то, чтобы она проводилась систематично, и недостатокъ въ одной ея части не парализовалъ всего остальнаго.

Она достаточно, какъ вамъ кажется, полна, но для ея надлежащаго осуществленія необходимо еще одно, весьма крупное и трудное условіе: это децентрализація нашей хозяйственной дѣятельности, сосредоточеніе въ центрѣ лишь самыхъ главныхъ рычаговъ экономической жизни и пробужденіе мѣстныхъ центровъ къ самостоятельности и самодѣятельности.

Но этотъ вопросъ настолько труденъ и сложенъ, затрогиваетъ такъ глубоко весь нашъ бытъ и строй, что здѣсь рѣшать его невозможно.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Мелкій народный кредитъ ¹⁾.

(Докладъ, читанный въ Общемъ Собраніи Общества для содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ 15 марта 1895 г.).

Мм. Государыни и Государя!

Въ тридцатилѣтній періодъ, протекшій съ основанія въ Россіи перваго ссудо-сберегательнаго товарищества, вопросъ о мелкомъ кредитѣ подвергался многократнымъ изслѣдованіямъ и обсужденіямъ, породившимъ обширную литературу. Люди, близко знакомые съ нашимъ сельскимъ бытомъ, единогласно признаютъ, что существующія мелкія кредитныя учрежденія, какъ основанныя на началахъ взаимности, такъ и созданныя приговорами сельскимъ обществомъ, не только не отвѣчаютъ потребности бѣднѣйшихъ и наиболее нуждающихся въ мелкомъ кредитѣ обывателей, но, наоборотъ, служа почти единственно зажиточнымъ домохозяевамъ, только увеличиваютъ экономическую разницу между сельскими классами. Уже по самому существу своему безпредметный кредитъ за поручительствомъ и съ круговою отвѣтственностью членовъ товарищества не можетъ быть доступенъ мало-мальски не-зжиточному крестьянину. Послѣдній, если и можетъ найти за себя поручителя, то рѣдко иначе, какъ на условіяхъ крайне тяжелыхъ; огромное распространеніе такого вида поручительства свидѣтельствуетъ прямо о ростовщическомъ характерѣ самыхъ операций товариществъ. И дѣйствительно, изслѣдователи народнаго быта указываютъ прямо, что множество ссудъ берется чисто фѣктивно не

¹⁾ Просимъ читателя не смущаться нѣкоторымъ несогласіемъ въ терминахъ и положеніяхъ этого устава съ приведеннымъ выше уставомъ Большой Казны. Первый былъ составленъ, какъ выводъ изъ теоріи и завѣдомо не предназначался для немедленнаго приложенія къ жизни, второй былъ внесенъ въ Сельско-Хозяйственный Совѣтъ, какъ готовый законопроектъ. Вообще же никакихъ противорѣчій между уставами нѣтъ.

членами, но на имя и подъ поручательство членовъ товарищества. Неустройство нашего сельскаго кредита и печальная исторія большинства ссудо-сберегательныхъ товариществъ, своему первоначальному назначенію вовсе не соответствовавшихъ, вызвало со стороны Министерства Финансовъ попытку создать новый типъ маленькаго сельскаго кредитнаго учрежденія. Въ этомъ смыслѣ имъ выработанъ законопроектъ, «Положеніе о кредитныхъ товариществахъ», которое и внесено въ Государственный Совѣтъ.

Но, поднимая весьма широко вопросъ о мелкомъ кредитѣ и выходя съ законопроектномъ, пытающимся создать цѣлую сѣть кредитныхъ учреждений и урегулировать ихъ юридическое положеніе, Министерство Финансовъ остается при прежнихъ взглядахъ на народный кредитъ, коими руководствовались и первые инициаторы по введенію ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Его новый типъ учреждений—кредитныя товарищества, отличаются отъ прежняго только тѣмъ, что основной капиталъ образуется не изъ паевыхъ взносовъ, а дается казною, или Государственнымъ Банкомъ, причемъ за чинами Банка, или агентами Министерства остается ревизіонный надзоръ за дѣятельностью распорядителей и правленій товариществъ. Въ остальномъ приняты тѣ же условія, что и для ссудо-сберегательныхъ товариществъ.

Кредитъ по-прежнему остается безпредметнымъ, хотя и расширяется допущеніемъ долгосрочныхъ ссудъ и ссудъ подъ заклады, взисканія съ неисправныхъ заемщиковъ по-прежнему являются вполнѣ необеспеченными, управленіе кредитными учреждениями по-прежнему безответственнымъ, въ предвидѣніи чего Министерство Финансовъ заранѣе устраняетъ отвѣтственность казны или Государственнаго Банка за цѣлость частныхъ вкладовъ.

Новое Положеніе дѣлаетъ попытку ввести новые виды кредита: вещный подъ закладъ движимости и долгосрочный; но до какой степени составители проекта Положенія стѣсняются отступить отъ существующей, ими же самими столь краснорѣчиво разоблаченной системы, показываетъ то обстоятельство, что ссуды долгосрочныя и вещныя выдаются не всѣми кредитными товариществами на основаніи нормальнаго устава, а только по особому въ каждомъ уставѣ разрѣшенію министра Финансовъ. Самый вещный кредитъ подвергнуть ограниченію: воспрещается выдавать ссуды «подъ ручные залого необходимыхъ предметовъ домашняго обихода и подъ закладъ орудій производства съ изытіемъ послѣднихъ изъ пользованія залогодателя».

Приведенное ограниченіе указываетъ на весьма малое знаком-

ство съ условіями сельской жизни составителей Положенія. Именно отрицаемый ими ломбардный кредитъ и составляетъ вопіющую, не-отложную нужду населенія. Главнымъ образомъ онъ-то и питаетъ невѣроятное ростовщичество по селамъ и уѣзднымъ городамъ, гдѣ ручныхъ залоговъ и прежде всего платья и инструментовъ скопляется у закладчиковъ на сотни тысячъ рублей. Министерство Финансовъ упускаютъ изъ виду, что въ большинствѣ сельскихъ мѣстностей инструменты для различныхъ ремеслъ вовсе не нужны въ теченіе всего лѣта, а праздничное платье съ января - февраля, шубы, тулупы и проч. съ весны и до осени, являются главными и чуть не единственными ручными закладами, обезпечивающими хотя небольшой кредитъ въ самое безвыходное для крестьянъ время.

То же незнакомство съ сельской жизнью видно въ преобладающемъ значеніи, которое придается кредиту подъ произведенія крестьянскаго труда и хозяйства. Нѣтъ спора, что при правильной организаціи кредитъ этотъ имѣетъ свое значеніе. Но, по проекту Положенія, ссуды, напримѣръ, подъ закладъ хлѣба доступны практически лишь зажиточнымъ крестьянамъ. Довольно себѣ представить бѣдняка, имѣющаго по нѣкимъ рыночнымъ цѣнамъ товара на 25 рублей и нуждающагося въ данную минуту для уплаты податей и прочихъ неотложныхъ надобностей (напримѣръ выкупъ весною заложенныхъ вещей и инструментовъ) въ 40 рубляхъ. Никакое кредитное учрежденіе не дастъ ему подъ залогъ хлѣба выше 60% рыночной стоимости, т. е. болѣе 15 рублей. Теперь крестьянинъ, продавъ хлѣбъ, хотя бы дешево, выручитъ все же 25 рублей и до необходимыхъ 40 ему останется найти лишь 15 рублей. Отдавъ свой хлѣбъ въ залогъ, онъ будетъ вынужденъ искать уже не 15 рублей, а почти вдвое на сторонѣ. Тамъ, гдѣ каждая копѣйка добывается потомъ и кровью, эта необходимость иммобилизовать цѣлыхъ 10 рублей навѣрно не позволитъ осуществиться намѣченной Министерствомъ Финансовъ операціи, а если она и осуществится, то путемъ совершенно противоположнымъ благимъ намѣреніямъ авторовъ проекта. Будутъ закладывать хлѣбъ крестьяне-богачи и на заимствованныя деньги скупать хлѣбъ у бѣдняковъ, что практикуется нынѣ и безъ ссудъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ сельскими кулаками. При ссудѣ въ 60% стоимости очевидно ровно на 60% увеличится оборотный капиталъ мелкихъ сельскихъ хлѣбныхъ ростовщиковъ. Бѣднякамъ останется реальная возможность закладывать только яровыя сѣмена при величайшей трудности ихъ выкупа въ самое безденежное и тяжелое время—весною.

Что касается до кредита подъ закладъ произведеній ремесленнаго труда, то и этого вида кредитъ, столь желательный Министерству Финансовъ, едва-ли общааетъ быть осуществимымъ въ силу тѣхъ же соображеній, что и выше. Ни одно кустарное производство въ настоящее время не обходится безъ скупщиковъ, прочно держащихъ въ рукахъ кустарей данной мѣстности. Кредитное учрежденіе, давая подъ закладъ во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ скупщикъ при окончательномъ расчетѣ за покупку, лишаетъ кустаря на долгое время иммобилизованной части цѣны товара, не общая ему никакого лучшаго сбыта заложённыхъ предметовъ. Путемъ этого рода кредита кустарь едва-ли освободится отъ скупщика и заставитъ его набавить цѣну, а слѣдовательно, и самый кредитъ подъ издѣлія, будучи, можетъ быть, полезенъ въ рѣдкихъ единичныхъ случаяхъ, никакихъ серьезныхъ облегченій въ сельскую жизнь не внесетъ.

При безпредметности кредита, положенной въ основу законопроекта, новое Положеніе, представляя лишь нѣкоторое расширеніе сѣти прежнихъ, совершенно неудачныхъ и нежизненныхъ сельскихъ кредитныхъ учреждений, сохраняетъ всё отрицательныя ихъ стороны и вноситъ лишь ничтожную долю практически лучшаго (вещный и долгосрочный кредитъ), предоставляя однако и эту долю дискреціонному усмотрѣнію министра Финансовъ.

Разсматривая проектъ Положенія о кредитныхъ товариществахъ въ его совокупности, нельзя не признать, что самая исходная точка зрѣнія составителей Положенія установлена неправильно. Государственный Банкъ не такого рода учрежденіе, которое могло бы завѣдывать мелкимъ сельскимъ кредитомъ предметнаго характера. Такой кредитъ, т. е. выдача мелкихъ ссудъ *опредѣленнаго назначенія*, будучи дѣломъ въ большинствѣ случаевъ чисто меліоративнаго характера, не можетъ быть организованъ вовсе безъ участія обширнаго технического персонала для производствъ ремесленныхъ, и агрономическаго для земледѣлія и всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства. Составители проекта умалчиваютъ вовсе объ этомъ нужнѣйшемъ и крупнѣйшемъ видѣ сельскаго кредита по той причинѣ, что тогда Государственному Банку, или Министерству Финансовъ пришлось бы пополнить личный составъ отдѣленій Банка техниками по кустарной промышленности и агрономами, т. е. фактически создать вторую мѣстную организацію культурныхъ агентовъ, независимую отъ будущей организаціи мѣстныхъ органовъ Министерства Земледѣлія, но вооруженную капиталами Государственнаго Банка и слѣдовательно

заранѣе упраздняющую всякую возможную культурную работу Министерства Земледѣлія.

Какъ ни далеко заходить Министерство Финансовъ въ своихъ почетныхъ стремленіяхъ двигать сельское хозяйство и отдѣльные сельскіе промыслы посредствомъ специальныхъ ссудъ изъ Государственнаго Банка, но оно не могло при проектированіи своихъ учрежденій мелкаго кредита предложить ввести особый контингентъ банковыхъ техниковъ и агрономовъ въ уѣздахъ, ибо это было бы равносильно предложенію: всю будущую мѣстную агрономическую и техническую организацію Министерства Земледѣлія передать въ вѣдѣніе Государственнаго Банка; поэтому составители проекта предпочли исключить вовсе именно тотъ видъ сельскаго кредита, который призванъ обновить нашу отсталую культуру и оживить дѣятельность населенія.

Вслѣдствіе отсутствія въ проектѣ Положенія предметныхъ ссудъ, организуемый Министерствомъ Финансовъ на основаніи проекта положенія сельскій кредитъ фатально осужденъ носить тѣ же самыя черты, съ которыми этотъ кредитъ появился на свѣтъ въ ту эпоху, когда о необходимости культурныхъ мѣропріятій еще не было и рѣчи, именно черты полной мертвенности при исключительно механическомъ, формальномъ характерѣ выдачи ссудъ. Кредитъ посредствомъ оставляемыхъ неприкосновенными ссудосберегательныхъ товариществъ и сельскихъ банковъ и присоединяемыхъ къ нимъ положеніемъ «кредитныхъ товариществъ» будетъ продолжать дѣйствовать и даже значительно расширится, Министерство Финансовъ и Государственный Банкъ будутъ исчислять на основаніи статистическихъ данныхъ и отчетовъ цифры дѣлаемыхъ оборотовъ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ въ настоящее время Комитетъ о ссудосберегательныхъ товариществахъ, а въ жизни русскаго села, если окажется, что этотъ расширенный кредитъ приноситъ также мало добрыхъ плодовъ, какъ и прежній кредитъ, то это будетъ замѣчено развѣ позднѣйшими изслѣдованіями.

Выяснивъ исходную точку зрѣнія составителей проекта и указавъ на неизбежность, вслѣдствіе того, совершенно неправильной постановки сельскаго кредита въ «Положеніи» необходимо попытаться освѣтить и выяснить дѣйствительныя, серьезныя требованія, предъявляемые къ государству сельскою жизнью въ области кредита.

Опредѣлить эти требованія легко, припаявъ во вниманіе составъ населенія уѣзда, нуждающагося въ кредитѣ. Это населеніе естественно распадается на слѣдующія экономическія группы:

1) Крестьянское население, живущее на общинном, или подворномъ правѣ и получившее въ надѣлъ земли отъ государства. Классъ этотъ въ большинствѣ бѣдствующій и не обеспеченный, не можетъ быть признанъ кредитоспособнымъ въ принятомъ смыслѣ этого слова, ибо подлежитъ государственной опека, затрудняющей, или ставящей вовсе невозможнымъ взысканіе непоплаченнаго долга обычнымъ судебнымъ порядкомъ. Кредитныя учрежденія, имѣющія дѣло съ этимъ классомъ населенія, почти не могутъ оказывать инаго кредита, чѣмъ *вещный* подъ закладъ движимости и *предметный*, на опредѣленное назначеніе, съ гарантіями, что ссуда будетъ употреблена на дѣло, т. е. съ надзоромъ за симъ самого кредитнаго учрежденія и съ особыми условіями по взысканію съ заемщиковъ неисправныхъ. Всякій личный кредитъ зажиточной части этого класса будетъ способствовать въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишь эксплуатаціи этою частью части менѣ зажиточной, или бѣдной.

2) Мелкіе личные владѣльцы съ годовымъ производствомъ напримѣръ до 1.000 руб. и ниже, однодворцы, разнаго рода поселенцы и т. п., имущественно независимые и отвѣтственные.

3) Личные владѣльцы съ производствомъ выше 1.000 руб. въ годъ, имущественно вполнѣ самостоятельныя, отвѣтственные и вполнѣ кредитоспособные. Сюда же можно причислить богатыя и промышленныя сельскія общества, фактически какъ бы вышедшія изъ государственной опеки и достаточно кредитоспособныя.

4) Личные владѣльцы съ производствомъ тоже выше 1.000 руб., но имущественно несамостоятельныя, исчерпавшіе открытые имъ ипотечные и спеціальныя кредиты и въ коммерческомъ смыслѣ не кредитоспособныя.

За исключеніемъ лицъ 3-й категоріи и малой части второй, все остальное населеніе вслѣдствіе неустройства кредита въ уѣздѣ предоставлено въ добычу безчисленнымъ ростовщикамъ, парализовать дѣятельность коихъ невозможно ни законодательными мѣрами, ни развитіемъ сѣти нынѣшнихъ сельскихъ кредитныхъ учрежденій, ни организаціей новыхъ по типу, предложенному Министерствомъ Финансовъ въ его проектѣ Положенія.

Совершенно очевидно также, что каждая изъ поименованныхъ категорій требуетъ особаго вида кредита и особыхъ кредитныхъ учрежденій. Если принять условно область мелкаго кредита внутри предѣльной цифры ссуды въ 1.000 руб. одному лицу, соотвѣтственно той же цифрѣ его годоваго производства, то область мелкаго кредита отграничится сама собою. Она обниметъ все крестьянское населеніе, какъ

главный контингент своих клиентов и мелкий лично владѣльческій элементъ, какъ клиентовъ второстепенныхъ, для которыхъ условия кредита по самому ихъ положенію будутъ нѣсколько шире.

Третья категория лицъ совершенно самостоятельныхъ будетъ нуждаться, очевидно, совсѣмъ въ другомъ родѣ кредита и въ иныхъ размѣрахъ, чѣмъ первая и вторая. Здѣсь, напримѣръ, кредитное учрежденіе вовсе не нуждается въ круговой ответственности своихъ заемщиковъ и главная цѣль кредита: меліорации, расширеніе оборотныхъ средствъ, облегченіе сбыта готовыхъ продуктовъ и приобрѣтеніе необходимыхъ покупныхъ вещей. Очевидно, этого рода кредиту и дѣятельности будутъ соответствовать особые типы кредитныхъ учреждений, не имѣющіе ничего общаго съ первымъ.

Наконецъ четвертая категория личныхъ крупныхъ, но не самостоятельныхъ владѣльцевъ съ пошатнувшимися дѣлами и исчерпаннымъ кредитомъ можетъ получить новый кредитъ лишь на совершенно особыхъ условияхъ (земледѣльская привилегія, взаимная ответственность, предметныя ссуды), о которыхъ здѣсь неумѣстно распространяться.

Останавливаясь только надъ вопросомъ о мелкомъ сельскомъ кредитѣ, не трудно усмотрѣть, что для спасенія населенія отъ ростовщиковъ и для поднятія его культуры при условияхъ государственной опеки надъ крестьянами имѣется всего два вида кредита: *вещный* чисто ломбарднаго характера для помѣщенія подъ закладъ безъ *малѣйшаго ограниченія* всѣхъ тѣхъ произведеній и имуществъ, которыя нынѣ сдаются городскимъ и сельскимъ ростовщикамъ, и кредитъ *предметный на определенное хозяйственное и промышленное назначеніе*. Сюда должны быть присоединены: кредитъ *вспомогательный* на случай непредвидѣнныхъ несчастныхъ случаевъ и кредитъ *личный* для категоріи мелкихъ личныхъ владѣльцевъ, неограниченно-ответственныхъ по закону, а также въ опредѣленныхъ случаяхъ и личный кредитъ крестьянамъ надѣльнымъ.

Совершенно очевидно, что, развивая мелкій кредитъ внизъ отъ 1.000 руб. до личнаго кредита въ 5 и 3 рубля и до выдачи ссуды подъ закладъ въ 20 коп., невозможно и представить себѣ органомъ такого кредита учрежденіе правительственное. Все, что государство можетъ и должно здѣсь дѣлать, сводится:

а) къ снабженію кредитнаго мелкаго учрежденія необходимыми основными и оборотными средствами въ случаѣ недостатка таковыхъ на мѣстѣ.

б) къ надзору за цѣлостью капиталовъ и вѣрностью счетоводства въ коммерческомъ смыслѣ.

в) къ направленію дѣятельности кредитнаго учрежденія въ культурномъ смыслѣ.

и г) къ надзору за осуществленіемъ этой дѣятельности.

Типомъ подобнаго мелкаго учрежденія могъ бы явиться союзъ добровольно согласившихся лицъ, не требующихъ кредита выше, чѣмъ въ 1.000 рублей каждое, союзъ связанный круговою другъ за друга отвѣтственностью членовъ и простирающій свои дѣйствія не далѣе круга самаго близкаго сосѣдства, т. е. не переходящій предѣлы территоріи сельскаго общества, волости, или прихода. Уставъ союза долженъ давать полный просторъ всякой производительной дѣятельности, какъ отдѣльныхъ его членовъ, такъ и всего союза, въ качествѣ юридическаго лица. Утвержденіе устава не должно восходить выше губернатора, для чего долженъ въ руководство быть данъ нормальный уставъ. Надзоръ долженъ принадлежать, какъ указано выше: по пункту б) мѣстнымъ органамъ Государственнаго Банка, или инымъ агентамъ Министерства Финансовъ, направленіе же въ культурномъ смыслѣ и надзоръ за осуществленіемъ этой дѣятельности по п. п. в) и г) мѣстнымъ органамъ Министерства Земледѣлія, а впередъ до ихъ уставовленія—мѣстнымъ земствамъ.

При такой постановкѣ дѣла компетенціи обоихъ заинтересованныхъ вѣдомствъ будутъ строго разграничены и возможность коллизій устранена. Лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ при несогласіи между собою агентовъ культурныхъ и фискальныхъ дѣло можетъ восходить на разрѣшеніе центральныхъ управленій.

Исходя изъ приведенныхъ соображеній, мною выработанъ ниже слѣдующій

НОРМАЛЬНЫЙ УСТАВЪ СЕЛЬСКИХЪ СОЮЗОВЪ:

Цѣли и составъ союзовъ.

1. Въ составъ сельскихъ союзовъ могутъ входить сельскіе обыватели всѣхъ сословій, не опорооченные судомъ, граждански правоспособные, имѣющіе опредѣленную осѣдлость въ предѣлахъ данной волости, прихода или селенія и занимающіеся земледѣліемъ и промыслами.

2. Цѣли союзовъ:

а) Улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ вообще или его отдѣльныхъ отрасляхъ.

б) Основаніе и улучшеніе мѣстныхъ промысловъ.
 в) Помощь въ уплатѣ казенныхъ и иныхъ сборовъ и платежей.
 г) Содѣйствіе продажѣ на выгодныхъ условіяхъ всякаго рода произведеній собственного хозяйства и промысловъ и покупкѣ всего нужнаго для обзаведенія и продолженія хозяйства и промысловъ и для потребленія членовъ союза.

д) Доставленіе своимъ членамъ денежныхъ средствъ путемъ займовъ добровольныхъ взносовъ и стороннихъ вкладовъ и пожертвованій.

е) Помощь въ непредвидѣнныхъ и несчастныхъ случаяхъ.

ж) Содѣйствіе въ прискавію заработковъ какъ отдѣльнымъ членамъ союзовъ, такъ и образующимся артелямъ.

з) Всякаго рода невоспрещаемыя закономъ сдѣлки и торговыя операціи въ области хозяйства и мѣстныхъ промысловъ.

3. Членами союза не могутъ быть:

а) Лица, занимающіяся оптовою или раздробительною питейною торговлею, кромѣ владѣльцевъ сельскохозяйственныхъ винокуренныхъ заводовъ.

б) Лица, ведущія торговлю сельскохозяйственными и мѣстно-промышленными продуктами.

4. Сельскія общества могутъ становиться членами союзовъ въ полномъ своемъ составѣ, если состоятъ изъ одного поселенія. Въ противномъ случаѣ членами могутъ входить отдѣльныя поселенія.

5. Если цѣлое общество, или поселеніе, вошло въ союзъ на правахъ члена, отдѣльные его домохозяева членами союза быть не могутъ.

6. Въ члены союза могутъ вступать лица, имѣющія осѣдлость въ предѣлахъ одного прихода, волости или селенія. Союзъ приобретаетъ названіе по тому селу или селенію, гдѣ опредѣлено мѣстопробываніе правленія.

7. Союзъ пользуется правами юридическаго лица и можетъ имѣть собственныя постройки и движимость.

Примѣчаніе. Въ предѣлахъ волости, прихода или селенія, гдѣ открытъ союзъ, другой открытъ быть не можетъ.

Открытіе союзовъ.

8. Учредители, желающіе образовать союзъ, подаютъ о томъ за подписью не менѣе двадцати человекъ прошеніе мѣстному губернатору съ приложеніемъ выработаннаго на основаніи настоящаго Положенія устава.

9. Губернаторъ свѣряетъ уставъ съ настоящимъ Положеніемъ, утверждаетъ союзъ и предлагаетъ подлежащему земскому начальнику открыть первый союзный сходъ въ присутствіи агентовъ Министерствъ Финансовъ и Земледѣлія или, вмѣсто послѣдняго, члена мѣстной Земской Управы.

Примѣчаніе. Всякія позднѣйшія дополненія и измѣненія устава утверждаются тѣмъ же порядкомъ.

10. На этомъ сходѣ подъ предсѣдательствомъ Земскаго Начальника члены приступаютъ къ выбору должностныхъ лицъ и приему новыхъ членовъ. Протоколъ, скрѣпленный земскимъ начальникомъ, сообщается губернатору и мѣстному учрежденію Государственнаго Банка.

Управление и должностныя лица.

11. Дѣлами союза вѣдаютъ:

а) Союзныя сходы.

б) Правленіе.

12. Должностныя лица суть:

а) Предсѣдатель схода или его замѣститель.

б) Союзный голова

в) Казначей.

г) Члены-распорядители.

13. Союзный сходъ составляется изъ всѣхъ наличныхъ членовъ союза. Сельскія общества и отдѣльныя селенія, вошедшія въ полный составъ, участвуютъ посредствомъ своихъ выборныхъ, число и права коихъ опредѣляются уставомъ.

14. Сходъ считается дѣйствительнымъ, если присутствуютъ не менѣе половины всего числа членовъ и выборныхъ.

15. Сходы собираются въ первое воскресенье каждаго мѣсяца, чрезвычайныя по требованію агентовъ Министерствъ Финансовъ и Земледѣлія, правленія, или десяти членовъ, въ преддверныя дни.

16. Рѣшенія сходовъ единогласны. Отсутствующіе считаются согласившимися.

17. Члены союзовъ могутъ посылать за себя на сходъ членовъ своего семейства, или служащихъ, съ письменнымъ полномочіемъ, если того потребуетъ сходъ.

18. Сходъ обсуждаетъ и разрѣшаетъ всѣ дѣла, предложенныя правленіемъ, а также всякія дѣла, связанныя съ какими-либо новыми обязательствами для членовъ, или денежными операціями, превышающими опредѣленную уставомъ сумму.

18. Сходъ учитываетъ и провѣряетъ должностныхъ лицъ и руководить ихъ дѣятельностью

20. Предсѣдатель схода избирается изъ числа почетнѣйшихъ лицъ, хотя бы и не изъ членовъ союза. Обязанность его: предсѣдательствовать на сходѣ, съ правомъ голоса, скрѣплять своею подписью его постановленія и имѣть постоянное наблюденіе за дѣятельностью правленія. Никакой имущественной отвѣтственности за дѣйствія правленія предсѣдатель, если онъ не членъ союза, не несетъ.

21. Правленіе союза состоитъ изъ союзнаго головы, казначея и избранныхъ сходомъ членовъ-распорядителей, не болѣе двухъ. Оно вѣдаетъ всѣми дѣлами союза, опредѣленными въ уставѣ, и собирается не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ.

22. Внутренній распорядокъ правленія, равно какъ обязанности союзнаго головы, казначея и распорядителей опредѣляются уставомъ союза. Въ уставѣ этомъ должны быть опредѣлены:

а) Полномочія и отвѣтственность должностныхъ лицъ правленія.

б) Способы веденія и храненія дѣлъ и отчетности союза.

в) Способы принятия и исключения членовъ.

г) Вознагражденіе должностныхъ лицъ.

Примѣчаніе. Постоянное вознагражденіе можетъ быть ассигнуемо только должностнымъ лицамъ, приглашеннымъ по найму и не состоящимъ членами союза.

23. Голова и члены-распорядители являются въ своихъ селеніяхъ уполномоченными руководителями дѣлъ союза, исполнителями распоряженій схода и правленія и наблюдателями за отвѣтственными операціями членовъ.

24. Не могутъ быть избираемы въ головы и распорядители: мѣстные священнослужители; сверхъ того въ предсѣдатели сходовъ: волостные старшины, волостные и сельскіе писаря.

25. Наименьшій составъ правленія: голова, казначей и одинъ членъ распорядитель.

26. Единогласныя постановленія правленія записываются въ особую книгу и скрѣпляются присутствующими. Разногласія рѣшаетъ ближайшій сходъ.

27. Отчетностью завѣдуетъ правленіе по формамъ, указаннымъ въ уставѣ.

28. Денежной наличностью завѣдуетъ казначей. Онъ получаетъ уплаты и производитъ выдачи по распоряженію правленія. Производство отдѣльныхъ денежныхъ операцій и расчетовъ можетъ быть поручаемо сходомъ, или правленіемъ, по принадлежности, единолично головѣ, членамъ-распорядителямъ и особо уполномоченнымъ сходомъ членамъ, которые по исполненіи порученія тотчасъ же отсчитываются передъ казначеемъ.

29. Денежная наличность, кромѣ подлежащихъ къ выдачѣ суммъ, хранится въ ссудо-сберегательной кассѣ мѣстнаго казначейства, а остальные, сверхъ тысячи рублей, капиталы союза, — въ особомъ ящикѣ, находящемся въ самомъ казначействѣ. Полученіе денегъ, равно какъ и ящика, производится на общихъ основаніяхъ.

30. Правленію, предсѣдателю и казначею присвоиваются особы печати.

Средства союзовъ.

31. Средства союзовъ состояются:

а) Изъ взносовъ членовъ согласно уставу.

б) Изъ капиталовъ и продуктовъ, коими кредитуютъ союзы правительство, земство или частныя лица.

в) Изъ прибылей отъ капиталовъ, имуществъ и хозяйственныхъ операцій союза.

г) Изъ пожертвованій на усиленіе средствъ союза.

32. Каждый членъ союза при своемъ вступленіи производитъ опредѣленный уставомъ паевой взносъ деньгами, съ замѣной таковыхъ продуктами, или трудомъ по постановленію схода, причемъ становится соотвѣтственнымъ участникомъ въ прибыляхъ и убыткахъ союза.

33. Число паевъ, могущихъ принадлежать отдѣльному члену, не огра-

ничивается, но на сходѣ годось личнаго владѣльца нѣсколькихъ паевъ никакого преимущества предъ другими не имѣеть.

34. Члены союза, соответственно своимъ паямъ, отвѣтствуютъ за его дѣйствія всѣмъ своимъ имуществомъ, по скольку таковое не служитъ обезпеченіемъ въ исправномъ отбываніи государственныхъ повинностей.

35. Передача или залогъ паевъ безъ согласія схода не допускается.

Кредитныя операціи союзовъ.

36. Союзы имѣютъ право кредитоваться:

- а) въ Государственномъ Банкѣ;
- б) у частныхъ лицъ и учрежденій съ тѣмъ, чтобы платимые по займамъ проценты не превышали болѣе, чѣмъ въ полтора раза, наивысшаго процента платимаго казною по своимъ обязательствамъ.

37. Кредитъ союзамъ отърывается не свыше 1.000 рублей на одно лицо:

- а) для всѣхъ вообще членовъ:
 - аа) вещный подъ обезпеченіе движимости, принятой въ залогъ союзомъ;
 - бб) предметный на земледѣльческія и промышленныя постройки машины, скотъ, удобрения, основаніе и расширеніе сельскихъ промышленныхъ предпріятій и техническихъ производствъ. Кредитъ этотъ можетъ быть краткосрочный и долгосрочный, въ послѣднемъ случаѣ не свыше 12 лѣтъ;
 - вв) вспомогательный на случай непредвидѣнныхъ несчастій;
- б) для членовъ, владѣющихъ лично недвижимою собственностію, или за нихъ поручительствомъ:
 - гг) личный кредитъ въ размѣрѣ не болѣе десятикратнаго паеваго взноса.

38. Во всѣхъ случаяхъ Государственный Банкъ пользуется правомъ преимущественнаго удовлетворенія сравнительно съ другими кредиторами союза.

39. Для открытія вещнаго кредита поступающая въ залогъ движимость должна состоять въ фактическомъ распоряженіи правленія, причеиъ въ уставѣ должны быть подробно указаны:

- а) способъ и мѣсто храненія движимости, принятой въ залогъ.
- б) способы ея страхованія.

Примѣчаніе. Оставленіе громоздкой движимости скота и инструментовъ въ пользованіи залогодателя не воспрещается.

в) порядокъ производства оцѣнокъ, залоговъ, перезалоговъ, выкуновъ и продажъ;

г) размѣръ заемаемаго роста и за храненіе, въ общей сложности не свыше полутора процента въ мѣсяцъ.

д) порядокъ денежныхъ выдачъ и полученій и отчетность.

40. Закладной операціей завѣдуетъ правленіе, которое отвѣтствуетъ за цѣлость вѣренныиъ ему предметовъ и для веденія дѣла можетъ за особое вознагражденіе поставить своихъ уполномоченныхъ.

41. Изъ заемаемыхъ по ссудамъ процентовъ должны быть покрыты

всѣ расходы по этой операціи, которая имѣетъ самостоятельный счетъ и отчетность. Чистый доходъ обращается на усиленіе общихъ оборотныхъ средствъ союза.

42. Для открытія *предметнаго* краткосрочнаго и долгосрочнаго кредита желающій имъ воспользоваться составитъ подробную смѣту предполагаемыхъ расходовъ, устанавливаетъ сроки и цифры взносов; смѣту эту Правленіе съ своимъ заключеніемъ представляетъ сходу и по его одобреніи препровождаетъ на утвержденіе мѣстнаго агента Министерства Земледѣлія, или мѣстной земской управы, если ссуда болѣе 50 р. Потребный кредитъ открывается союзу въ размѣрѣ не болѣе половины смѣтной утвержденной суммы. Правленіе выдаетъ деньги заемщику по мѣрѣ его расходовъ, съ представленіемъ оправдательныхъ документовъ и при наблюденіи на мѣстѣ члена-распорядителя.

43. Союзъ принимаетъ на себя полную отвѣтственность за надлежащее употребленіе ссуды, а потому впредь до полного ея погашенія заемщикъ или представляетъ залоговое свидѣтельство на имѣющуюся у него недвижимость, могущую служить обеспеченіемъ ссуды, или даетъ обязательство не отчуждать безъ согласія Правленія своего имущества. Наблюденіе за исполненіемъ этого обязательства возлагается на мѣстныхъ административныхъ властей.

44. Въ случаѣ злоначреннаго употребленія заемщиковъ части ссуды по другому назначенію, если вслѣдствіе этого произошла задержка въ выполненіи смѣты, или въ случаѣ невыполненія даннаго въ предъидущей статьѣ обязательства, Правленіе обявано приостановить выдачу слѣдующихъ частей и приступитъ ко взысканію всей выданной ссуды, хотя бы срокъ уплаты и не наступилъ.

45. О всякомъ вновь выстроенномъ сооруженіи на долгосрочную ссуду сообщается мѣстному земскому начальнику съ подпискою заемщика о предоставленіи союзу преимущественнаго права на взысканіе выданной ссуды

46. При ходатайствѣ о долгосрочной ссудѣ, испрашиваемой на основаніе промышленнаго заведенія на крестьянской общественной землѣ, должно быть представлено согласіе подлежащаго общества на срокъ не менѣе срока испрашиваемой ссуды.

47. Сельскія общества, или селенія, состоящія въ полномъ составѣ членами союзовъ, могутъ ходатайствовать объ открытіи долгосрочнаго кредита обществу, или селенію, для осуществленія предпріятій, имѣющихъ общепользныи хозяйственный характеръ, какъ-то: на постройку хлѣбохранилищъ, копанье и чистку общественныхъ прудовъ и колодезевъ, осушеніе болотъ, чистку луговъ, приобрѣтеніе племенныхъ мѣстныхъ животныхъ и проч.

48. Вспомогательный кредитъ отсрывается союзомъ своему члену, ко-го дѣла по несчастнымъ обстоятельствамъ пришли въ разстройство. По изслѣдованіи дѣла такого члена, Правленіе предлагаетъ сходу дать просимую помощь, причемъ на срокъ до погашенія ссуды сходъ обязанъ назначить къ нему благонадежнаго попечителя, распоряженіямъ коего тотъ обязанъ безпрекословно подчиняться.

49. Въ случаѣ стихійныхъ бѣдствій, какъ-то: неурожая, пожара, наводненія, градобитія, падежа скота, тяжелой болѣзни или смерти заемщика,

сходъ по ходатайству Правленія дѣлаетъ возможныя льготы и отсрочки въ его платежахъ.

50. Неисправному заемщику кредитъ закрывается и можетъ быть вновь открытъ лишь по постановленію схода.

51. Всякій членъ союза, желающій пользоваться кредитомъ въ союзѣ, обязанъ съ полною добросовѣстностью заявить Правленію о своихъ долговыхъ и иныхъ денежныхъ обязательствахъ, равно какъ о способахъ удовлетворенія могущихъ быть къ нему предъявленными денежныхъ претензій. Утайка какого-либо обязательства, могущаго по обнаруженіи нарушить кредитоспособность заемщика, влечетъ за собою закрытіе кредита и удаленіе члена изъ союза.

Надзоръ.

52. Надзоръ за точнымъ выполненіемъ устава и вообще за дѣятельностію союзовъ, ихъ правленій и должностныхъ лицъ принадлежитъ:

а) мѣстнымъ агентамъ Министерства Земледѣлія, а до введенія таковыхъ, мѣстному земству, въ губерніяхъ же не-земскихъ соответственнымъ органамъ администраціи, или лицу, особо назначенному по соглашенію Министерства Земледѣлія съ мѣстной административной властью;

б) мѣстному агенту Государственнаго Банка, или Министерства Финансовъ.

53. Агентъ Министерства Финансовъ, по крайней мѣрѣ два раза въ годъ, обязанъ произвести внезапную ревизію:

а) книгъ и документовъ Правленія,

б) кассовой наличности,

в) союзнаго и принятаго въ залогъ имущества.

54. Агентъ Министерства Земледѣлія, или лицо ему соответствующее, обязанъ въ тѣ же сроки произвести подробный осмотръ хозяйственныхъ улучшеній и промышленныхъ предпріятій, обусловленныхъ неоглашенною долгосрочною ссудой.

Примѣчаніе. Указанныя въ пп. а, б и в ревизіи могутъ быть поручаемы также агенту Министерства Земледѣлія по соглашенію его съ учрежденіемъ Государственнаго Банка, или финансовымъ управленіемъ.

55. О сдѣланной ревизіи по § 53 и замѣченныхъ удушеніяхъ ревизующій сообщаетъ какъ банковому учрежденію, такъ и агенту Министерства Земледѣлія, препровождая копию доведенія союзному головѣ.

56. Банковое учрежденіе, по соглашенію съ агентомъ Министерства Земледѣлія, предлагаетъ Правленію союза возстановить порядковъ и въ нужныхъ случаяхъ поручаетъ земскому начальнику, или волостному старшинѣ надбюсти за исполненіемъ своего распоряженія.

57. Банковое учрежденіе по соглашенію съ агентомъ Министерства Земледѣлія въ случаѣ растраты, важныхъ безпорядковъ въ дѣятельности союза или несоответственнаго направленія этой дѣятельности, можетъ входить съ представленіемъ въ Губернское Присутствіе объ устрани

должностныхъ лицъ, преданіи ихъ суду, а въ необходимыхъ случаяхъ и о закрытіи союза.

58. Ежегодно по заключеніи счетовъ денежная отчетность вмѣстѣ съ годовымъ отчетомъ Правленія провѣряется и утверждается мѣстнымъ учрежденіемъ, или уполномоченнымъ Государственнаго Банка, которому въ первой половинѣ января доставляются всѣ книги и оправдательные документы истекшаго года. Сдѣланные начеты и исправленія вносятся въ новыя книги.

Закрытие союзовъ.

59. Союзы закрываются распоряженіемъ губернатора:

а) по ходатайству учрежденія Государственнаго Банка и агента Министерства Земледѣлія;

б) по рѣшенію союзнаго схода.

60. По состоявшемся распоряженіи о закрытіи союза мѣстное банковое учрежденіе по соглашенію съ агентомъ Министерства Земледѣлія назначаетъ особо уполномоченнаго попечителя, который немедленно принимаетъ отъ правленія все дѣлопроизводство, наличность и имущество и приступаетъ къ ликвидаціи дѣла.

61. Прежде всего выскывается въ надлежащіе сроки со всѣхъ должниковъ союза и распродается принадлежавшее ему имущество; изъ вырученныхъ суммъ удовлетворяется долгъ Государственному Банку. Затѣмъ равномерно удовлетворяются частные кредиторы союза. Далѣе возвращаются сдѣланные членами взносы безъ начисленія процентовъ, а если окажется за всѣмъ этимъ излишекъ, то таковой распредѣляется уѣзднымъ Земскимъ Собраніемъ между мѣстными приходскими церквями, школами, больницами, библіотеками и другими общепольными учрежденіями.

Къ этому проекту устава необходимо сдѣлать нѣсколько поясненій.

Особенную важность я придаю тому обстоятельству, чтобы это былъ *нормальный уставъ*, который позволилъ бы возникать союзамъ на мѣстѣ, на основаніи простаго губернаторскаго утвержденія, не возводя отдѣльные уставы до центральныхъ правительственныхъ органовъ. Затѣмъ мнѣ кажется, что въ этомъ уставѣ достаточно ясно указаны права и предѣлы компетенціи обоихъ заинтересованныхъ въ дѣятельности союзовъ вѣдомствъ Земледѣлія и Финансовъ, такъ что возможность коллизіи совершенно устраняется: Министерству Финансовъ, въ лицѣ его мѣстныхъ органовъ, принадлежитъ коммерческій контроль и наблюденіе за цѣлостью средствъ, ассигнованныхъ союзу правительствомъ—Министерству Земледѣлія въ лицѣ его мѣстныхъ органовъ, а впредь до ихъ установленія — мѣстнымъ земствамъ принадлежитъ культурное направленіе дѣятельности союза и надзоръ за осуществленіемъ меліораций.

Соображенія чисто практическія не позволили ограничиться установленіемъ въ нормальномъ уставѣ только однихъ культурныхъ ссудъ. Коль скоро уже существуетъ сельскій союзъ съ нѣкоторымъ характеромъ кредитнаго учрежденія, онъ не можетъ безъ явнаго ущерба дѣлу отказаться отъ кредитныхъ операцій вещнаго, или личнаго характера. Поэтому въ цѣляхъ союза поставлена между прочимъ помощь въ уплатѣ казенныхъ податей и сборовъ, а также операціи съ залогомъ движимости. Въ значительномъ числѣ случаевъ, прежде чѣмъ думать о какихъ бы то ни было меліораціяхъ, крестьянину приходится озаботиться внесеніемъ недоимокъ, приобрѣтеніемъ хлѣба на свое пропитаніе, или корма для скота. Исключеніе другихъ видовъ кредита, кромѣ культурнаго, оставляя почти половину населенія совершенно безпомощною, парализуетъ у нея заранѣе всякую возможность меліорацій. Союзъ будетъ работать лишь для благосостоянія болѣе зажиточной части населенія, увеличивая еще болѣе экономическую разницу между сельскими классами, т. е. достигая цѣлей, прямо противоположныхъ стремленіямъ правительства. Вотъ почему, между прочимъ, въ нормальный уставъ введенъ и еще одинъ видъ кредита—вспомогательный, на случай непредвидѣнныхъ несчастій.

Нормальный уставъ имѣетъ въ виду дѣятельность союзовъ среди крестьянскаго населенія, какъ подворнаго, такъ и общиннаго типа землевладѣнія, поставленныхъ въ условія государственной надъ этимъ землевладѣніемъ опеки; но онъ не исключаетъ и личныхъ владѣльцевъ, а также безземельныхъ и арендаторовъ, ставя единственное ограниченіе кредита на одно лицо до суммы въ 1.000 руб. Этимъ все учрежденіе выдѣляется въ сферу мелкаго землевладѣнія и мелкой промышленности. Уставъ не стремится къ излишней регламентаціи раньше выясненія требованій самой жизни и не устанавливаетъ подробности различныхъ операцій союза, оставляя составителямъ уставовъ полный просторъ для всякой полезной дѣятельности.

Ст. 4-ю допускаются въ члены союза сельскія общества и поселенія въ полномъ составѣ, а ст. 5-ю исключаются отдѣльные домохозяева деревень, уже вошедшихъ въ полномъ составѣ въ союзъ.

Такое исключеніе необходимо потому, что гдѣ сельское общество вошло въ союзъ полностью, или въ лицѣ цѣлыхъ поселеній, отдѣльные члены своимъ частнымъ кредитомъ у союза стали бы неминуемо въ противорѣчіе съ интересами цѣлаго общества, или селенія, и затруднили бы контроль надъ своими меліораціями. Согласіе общества или селенія на коллективное членство въ союзѣ указываетъ прямо на значительную солидарность между собою домохозяевъ, и желатель-

но тѣмъ болѣе, чѣмъ важнѣе помогать общему подъему хозяйства всѣхъ членовъ деревни, а не отдѣльнымъ ея единицамъ. Наконецъ, кредитъ отдѣльнымъ членамъ общества, или селенія, такимъ порядкомъ ни мало не стѣняется, становясь лишь въ зависимость отъ согласія общества, или селенія.

Рѣшенія сходовъ приняты единогласными потому, что въ дѣйствительной сельской жизни, не смотря на указанныя въ законодательствѣ нормы голосованія, почти не встрѣчается случаевъ счета голосовъ. Обыкновенно кричатъ и спорятъ на сходѣ до полного согласія, но за то постановленныя рѣшенія имѣютъ великую нравственную силу и уже не оспариваются и не нарушаются. Теорія большинства не только не понятна, но совершенно противна духу русскаго народа.

Письменные полномочія для участія на сходѣ вмѣсто члена союза лицомъ у него служащимъ, на примѣръ, приказчикомъ, старостою и даже простымъ работникомъ, неудобствъ никакихъ не представляютъ, такъ какъ довѣренности могутъ быть писаны на готовыхъ бланкахъ, взятыхъ въ правленіи союза, и засвидѣтельствованы печатью сельскаго старосты. Предсѣдатель схода можетъ быть выдѣленъ изъ состава членовъ союза въ смыслѣ имущественной отвѣтственности. Цѣль этого постановленія — дать возможность союзу заручиться покровительствомъ и содѣйствіемъ просвѣщенныхъ, состоятельныхъ и независимыхъ въ приходѣ или волости лицъ, которыя, не нуждаясь въ кредитѣ союза, не пошли въ его члены. Имущественная отвѣтственность для такихъ лицъ была бы несправедливостью и устранила бы ихъ отъ участія въ дѣлахъ союза.

Число членовъ распорядителей въ правленіи нормальный уставъ ограничиваетъ двумя на томъ основаніи, что явится много желающихъ пользоваться извѣстной властью и возможностью получать награды, между тѣмъ, какъ при расширеніи дѣятельности союза и усложненіи его операций гораздо важнѣе привлечь заправляющихъ отдѣльными отраслями по найму и руководить ихъ небольшимъ, во избранномъ составомъ правленія. Въ этомъ смыслѣ было бы, можетъ быть, цѣлесообразнымъ приглашать на должность даже союзнаго головы постороннее союзу лицо на постоянное жалованье.

По этимъ же соображеніямъ принято примѣчаніе къ статьѣ 22, запрещающее назначать постоянное содержаніе должностнымъ лицамъ—членамъ союза.

Устраненіе отъ званія головъ и распорядителей лицъ волостной и сельской администраціи объясненій не требуетъ. Устраненіе свя-

певнослужащих основано на томъ же соображеніи, по которому несоотвѣтственнымъ найдено завѣдываніе ими дѣлами ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Но сельское духовенство можетъ оказывать благотворное вліяніе на дѣятельность союзовъ, становясь председателями сходо́въ.

Кромѣ государственнаго кредита нѣтъ основаній запрещать союзамъ пользоваться частнымъ кредитомъ, т. е. тѣми свободными средствами, которыя они могутъ найти въ предѣлахъ своей мѣстности. Важно лишь не допускать союзы кредитоваться свыше разумной потребности или искусственно привлекать вклады за высокіе проценты. Въ виду этого п. 6. ст. 36-й ограничиваетъ право назначенія процентовъ по займамъ у частныхъ лицъ полуторнымъ размѣромъ сравнительно съ процентомъ платимымъ казною. На практикѣ, слѣдовательно, ростъ этотъ не превыситъ 7%, а такой умѣренный процентъ, въ связи съ преимущественнымъ правомъ Банка по взысканію его долговъ, будетъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ отъ излишнихъ увлеченій частнымъ кредитомъ.

Изъ кредитныхъ операцій, разрѣшаемыхъ союзомъ, наибольшую важность представляютъ ссуды подъ залогъ движимости и меліоративныя ссуды. Самымъ существеннымъ является вопросъ о достаточномъ обезпеченіи выдаваемыхъ на этотъ предметъ Государственнымъ Банкомъ авансовъ. Такъ какъ въ обоихъ видахъ ссуды формы обезпеченія совершенно различны, то нормальный уставъ устанавливаетъ для операціи вещнаго кредита особый учетъ и особую администрацію за отвѣтственностью правленія. При правильной оцѣнкѣ вещей, принимаемыхъ въ залогъ, и сколько-нибудь внимательномъ ихъ храненіи, никакихъ убытковъ операція эта дать не можетъ. Общія основанія ея оговорены въ уставѣ.

Другое дѣло—операція со ссудами на опредѣленное назначеніе, въ большинствѣ долгосрочными. Здѣсь единственными гарантіями являются надзоръ за правильнымъ расходованіемъ заемщикомъ ссуды и арестъ, налагаемый союзомъ на все его движимое и недвижимое имущество, не служащее обезпеченіемъ государственнымъ повинностямъ. А такъ какъ этого имущества обыкновенно очень мало, то, въ видахъ большей гарантіи, ссуду приходится давать лишь въ размѣрѣ не выше 50% смѣты. Практически это не представитъ неудобствъ потому, что въ смѣтѣ, разумѣется, будутъ исчислены на деньги и такія статьи, которыя у заемщика денежныхъ расходовъ въ дѣйствительности не потребуютъ.

Предположимъ, что крестьянинъ желаетъ поставить маленькую

маслобойку для конопли. Вся смѣта будетъ отъ 250 до 300 рублей. Но въ этой смѣтѣ будетъ исчислена на деньги собственная работа домохозяина по провозу строительныхъ матеріаловъ, часть плотничныхъ работъ и т. д. Это составитъ не менѣе 50—60 руб. Такимъ образомъ, если будетъ выдана ссуда въ 150 руб. и сдѣлано собственной работы на 50 рублей, останется все же необходимымъ найти собственныхъ 100 руб., чтобы пустить дѣло въ ходъ. Въ этой необходимости около $\frac{1}{3}$, добавить изъ своихъ средствъ есть уже достаточная гарантія, но въ виду того, что положеніе—ограничиваетъ сумму кредита довольно крупною цифрою 1.000 руб. и допускаетъ основаніе всякихъ предпріятій добывающаго и обрабатывающаго характера, является необходимымъ заручиться отзывомъ и одобреніемъ мѣстнаго агента Министерства Земледѣлія или земства, какъ органа, ближайшимъ образомъ пекущагося о культурныхъ интересахъ населенія.

Ст. 43-ю устанавливается обязательство заемщика не отчуждать безъ согласія правленія вообще имущества. Это необходимо въ виду того, что гарантія ссуды самимъ предпріятіемъ, хотя бы на него и былъ наложенъ арестъ, не является достаточною. Предпріятіе можетъ оказаться убыточнымъ, матеріалы испорченными, машины годными лишь въ ломъ. Ссуда, данная союзомъ, можетъ найти на свое покрытіе только постройку, специально приспособленную, т. е. обезпѣченную. Въ виду этого, необходимъ арестъ на все вообще имущество заемщика. Лица, не могущія представить въ залогъ ни движимаго, ни недвижимаго обезпеченія, разумѣется, будутъ стѣснены на весь срокъ погашенія ссуды, но если этимъ путемъ предпріимчивый бѣднякъ можетъ стать владѣльцемъ доходнаго и вѣрнаго предпріятія, онъ не задумается охотно подчиниться означеннымъ стѣсненіямъ.

Ст. 48-ю устанавливается назначеніе попечителя при выдачѣ вспомогательной ссуды до ея погашенія. Никакой другой гарантіи подвергшійся случайному несчастью крестьянинъ представить не можетъ, а между тѣмъ, помощь на покупку лошади, коровы или сѣмянъ, оказанная въ-время, можетъ спасти дворъ отъ совершеннаго разоренія. Особенно важною роль попечителя будетъ тогда, когда, кромѣ случившагося несчастья, домохозяинъ впалъ въ болѣзнь или умеръ и въ теченіе самаго короткаго времени хозяйство, оставленное безъ поддержки, можетъ придти въ полное разстройство.

Ст. 51-я въ крестьянскомъ быту никакихъ затрудненій не представляетъ. Она можетъ затруднить, пожалуй, личныхъ собственниковъ, членовъ союза, но этому условію придется подчиниться въ

виду того, что союзу необходимо знать о точной кредитоспособности и о состояніи дѣлъ своихъ членовъ.

Вопросъ о направленіи дѣятельности союзовъ и надзорѣ за ними имѣетъ первостепенную важность. Какъ уже сказано выше, надзоръ этотъ раздѣляется между агентами Министерствъ Финансовъ и Земледѣлія.

Первому предоставляется провѣрять коммерческую сторону дѣятельности союза съ точки зрѣнія интересовъ казны или Государственнаго Банка, давшихъ свои деньги союзу. Для правильнаго надзора, съ этой стороны необходимы какъ ежегодныя повѣрки отчетовъ, такъ и ревизіи внезапныя и періодическія. Второму создается болѣе тѣсная связь съ текущею дѣятельностью союза, именно на его разрѣшеніе возводятся всѣ ссуды опредѣленнаго назначенія выше предѣльной цифры, всѣ культурныя улучшенія, и ему же ввѣряется высшій надзоръ за правильнымъ употребленіемъ ссудъ. Этимъ путемъ, въ лицѣ своего агента, Министерство Земледѣлія будетъ въ состояніи проводить въ сельскую среду всякія усовершенствованія, какъ техническія, такъ и сельскохозяйственныя.

Въ виду того, что Министерство Земледѣлія еще не имѣетъ въ уѣздахъ своихъ органовъ, мѣсто ихъ, впредь до ихъ введенія, занимаютъ, по настоящему проекту, уѣздные агрономы или члены уѣзднаго земства по назначенію земскаго собранія, тамъ же, гдѣ земства нѣтъ, подлежащіе органы администраціи или особо назначенныя лица, по соглашенію вѣдомствъ Земледѣлія съ мѣстной администраціей. Участіе земства совершенно естественно, такъ какъ въ настоящее время это есть единственный хозяйственный и культурный мѣстный органъ, причемъ съ устройствомъ мѣстныхъ органовъ Министерства Земледѣлія, эти послѣдніе не могутъ не стать съ нимъ въ тѣсную связь.

Предлагая Мм. Гг., на Ваше усмотрѣніе мой проектъ устава вмѣстѣ съ мотивировкою важнѣйшихъ его положеній, я позволю себѣ высказать увѣренность, что наше общество, обсудивъ приведенныя здѣсь основанія и предлагаемыя условія дѣятельности союзовъ, присоединится къ мыслямъ, положеннымъ въ основу проекта, признаетъ его заслуживающимъ осуществленія и не откажетъ въ своемъ за него ходатайствѣ.